ОЧЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Переступивъ за 74 года жизни и 53 года службы тремъ царямъ и отечеству, не безъ боязни приступаю къ составленію очерковъ сихъ. Боюсь во 1-хъ, быть пристрастнымъ къ самому себѣ по общей слабости всѣхъ смертныхъ видѣть въ себѣ болѣе достоинствъ, нежели въ другихъ; во 2-хъ, потому что автобіографіи могутъ быть интересны только лицъ, высокостоявшихъ въ средѣ общественной дѣятельности; мнѣ же судьба опредѣлила пройти нелегкій путь почти во всѣхъ слояхъ общества, но не ставила меня на высокую степень извѣстности. Имя мое не красуется въ придворномъ адресъ-календарѣ, опредѣляющемъ достоинства помѣщенныхъ въ немъ лицъ; нѣтъ его и въ печатномъ спискѣ тѣхъ особъ, о пріѣздѣ или выѣздѣ которыхъ объявляютъ дневные бюллетени. Итакъ среда, въ которой я вращался и вращаюсь уже почти полвѣка, не блестяща; слѣдовательно и интереса большого для читателя обѣщать не смѣю. Но по пословицѣ «*чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*» (дѣлиться), думаю, что пережитое и здѣсь чистосердечно разсказанное займетъ читателя. Можетъ быть, иные эпизоды изъ моей нехитрой жизни послужатъ къ развлеченію скуки тому, кто съ ней къ несчастію знакомъ, или наведетъ на серьезныя размышленія, кто ихъ любитъ, или же послужитъ цѣлебнымъ бальзамомъ отъ безсонницы.

I.

Первобытное состояніе. Дѣтство. Первыя впечатлѣнія жизни. Оспа. Комета. 1812 годъ. Нашествіе Французовъ и укрывательство отъ нихъ. Мародёры. Возстаніе жителей противъ Французовъ.

Кто были мои предки, доказывать не берусь. По собраннымъ въ 1847 году даннымъ я могъ убѣдиться только въ томъ, что они принадлежали къ низшему сословію и ни въ одну изъ 6-ти дворянскихъ книгъ не попали. Родился я въ 1806 году, въ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ Смоленской губерніи, Ельнѣ. Отца своего, умершаго до 1812 года, вовсе не помню. Первое, что̀ изъ семейной жизни запомнилъ: это мать моя Матрена Онисимовна (дай ей Богъ царство небесное!), я и братъ мой грудной младенецъ: вся наша семья. Жили мы въ своемъ домѣ. При домѣ былъ незатѣйливый садъ, въ которомъ было много фруктовъ, кои я раздавалъ съ удовольствемъ подобнымъ мнѣ дѣтямъ, приходившимъ къ

частоколу нашего сада. Въ саду ходила наша лошадь. Я къ ней однажды подошелъ и схватилъ ее сзади за хвостъ (доказательство, что я еще былъ очень малъ и глупъ), а она ударила меня заднею ногою въ голову и разбила черепъ головы. Меня внесли въ шалашъ. Далѣе что было не помню. Слѣды пораненой головы до сихъ поръ у меня имѣются. Послѣ такой страшной раны судьба опредѣлила мнѣ еще долго жить. Въ этомъ я усматриваю благій Промыслъ Небеснаго Творца, а не случайность.

Первое что послѣ ушиба головы сильно отпечатлѣлось въ моей памяти, это была у меня сильная натуральная оспа, которая, при заботливости и уходѣ за мной доброй моей матери, не оставила однакожъ на мнѣ замѣтныхъ слѣдовъ. Оспопрививаніе, введенное въ Россіи императрицею Екатериною II-ю, показавшею надъ собою примѣръ привитія оспы, еще очень мало было распространено въ народѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Натуральная оспа жертвы свои тогда свободно увѣчила и часто низводила въ могилу. Второе, это явившаяся предъ нашествіемъ Французовъ большая комета. При появленіи ея вечеромъ на горизонтѣ, толпы жителей выходили на дворы и улицы смотрѣть свѣтлую звѣзду съ хвостомъ. Всѣ утверждали, что это не къ добру, а къ большой войнѣ, и что метла помететъ Русскую землю и много народа погибнетъ. Это было въ г. Дорогобужѣ, въ 86 в. отъ Смоленска и въ 10 верстахъ отъ Ельни. «*Гласъ народа гласъ Божій*», говоритъ Русская пословица. Такъ оно въ 1812 году и случилось. Говорили и наговорили войну, войну страшную, народную, нашествіе на Россію *Французовъ и съ ними двунадесять языковъ*. Впрочемъ простой народъ по національностямъ не различалъ непріятелей: онъ всѣхъ враговъ называлъ Французами, а предводителя ихъ Наполеона Бонапарта Антихристомъ.

Бичъ Европы, выродившійся изъ Французской революціи, Наполеонъ I-й, съ огромною арміею, 12 Іюня 1812 года, перешелъ Нѣманъ между Ковною и Гродною и вступилъ въ предѣлы Россійской Имперіи. Поляки, обольщенные непобѣдимымъ дотолѣ полководцемъ, сочувствовали Французамъ и даже выставили противъ насъ особый корпусъ подъ командою князя Іосифа Понятовскаго. Русскіе, сперва пораженные ужасомъ и унынiемъ, потомъ одушевленные императоромъ Александромъ Благословеннымъ, поклялись мстить врагу, дерзнувшему войти въ предѣлы нашего отечества. Дружно всѣ сословія слились въ одну великую семью: жизнь, кровь, имущество, по гласу царя, все приносилось въ жертву. И старый, и малый, и даже женщины поднялись на страшнаго врага. Возникла та народная война, которая, какъ извѣстно, заставила враговъ устлать своими костьми поля Россіи. Изъ внутреннихъ провинцій Смоленская губернія и особенно Смоленскъ приняли на себя первые удары Наполеоновой арміи. Послѣ сраженія подъ симъ городомъ Напо-

леонъ, утромъ, 6 Августа, въѣхалъ въ него, когда городъ былъ въ развалинахъ и во многихъ мѣстахъ еще пылалъ. Смольяне не встрѣтили его, какъ въ Польшѣ и другихъ городахъ западной Европы, съ покорностію и раболѣпнымъ униженіемъ. Въ Смоленскѣ Русью пахло. Смоленскъ можно считать границею, переступивъ которую Наполеонъ могъ видѣть, что побѣды его въ Россіи не такъ легки будутъ, какъ бывали въ западной Европѣ. Тамъ націи были разъеденены и въ политическихъ интригахъ гибли одна за другою; здѣсь все Русское сплотилось въ одно цѣлое, грудью отстояло свою независимость и сверхъ того помогло всей Европѣ освободиться отъ тяжкихъ оковъ ненасытнаго завоевателя.

Въ описываемое мною время, когда послѣ погрома Смоленскаго, наши арміи стали отступать къ г. Дорогобужу, куда за ними погнался Наполеонъ, жители Дорогобужа, вѣроятно, также какъ и жители Смоленска и Москвы, медлили оставлять свои очаги и только тогда вдругъ поднялись на утёкъ, когда зарево пылавшихъ окрестныхъ селъ и деревень багровымъ цвѣтомъ покрыло весь горизонтъ. Это была страшная ночь. Мать моя, со мной и грудным братишкою моимъ Тимофеемъ, уложила въ повозку, запряженную въ одну лошадь, все что̀ успѣла захватить изъ своего имущества. Другіе жители Дорогобужа подобнымъ образомъ весьма торопливо снарядились въ путь къ г. Вязьмѣ. Вязьму мы нашли уже почти совсѣмъ пустою, но еще цѣлою, не выжженною. Изъ Вязьмы мы цѣлымъ обозомъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, укрылись въ какомъ-то лѣсу. Но здѣсь недолго были. Напали мародеры и ограбили всѣхъ, забравъ и лошадь нашу съ повозкою. Мы далѣе укрылись въ глубокомъ оврагѣ, покрытомъ кустарникомъ. Но насъ и тамъ нашли, по лаю бывшихъ съ нами собакъ и плачу дѣтей. Тутъ уже все обобрали, что̀ было у насъ. Укрывавшіеся всѣ разбрелись, кто куда вздумалъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что шайки мародёровъ нахлынули къ намъ изъ сосѣдней Польши. *Они-то болѣе, гдѣ не было войскъ, и грабили.* Русскіе, разный сбродъ, отребье гражданскаго общества, тоже не отставали въ грабежѣ отъ мародёровъ-Поляковъ. Жертвами же грабителей были по большей части беззащитные жители. Князь Кутузовъ-Смоленскій, уже по оставленіи Москвы, въ донесеніяхъ своихъ императору Александру Павловичу, особенно жаловался на мародёровъ, слѣдовавшихъ шайками за арміями и грабившихъ немилосердно бѣдныхъ и остававшихся беззащитными жителей.

Мать моя съ нами двоими, какъ помню очень хорошо, въ знойный день брела по дорогѣ въ тяжкой и безнадежной скорби. Помощи и защиты, казалось, ожидать было не откуда. Я плакалъ, потому что идти болѣе не могъ: ноги опухли и болѣли. Братишка у груди безпокоилъ изнуренную и отчаянную мать. Она двухъ дѣтей нести не могла, да я

уже былъ по 7-му году; ей меня невозможно было и поднимать. Но видно, Промыслъ Божій внялъ слезамъ нашимъ. Догналъ насъ на дорогѣ казакъ и, видя насъ троихъ въ такомъ жалкомъ положеніи, далъ матери одну очень смирную и, вѣрно, плохую лошадь изъ тѣхъ, которыхъ онъ велъ. На этой лошади, впрочемъ безъ упряжи, мы добрались до деревни или села Воробьева и тамъ укрывались, пока Французовъ не выгнали изъ Россіи или, говоря незабвенными словами Александра Благословеннаго, «пока ни единаго врага не осталось» въ нашемъ отечествѣ. Лошадь, которую далъ казакъ, кормить мы не могли (не до нея было); мы отдали ее хозяину дома, гдѣ на время пріютились.

Изъ тогдашней жизни сохранились въ памяти моей нѣкоторые случаи. *Первое*, я носилъ лапти. Они меня интересовали какъ вещь, мало мнѣ знакомая. Но это было въ первый и послѣдній разъ во всю мою жизнь. Носила ли лапти моя мать, не помню. *Второе*. Жители селенія, гдѣ мы укрывались, народъ былъ смышленый и смѣлый: постоянно сторожили непріятеля и особенно мародёровъ. Видно, селеніе было недалеко отъ театра войны. Въ случаѣ появленія враговъ въ большемъ числѣ, всѣ укрывались въ лѣсъ и въ поля, при маломъ же числѣ непріятелей смѣло на нихъ нападали съ косами, топорами и дреколіемъ, а послѣ и съ ружьями, отбитыми у враговъ. И подобныя сраженія, въ коихъ принимали участіе и женщины, происходили нерѣдко. За это, къ счастію, селеніе не подверглось мщенію Французовъ. *Третье*. Однажды Французъ забрелъ въ ту избу, гдѣ я днемъ спалъ (вѣрно, послѣ дѣтской бѣготни или ночнаго укрывательства) и сталъ, махая на меня саблею, что-то бормотать не по-русски. Въ избѣ были только женщины. Мать моя за меня страшно перепугалась и знаками просила его не убивать меня. Слезы матери и вмѣстѣ краткія слова его, обращенныя къ ней: «*млеко, яйко*», дали дѣлу иной оборотъ. Хозяйка, женщина здоровая, смѣлая, не разъ бывшая въ стычкахъ съ разными бродягами, смекнула и, открывъ половицу въ подъизбицу, указала Французу, что тамъ и молоко и яйца. Французъ (вѣрно, былъ голодный) вдругъ бросился въ подъизбицу. Хозяйка, въ тоже время схвативъ толкачъ или пестъ, чѣмъ толкутъ въ ступѣ сѣмена, ударила его сильно по головѣ. Онъ упалъ, и она его въ подъизбицѣ убила до смерти. Мужики, похваливъ бабу за смѣлость, ночью сволокли трупъ убитаго въ поле за згороду и тамъ зарыли. Трофеями побѣды остались сабля и тонкаго сѣраго сукна плащъ убитаго. *Четвертое*. «*Рябиновая ночь*, съ страшною теменью, съ почти непрерывными молніею и сильнымъ громомъ и дождемъ. Въ Смоленской губерніи вѣрятъ, что такія ночи бываютъ, когда рябина созрѣваетъ, и даже въ той мѣстности есть поговорка, когда кто провелъ ночь въ осо-

бенномъ страхѣ и испугѣ: «*ну ужъ ночка была, пуще рябиновой*». Въ другихъ губерніяхъ подобной поговорки я не слыхалъ.

Смоленскъ и тѣ мѣстности Смоленской губерніи въ отечественную войну, по которымъ сперва Французы шли съ торжествомъ побѣдителей, а потомъ бѣжали преслѣдуемые по пятамъ штыками, казачьими пиками, нагайками и кровавымъ стягомъ мужичковъ, пострадали болѣе, нежели другія мѣстности Россіи, кромѣ Москвы. Но Москву жгли сами Русскіе. Въ Смоленскѣ сжегъ непріятель около 2000 зданій. Осталось во всемъ городѣ не болѣе 350 домовъ и другихъ зданій. Общую потерю жителей считали до 7 мил. рублей [1]). Это на одинъ только городъ; а сколько понесла потерь вся губернія, не исчислено. Со времени нашествія Французовъ экономическое положеніе губерніи упало до того, что и нынѣ она причисляется къ числу бѣднѣйшихъ.

II.

Возвращеніе во свояси.—Вязьма.—Ельня.—Дорогобужъ.—Начало моего ученья грамотѣ.—Опять мы на родинѣ.—Смерть матери.—Военносиротское отдѣленіе. — Добрый человѣкъ.

По изгнаніи Французовъ мы втроемъ прибыли въ Вязьму. Была уже зимняя, холодная, пора [2]). Городъ почти весь выгорѣлъ; оставалось лишь нѣсколько домовъ, занятыхъ больными и ранеными войнами. Намъ не было пріюта нигдѣ, кромѣ небольшой бани, бывшей до войны въ городѣ, а послѣ оной стоявшей одиноко, какъ будто въ полѣ. Тутъ моя мать съ нами поселилась на время. Но вскорѣ отъ горя и неудобствъ она и братишка мой заболѣли. Послѣдній умеръ. Я его очень любилъ и до сихъ поръ еще его жалѣю. Мать долго томилась въ горячешномъ бреду, поддерживая жизнь только тѣмъ, что̀ я доставалъ въ госпиталѣ у раненыхъ солдатъ [1]). Наконецъ она поправилась. Изъ Вяземскихъ впечатлѣній сохранилось въ моей памяти особенно то, что по прибытіи въ Вязьму я видѣлъ множество человѣческихъ труповъ. Ихъ сваливали на сани какъ дрова и, отвозя въ большія ямы, зарывали тамъ на вѣчный покой. Собаки, одичавшія безъ хозяевъ, терзали трупы мертвыхъ и были даже весьма опасны для живыхъ прохожихъ. Я даже самъ чуть-чуть не сдѣлался ихъ жертвою. Отбилъ меня отъ нихъ какой-то добрый человѣкъ. Съ тѣхъ поръ я боюсь собакъ и никогда ихъ у себя не держалъ. По случаю такой опасности отъ собакъ, ихъ въ городѣ стрѣляли. Это же повторялось послѣ Французовъ и въ другихъ городахъ. Кто и какъ хоронилъ умершаго моего брата, не помню.

[1]) Исторія г. Смоленска П. Никитина, гл. V.

[2]) 1812 годъ памятенъ, между прочимъ, обильнымъ урожаемъ хлѣба, травъ и плодовъ и сильными морозами.

Когда же мать поправилась, мы прибыли въ г. Ельню, остававшуюся въ сторонѣ отъ Французовъ и пострадавшую только отъ движенія чрезъ нее большого числа войскъ. Въ этомъ бѣдномъ городишкѣ было также много больныхъ и раненыхъ солдатъ. Здѣсь мы нашли для себя временный пріютъ, много одичалыхъ собакъ, которыхъ въ городѣ стрѣляли, и большія ямы съ почернѣвшими покойниками, еще не зарытыми. Ужасъ отъ сихъ покойниковъ обуялъ меня невыразимо. Въ Вязьмѣ были мертвые Французы и, вѣроятно, съ ними и Русскіе замерзшіе; въ Ельнѣ же трупы, распухшіе, почернѣвшіе, издававшіе ужасно непріятный запахъ, хоть ихъ было и гораздо меньше, чѣмъ въ Вязьмѣ. Вскорѣ однакожъ покойники были зарыты. Въ Ельнѣ мы недолго жили и отправились въ Дорогобужъ. Было лѣто. Убитые и умершіе, свои и чужіе, тамъ были похоронены. Городъ меньше Вязьмы пострадалъ, какъ мнѣ помнится. Пустыри были, но только мѣстами. Здѣсь послѣдствіемъ минувшей войны были частые пожары отъ злоумышленниковъ съ цѣлью грабежа. Мы жили на почтовомъ дворѣ и, какъ другіе, ложась спать, все имущество въ узлахъ клали подъ головы, чтобы, въ случаѣ пожара, хоть что нибудь спасти. Начальство приняло наконецъ должныя мѣры: мошенники и поджигатели пойманы, и пожары прекратились. Во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, лишь только правительство ослабнетъ, подонки общества всплываютъ наверхъ и начинаютъ разгуливать ко вреду и несчастью ближнихъ. Кто какъ ни выставляй патріотизмъ, но и Москва въ 1812 году горѣла немало отъ своихъ же злоумышленниковъ.

Въ Дорогобужѣ началось мое ученье грамотѣ у какого-то священника очень строгаго. Отъ него меня отдали къ дьячку, который былъ добрѣе.

Программа ученія была очень не сложна. Азбука, печатанная церковными буквами, кирилица, Часословъ и Псалтирь, цифры церковныя, которыя затвердивъ помню еще до сихъ поръ, и письмо. Когда я научился нѣсколько читать и писать, мать водила меня по канцеляріямъ, желая меня при своей жизни пристроить къ мѣсту. Но какъ я былъ еще малъ и плохо писалъ, то меня нигдѣ на службу не приняли. Въ то время канцелярскіе служители пополнялись дѣтьми подъячихъ и семинаристами; а канцеляріи военнаго вѣдомства воспитанниками военно-сиротскихъ отдѣленій и тоже семинаристами, за изліешествомъ въ духовномъ вѣдомствѣ поступавшими въ военную службу. Въ ихъ-то рукахъ и головахъ творилась канцелярская формалистика. Знать по своимъ привиллегіямъ стояла высоко и отъ черной канцелярской работы убѣгала. Въ наше время мы видимъ въ канцелярскихъ должностяхъ и дворянъ и по образованію людей вполнѣ достойныхъ; въ описываемое

же мною время канцелярскіе служители, чиновные и нечиновные, составляли особую касту, правда, дѣловую, но бывшую у всѣхъ въ пренебреженіи и носившую названіе: «*крапивное сѣмя*». И такъ, благодаря Промыслу Божію, я не попалъ туда.

Между тѣмъ, бѣдная моя мать, потерявъ все въ 1812 году, заболѣла чахоткою и переѣхала со мной на жительство опять въ Ельню, Тутъ она вновь отдавала меня учиться грамотѣ къ дьячку же и вмѣстѣ хлопотала объ опредѣленіи меня куда нибудь на службу. Но не успѣвъ въ послѣднемъ и мало радуясь въ первомъ, наконецъ въ Декабрѣ 1816 г. умерла, оставивъ меня одного и безъ ничего для жизни. Подобныхъ сиротъ, послѣ нашествія Французовъ, въ Смоленской губерніи было очень много изъ всѣхъ сословій. Благодаря попечительному о такихъ сиротахъ правительству, ими переполнено было Смоленское военно-сиротское отдѣленіе, самое большое по числу воспитанниковъ въ Россіи. Туда, къ счастію моему, и меня отвезли послѣ похоронъ достойной моей матери, достойной я сказалъ, потому что она, бывъ строга съ разсудкомъ, всегда учила меня тому, что̀ было честно и полезно для меня и что̀ вообще выражало доброту души и благородство. Отъ нея, въ краткую для меня ея жизнь, я получилъ хорошія сѣмена, коими существую до сихъ поръ. Была ли она сама грамотна, не знаю. Памяти отъ нея у меня никакой не осталось. Между чужими она умерла сорока лѣтъ, чужіе люди хоронили ее. Миръ праху ея, царство ей небесное!.. Спасибо добрымъ людямъ: они держутъ землю на добрыхъ началахъ, ими красна наша здѣшняя жизнь.

Въ Смоленское военно-сиротское отдѣленіе зачисленъ я по 12 году отъ рожденія, въ Январѣ 1817 года. Туда я былъ отправленъ безъ всякой помощи, кромѣ того, что̀ мнѣ далъ одинъ добрый гражданинъ, около 5 рубл. асс. Имя этого добраго и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка сохранится въ памяти моей навсегда. Звали его Парѳенъ Ѳедоровичъ Ярцевъ, купецъ 1-й, кажется, гильдіи. Онъ въ Ельнѣ былъ, по богатству и по личнымъ достоинствамъ, первымъ гражданиномъ. Въ дни праздниковъ, особенно двенадесятыхъ, бѣдняки города заходили къ нему, онъ всѣхъ ихъ одѣлялъ кускомъ пирога и по 5 коп. деньгами. По незначительности города бѣдные всѣ были у него на виду; посторонніе, неблагонамѣренныя люди въ немъ укрываться не могли. Я съ матерью часто гостилъ у Парѳена Ѳедоровича по нѣсколько дней, и мнѣ тогда была лафа: сладостей въ лавкѣ было довольно, и мнѣ пользоваться ими не воспрещали. Имъ на рынкѣ, противъ его дома, построена часовня въ пользу церкви. Въ частной жизни онъ былъ самый трезвый и честный; бѣдныхъ вообще не забывалъ и городскихъ и деревенскихъ. Имѣя всѣ достоинства нравственныя, онъ, къ его несчастію, имѣлъ боль-

шой физической недостатокъ: косолапость ногъ. У него пятки ногъ выходили въ стороны, а пальцы обращались одни противъ другихъ между ногъ. При ходьбѣ онъ ступалъ одною ногою черезъ другую. При этомъ недостаткѣ онъ влюбился въ молоденькую и хорошенькую купеческую дочь, помню, Анну Ивановну. Послѣ большихъ хлопотъ и нежеланія ея выйти за него, онъ на ней наконецъ женился. Сперва они жили хорошо и вполнѣ согласно, любя, повидимому, другъ друга. Она забеременѣла и, къ несчастью, родила сына, съ такими же точно ногами, какія были у отца. Отецъ конечно наслѣднику былъ радъ; мать же, всплеснувъ руками, предалась горю и отчаянію, что такія же отъ нихъ будутъ и всѣ дѣти. Дитя, для котораго была взята хорошая кормилица, чтобъ мать менѣе его видала и менѣе сокрушалась объ его уродствѣ, жило недолго. Мать была рада смерти сына. Отецъ напротивъ очень горевалъ. Началась между супругами разладица. Жена стала пить и мотать. Въ отсутствіе мужа, она брала его лошадей, коляску, брала деньги, товары и отправлялась на родину въ г. Мещовскъ; тамъ кутила пока было на что и возвращалась домой въ безобразномъ видѣ. Изъ самой милой особы обратилась она въ совершенно потерянную женщину. Мнѣ мальчишкѣ жаль было на нее смотрѣть, особенно когда она меня просила достать ей водки и нюхательнаго табаку, тютюна самаго простого. Въ домѣ, кромѣ нея, никто водки не пилъ и табаку не нюхалъ. Такъ самое милое и, по наружности, прекрасное существо можетъ глубоко нравственно упасть отъ недостатка твердыхъ началъ религіи и нравственности. Между тѣмъ эта несчастная женщина одарена была отъ природы залогами полнаго счастья, такъ какъ она, при всей ея слабости, была добра. Природа злодѣевъ и развратныхъ не производитъ; отъ случайнаго рожденія, воспитанія и среды, въ коей человѣкъ отъ колыбели до мужества своего готовитъ нравственные запасы для жизни, является онъ въ обществѣ или добрымъ или злымъ, полезнымъ или вреднымъ. Какимъ образомъ эта Анна Ивановна, уже будучи въ возрастѣ и матерью, сдѣлалась такою нравственно-безобразною? Гдѣ корень ея несчастья? Думаю, кромѣ недостатка религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, могли быть причины психическія, сокрытыя отъ постороннихъ. Но какъ бы то ни было, эта семейная драма кончилась тѣмъ, что мужъ разорился и изъ купцовъ почетныхъ попалъ сначала въ мѣщане, потомъ, по смерти жены, постригся въ монахи и, будучи тамъ казначеемъ, писалъ мнѣ письмо съ присылкою двухъ образовъ въ благословеніе и напослѣдокъ успокоился *«идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе»*.

III.

Военно-сиротскія отдѣленія. Воспитаніе въ нихъ дѣтей. Мое ученье. Министерская школа. Солдатскія дѣти. Дворяне. Программа ученья. Мое опредѣленіе на службу. Смоленскъ.

О военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ времени Александра Благословеннаго пишутъ и говорятъ ужасы; но я, пробывъ въ Смоленскомъ отдѣленіи шесть лѣтъ, могу завѣрить, что страшенъ чортъ, но не такъ, какъ его малюютъ. Помѣщеніе сначала было скверное. Тѣсныя Казанскія ветхія, деревянныя казармы съ нарами по всѣмъ стѣнамъ. Спали и сидѣли на нихъ дѣти по возрастамъ и классамъ всѣ подъ рядъ и тѣсно другъ къ другу. Отъ этого были скверный воздухъ, нечистота, болѣзни, особенно чесотка и цинга. Пища порядочная. Строгости особенной и истязаній не было, кромѣ розогъ, стульевъ съ цѣпями, которыя за побѣги и другіе болѣе важные поступки надѣвались на шею и замыкались на замокъ, и колодокъ. Розги чаще были въ употребленіи, стулья и колодки рѣже. Вскорѣ смотрителемъ отдѣленія сдѣланъ былъ подполковникъ Карповъ. При немъ, сколько помню, порядокъ измѣнился къ лучшему. Изъ Казанской казармы перемѣстили за городъ до 500 человѣкъ, преимущественно сиротъ, въ Свирскія казармы. Болѣе 1000 человѣкъ, не-сиротъ, училось въ домѣ на Блоньѣ, въ центрѣ города, а жило съ родными и знакомыми на вольныхъ квартирахъ. Тутъ были болѣе или менѣе дѣти со средствами; въ казармѣ—голыдьба. На квартирахъ дѣти имѣли свою пищу, получая провіантъ. Въ казармахъ казенную одежду всѣ имѣли форменную: на головѣ трехугольный острый или перегнутый колпакъ, лѣтомъ—куртку, а зимой полушубокъ, на ногахъ полусапожки съ переди съ языками и разрѣзами. На шитье бѣлья, смазку сапогъ, иголки, нитки и проч. отпускались аммуничныя деньги по 3 р. (нынѣ 75 к.) въ годъ на человѣка. Это казна отпускала всѣмъ равно и дворянамъ, и простымъ дѣтямъ.

Въ Свирскихъ казармахъ, каменныхъ, нетѣсныхъ, устроены были кровати, окрашенныя зеленою краскою, табуреты для каждаго ученика, между двухъ кроватей по столу съ ящиками, тюфяки соломенные, подушки перяныя, одѣяла съ подъодѣяльниками. Простыни, полотенца всегда чистыя. Пища довольно порядочная для прихотливаго. Каморы для спанья, столовая и классы все особенно. Противъ Казанскихъ казармъ вышло гораздо лучше и цѣлесообразнѣе. Матушка же Россія въ тѣ времена казною была не богата: войны съ Французами, Турками и Шведами опорожнили государственное казначейство. Слѣдовательно, по средствамъ, для безпріютныхъ сиротъ и солдатскихъ дѣтей устроено было помѣщеніе недурно.

Такимъ образомъ я попалъ въ общество товарищей мнѣ совершенно незнакомыхъ. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, бывало, новичка сперва съ ногъ до головы осмотрятъ, соображая, каковъ-то онъ; потомъ задерутъ и потузятъ, чтобъ узнать и силу и характеръ и чтобъ, если удастся, настроить его на свой ладъ. Со мной обошлись хорошо. Только, какъ новичка, хотѣли понадуть. Съ этою цѣлію посадили меня играть въ карты, такъ какъ замѣтили, что у меня были небольшія деньженки. До этого случая я и понятіи не имѣлъ о картежной игрѣ на деньги; но тѣмъ не менѣе мнѣ доказали, что эта игра и пріятна и выгодна. Къ счастію моему старшій учитель, проходя по камерамъ, замѣтилъ насъ играющихъ въ карты и обратился прежде всѣхъ ко мнѣ съ строгимъ замѣчаніемъ, зачѣмъ я позволилъ себѣ играть въ карты и гдѣ взялъ деньги. Потомъ онъ распекъ плутовъ, увлекшихъ меня въ игру. Изъ розыска оказалось, что у нихъ денегъ вовсе не было, и они только хотѣли поживиться моими. Карты и деньги мои учитель отобралъ; первыя уничтожилъ, а послѣднія выдавалъ мнѣ по мѣрѣ надобности. За этотъ проступокъ, какъ мнѣ помнится, никто не пострадалъ. Испугъ мой по этому случаю и отвращеніе отъ картежной игры остались во мнѣ на всю жизнь. Между моими товарищами были дѣти почти всѣхъ сословій: дворяне, оберъ-офицерскіе и разночинцы, но болѣе солдатскіе. И всѣ свезены и сведены сюда поневолѣ, а не по собственному хотѣнію. Возраста дѣти были различнаго, развитія плохого и почти безъ всякаго понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ. До 18-ти лѣтняго возраста, а иногда и болѣе, воспитанники находились въ отдѣленіи, а потомъ отправлялись изъ онаго на службу съ тѣми знаніями, кто какія успѣлъ пріобрѣсти: дворяне—въ дворянскій полкъ, а прочіе въ полки, команды и разныя вѣдомства, смотря по способности каждаго.

Выше я оставилъ пробѣлъ на счетъ системы тогдашняго, т. е. 1817—1822 годовъ, образованія дѣтей въ Смоленскомъ баталіонѣ и военно-сиротскомъ отдѣленіи, впослѣдствіи военныхъ кантонистовъ. Этотъ періодъ я потому избралъ, что самъ пробылъ показанные года въ отдѣленіи и чѣмъ тамъ запасся въ научномъ отношеніи, съ тѣмъ и отправленъ былъ на царскую службу. Я поступилъ въ отдѣленіе, умѣя читать Псалтирь и писать порядочно по линейкамъ. Въ отдѣленіи программа ученія была слишкомъ сокращена. Всѣхъ равно учили читать, какъ я и дома учился; начиная съ азбуки-кирилицы, переходили на Часословъ и оканчивали Псалтирью. На чистописаніе и Ариѳметику обращалось особенное вниманіе, такъ какъ изъ воспитанниковъ отдѣленій комплектовались въ полкахъ должности фельдфебелей, вахмистровъ, каптенармусовъ, капраловъ, унтеръ-офицеровъ, фельдшеровъ, писарей и т. п. Это фундаментъ, на коемъ удерживается строй солдатъ, а душа

воинской службы—дисциплина. Фельдфебель въ ротѣ, вахмистръ въ эскадронѣ, капралъ въ своемъ капральствѣ, а вообще говоря, унтеръ-офицеръ, ближайшій начальникъ солдата, въ особенности же во время расквартированія войскъ на зимнее время по деревнямъ, когда офицеры находятся далеко отъ солдатъ. Поэтому, я думаю, на сіи только два предмета преимущественно и обращалось вниманіе при образованіи кантонистовъ. Въ послѣдній годъ моего ученья въ отдѣленіи введенъ былъ краткій Катихизисъ и нѣкоторая часть Воинскаго Устава, весьма ничтожная. Такимъ образомъ кто изъ учениковъ хорошо читалъ, писалъ и Ариѳметику зналъ, да кое-что изъ Катихизиса и Устава, тотъ и считался хорошимъ будущимъ слугою царя, съ тѣмъ и на службу поступалъ.

Въ началѣ 20-хъ годовъ въ Смоленскомъ отдѣленіи преподавались тѣже предметы, еще и по особой *Ланкастерской методѣ,* о корой Н. И. Гречъ говоритъ въ своихъ Запискахъ. Спеціально оцѣнивать эту методу я не берусь. Но бывъ очевидцемъ этой методы, называвшейся у насъ болѣе *методою взаимнаго обученія*, смѣю выразить свое мнѣніе, основываясь на очевидныхъ фактахъ, что эта метода чрезвычайно облегчала ученье грамотѣ, особенно чтенію и чистописанію. Для ученья по ней въ Свирскихъ казармахъ образованъ былъ особый классъ, въ который были набраны ученики, вновь поступившіе въ сиротское отдѣленіе, вовсе безграмотные и немалыхъ возрастовъ. Ихъ обучали грамотѣ по новой гражданской азбукѣ, изъ коей были исключены ненужныя буквы: зѣло, отъ, кси, пси. Произношеніе буквъ введено также новое. Наприм: вмѣсто *азъ, буки, веди, глаголь, добро* и т. д. стали говорить коротко и сообразно съ свойствомъ нашего языка: *а, бе, ве, ге, де* и т. д. Это ученикамъ болѣе нравилось нежели прежняя метода зазубриванія алфавита. Послѣ тверженія буквъ, стоя въ полукругѣ по 12 человѣкъ, одинъ выговаривалъ буквы, крупно напечатанныя на таблицѣ, висѣвшей въ срединѣ полукруга на стѣнѣ, а другіе за нимъ слѣдили; затѣмъ ученики садились за столы и тѣже буквы писали на пескѣ заостреными палочками. Такимъ способомъ ученье почти взрослыхъ мальчиковъ *скоро* подвигалось впередъ. Отъ буквъ переходили къ складамъ, отъ складовъ къ цѣлымъ словамъ и наконецъ къ фразамъ. Когда ученики по песку могли твердо писать фразы и цифры до извѣстныхъ придѣловъ, ихъ сажали за обыкновенные столы и заставляли уже писать на бумагѣ чернилами и перомъ. Чрезъ полтора, а много два года мальчики въ грамотности вообще догоняли, а иные даже перегоняли тѣхъ, которые по четыре года и даже по пяти лѣтъ учились по прежней методѣ. Если не ошибаюсь, кажется, со времени появленія у насъ Ланкастерской методы, вошли въ общее употребленіе азбуки

гражданской печати, съ исключеніемъ изъ алфавита ненужныхъ буквъ и съ выговоромъ буквъ по легчайшему способу. Къ сожалѣнію Ланкастерскія школы вскорѣ были вездѣ закрыты, потому что члены тайныхъ обществъ посредствомъ таблицъ, вывѣшиваемыхъ въ классахъ для чтенія и чистописанія съ нихъ, преимущественно *скорописью*, стали распространять идеи, противныя существовавшему порядку вещей *). Прошу при семъ замѣтить, что я описалъ здѣсь только то, чему самъ былъ ближайшимъ очевидцемъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два года бытности моей въ Свирскихъ казармахъ, я, въ качествѣ учительскаго помощника, завѣдывалъ вторымъ классомъ (ихъ было тамъ 4) и за отсутствіемъ учителя, женатаго и жившаго на квартирѣ, все почти управленіе классомъ, въ коемъ было до 90 человѣкъ, лежало на мнѣ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ, относительно программы ученья и вообще учебныхъ и административныхъ порядковъ, были свои особенности, смотря по тому, куда дѣти приготовлялись; наприм. для службы въ артиллерійскомъ, инженерномъ и другихъ вѣдомствахъ. Съ 1823 года когда военно-сиротскія отдѣленія были переименованы въ баталіоны, полубаталіоны и роты военныхъ кантонистовъ, характеръ ихъ существованія еще болѣе измѣнился. Но описаніе онаго въ предѣлы сихъ очерковъ не входитъ.

Находился я въ Смоленскомъ отдѣленіи съ 17 Января 1817 по Май 1823 года, числясь по спискамъ изъ солдатскихъ дѣтей. Во все это время никто меня въ немъ не навѣстилъ. Ни чьей ни родственной, ни знакомой мнѣ ласки и привѣта, я не видалъ, въ праздники ни къ кому не ходилъ и знакомыхъ въ Смоленскѣ не имѣлъ. Въ свободное отъ ученья время меня не стѣсняли. Поля, лѣса, рѣка Днѣпръ, вообще природа съ ея красотами лѣтомъ меня манили, я наслаждался ими. Зимой, послѣ классовъ, катанье, снѣжки и другія зимнія забавы.

Въ 1823 году, умѣя хорошо читать церковныя книги, зная Ариѳметику до правила товарищества включительно и писать довольно хорошо, молитвы всевозможныя и Катихизисъ краткій, я отправленъ былъ, въ числѣ лучшихъ 46 чел. непривиллегированнаго сословія въ С.-Петербургъ, въ 1-й учебный карабинерный полкъ, безъ гроша денегъ, никѣмъ не напутствуемый и не провожаемый. Дворяне же, изъ коихъ иные едва порядочно умѣли писать, всѣ были отправлены въ С.-Петербургъ же, въ Дворянскій полкъ, откуда они чрезъ годъ или два выпускались въ армію офицерами. Выходило такъ, что мои ученики или другихъ классовъ мальчики-дворяне, выпущенные съ плохими знаніями, когда мы

*) Смотри въ „Русскомъ Архивѣ“ (1868—1871) любопытныя Записки Н. И. Греча, въ коихъ говорится о Ланкастерскихъ школахъ, у насъ введенныхъ и потомъ закрытыхъ.

въ столицѣ не успѣли еще осмотрѣться, были уже офицерами. Такіе прежде были порядки на основаніи существовавшихъ законовъ. Слава Богу, они свой вѣкъ почти отжили.

Прежде разставанья въ сихъ Запискахъ съ Смоленскомъ навсегда, я считаю нужнымъ упомянуть, что послѣ разоренія, въ 1812 году, Французами, Смоленскъ съ 1816 по 1823 годъ почти ничѣмъ не поправился относительно наружнаго вида. Внутри города стояли многія каменныя зданія въ развалинахъ. На окраинахъ города также оставались дома погорѣлые и разоренные. Пустыри, и внутри стѣнъ, окружавшихъ Смоленскъ, и за стѣной вездѣ, оставались незастроенными. Въ стѣнахъ Свирской церкви и другихъ, внутри города, видны были пушечныя ядра. Они, кажется, сохранились до сихъ поръ, свидѣтельствуя о бывшемъ погромѣ. Около стѣнъ Годуновскихъ, за городомъ и на поляхъ со стороны Королевской крѣпости, откуда наступалъ Наполеонъ 1-й, оставались пепелища, гдѣ жгли тысячами трупы убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и стужи, бѣжавшихъ враговъ Россіи. Въ ихъ пепелищѣ и на поляхъ, между стѣнъ Смоленскихъ и батарей Наполеона 1-го, съ коихъ онъ самъ направлялъ орудія на городъ, школьники находили множество вещей, принадлежащихъ къ вооруженію и одеждѣ непріятелей, и даже золотыя монеты. Въ сторонѣ, недалеко отъ Французскихъ батарей и Красненской дороги, помню хорошо, былъ большой оврагъ, дно котораго наполнено было костьми человѣческими, въ страшномъ количествѣ. Тамъ же множество находилось полусгнившей аммуниціи солдатской: кивера, сумки, портупеи и проч. Это, видно, былъ заглазный уголокъ, куда бросались трупы людей, гдѣ они, можетъ быть, гнили не зарытые въ землю, или только слегка ею прикрытые. Дожди и весеннія воды обнажили ихъ кости. Картина ужасная, тѣмъ болѣе, что смѣльчаки, посѣщавшіе сей оврагъ, нерѣдко заражались болѣзнями. Построенная, при Борисѣ Годуновѣ вокругъ Смоленска каменная стѣна съ башнями, проломанная ядрами Французовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, осталась неисправленною и впослѣдствіи почти вся разобрана. Осталось только нѣсколько башень и часть стѣны, гдѣ уничтоженіе ея оказалось не совсѣмъ удобнымъ. Впослѣдствіи, при помощи правительства, городъ обновился и теперь онъ приведенъ въ красивый видъ. Теперь Смоленскъ въ общественной жизни не отстаетъ отъ другихъ губернскихъ городовъ. Смоленско-Брестская желѣзная дорога придаетъ Смоленску немаловажное значеніе въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ.

IV.

Дѣйствительная служба. 1-й ученый карабинерный полкъ. Денщикъ Борода. Аудиторіатскій Департаментъ Военнаго Министерства. Мое содержаніе. Занятія въ немъ. Генералъ Тучковъ. Декабристы. Исаіевская площадь. Генералъ-аудиторъ Миловановъ.

Выше уже сказано, что я, въ 1823 г., въ числѣ 46 человѣкъ, былъ зачисленъ на службу въ учебный карабинерный полкъ, рядовымъ. Тутъ насъ всѣхъ разсортировали. Рослыхъ, здоровыхъ обратили во фронтъ, слабыхъ и малыхъ ростомъ, въ нестроевую роту; первые для приготовленія въ унтеръ-офицеры, въ армію; послѣдніе въ писаря и другія нестроевыя должности, въ числѣ ихъ и я находился. До Января 1825 года я вытеръ лямку въ нестроевой ротѣ, въ послѣднее время писаремъ. Нужды и особой тяжести службы я не испыталъ. Взысканію, при всей тогдашней строгости, я подвергся одинъ только разъ: стоялъ нѣсколько часовъ на часахъ у воротъ за то, что не по уставу отдалъ честь баталіонному командиру. Въ ротѣ къ образованію моему прибавилось только то, что меня научили Грамматикѣ, которую я прошелъ до синтаксиса. Я упомянулъ, что особой тяжести службы въ полку я не испыталъ. Теперь мнѣ ясно почему. Шефомъ полка былъ генералъ-адъютантъ Бистромъ, а адъютантомъ его князь Оболенскій, Декабристъ, имѣвшій хорошія отношенія къ нашимъ ротнымъ офицерамъ, учившимъ насъ въ классахъ. Отношенія сихъ офицеровъ къ намъ солдатикамъ, ученикамъ ихъ, были кроткія и благоразумныя. Но въ ротахъ и бататаліонахъ, гдѣ кантонисты приготовлялись къ фронтовой службѣ, строгость была необычайная. Побои, розги, палки, шомпола и тесаки были въ большомъ ходу и считались необходимостью. Теперь, (въ 1878 г.) мнѣ, какъ очевидцу, не вѣрится, какъ могли молодые солдаты переносить подобныя жестокія наказанія [1]). Приведу одинъ примѣръ, оставившій во мнѣ навсегда тяжелыя впечатлѣнія. Въ учебномъ саперномъ баталіонѣ, подвѣдомственномъ генералъ-инспектору инженеровъ, состоялъ отличный фронтовикъ, рядовой, ждавшій съ нетерпѣніемъ галуновъ на воротникъ. Вдругъ ротный офицеръ выбралъ его, какъ мальчика стройнаго, красиваго и расторопнаго, себѣ въ деньщики [2]) Съ этимъ назначеніемъ у молодого солдатика исчезали надежды на унтеръ-офицерское званіе и на всѣ лучшіе виды по службѣ. Онъ въ отчаяніи просилъ, умолялъ освободить его отъ назначенія въ деньщики. Но офи-

[1]) Въ учебныя войска кантонисты поступали на службу съ 18 лѣтняго возраста, не совсѣмъ сложившіеся.

[2]) Въ учебный саперный баталіонъ, изъ всѣхъ кантонистовъ, прибывавшихъ въ Петербургъ, выбирались люди видные и въ грамотности болѣе подготовленные.

церъ настаивалъ на своемъ, приводя аргументы, что солдатъ долженъ служить вездѣ, куда бы его начальство ни назначило. Не смотря на это, солдатикъ рѣшительно отказался служить деньщикомъ. Пошло дѣло объ ослушаніи по начальству. Главный инженерный начальникъ опредѣлилъ ослушника предъ баталіономъ, для примѣра, подвергнуть строжайшему наказанію розгами, пока не престанетъ упорствовать и не согласится служить деньщикомъ. Мальчика долго сѣкли розгами и, давая отдыхи, вымогали у него согласія; но онъ перенесъ страшную пытку и все-таки настоялъ на своемъ: не пошелъ въ деньщики. Послѣдствія сего были такія, что солдатика, изувѣченнаго, отправили сперва въ госпиталь на излеченіе, а потомъ куда-то сослали и что вслѣдствіе такой непріятной и тяжелой для начальства исторіи, послѣдовало высочайшее повелѣніе: впредь нижнихъ чиновъ изъ солдатскихъ дѣтей въ деньщики не назначать. Недавно былъ примѣръ, что матросъ не хотѣлъ брить бороды своей. Его судили и сослали, но потомъ разрѣшили всѣмъ солдатамъ въ арміи носить бороды. Такимъ образомъ въ царствованіе императоровъ Александра I, Благословеннаго, солдатикъ, пожертвовавъ собой, освободилъ товарищей отъ насильственнаго назначенія въ деньщики; а при Александрѣ II, Освободителѣ, борода возвратила свои права, за которыя боролась почти два вѣка.

30 Января (день моего ангела) 1825 г., въ числѣ 10-ти человѣкъ, я представлялся къ генералу Бистрому на смотръ, съ почеркомъ письма и съ аттестаціею о хорошемъ поведеніи. Всѣ мы, на основаніи положенія 1817 года, выбраны были и предназначались въ Аудиторіатскій Департаментъ для пріуготовленія въ аудиторскіе писаря и потомъ въ аудиторы. Генералъ насъ осмотрѣлъ, похвалилъ и послѣ краткаго наставленія, чтобъ служили и вели себя хорошо, приказалъ отправить насъ въ Департаментъ, куда мы и поступили того же числа на службу. Такимъ образомъ, съ самымъ плохимъ запасомъ знаній для службы и вообще для жизни, поступилъ я въ настоящую службу на 20-мъ году отъ роду. Но на хорошей почвѣ, при благопріятныхъ условіяхъ климата, и плохія сѣмена даютъ иногда хорошій плодъ. Надо при этомъ замѣтить, что до вступленія въ Аудиторіатъ на службу, я не читалъ ни одной книги гражданской печати. По этому можно судить о скудости моего образованія и что́ мнѣ предстояло впереди, чтобы выдти въ жизни на лучшую дорогу, честную и благородную. Природа надѣлила меня незавидными способностями, при слабомъ темпераметрѣ. Поэтому мнѣ еще труднѣе было пробивать себѣ тропу; но дивная Твоя, Господи, въ немощахъ совершается!.. Ты, Всеблагій Боже, былъ мнѣ единъ покровитель и защитникъ! Надо знать, что въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ была заведена небольшая библіотека юридическихъ книгъ и для образца

разныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ процессовъ. Съ ними я долженъ былъ познакомиться и познакомиться серьезно. Кромѣ того, и это для меня было важнѣе, аудиторскіе писаря, уже готовившіеся къ выпуску въ аудиторы, и чиновники, брали по подпискѣ, изъ библіотеки Плавильщикова, лучшей тогда въ Петербургѣ, разные журналы и книги для чтенія. Ими пользовался и я. Вотъ тутъ-то мнѣ открылся вдругъ горизонтъ свѣта къ развитію. Послѣ Псалтыря и Часослова, языкъ литературы того, какъ извѣстно, цвѣтущаго времени, особенно для поэзіи, меня сильно поразилъ своею легкостію и ясностію. Я предался чтенію и выпискѣ нравившихся мнѣ стиховъ и прозы. Покупать книгъ было не на что, получая жалованья 75 к. въ треть отъ полка и, кажется, по 25 коп. въ мѣсяцъ на баню и проч. Съ такими средствами, днемъ я занимался перепискою по службѣ бумагъ, вечеромъ и ночью, особенно лѣтомъ, когда въ Петербургѣ вечернюю зорю смѣняетъ утренняя, чтеніемъ попадавшихся мнѣ книгъ. Чтеніе составляло любимѣйшее мое занятіе. Сперва читалъ я все безъ разбору, что̀ попадало и печатное, и письменное, не бывшее въ печати, но въ рукописяхъ ходившее по рукамъ. То было время, когда въ рукописяхъ ходило по рукамъ много сочиненій. Цензура была придирчива, а любознательность въ публикѣ сильна; запрещенный же плодъ кажется всегда слаще незапрещеннаго. Но потомъ я сталъ различать полезное и выбирать книги болѣе нужныя для развитія познаній, примѣнимыхъ на практикѣ жизни. Такъ, когда попалась мнѣ книга Дѣтская Энциклопедія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, съ рисунками и другими приложеніями, я понялъ дѣленіе отраслей наукъ и какія наиболѣе нужны мнѣ для службы и жизни. Военное законодательство изучалось мной на практикѣ, съ примѣненіемъ фактовъ по буквѣ закона. Книги о религіи Христіанской, особенно Священная и Церковная Исторіи, меня особенно занимали; за тѣмъ Плутархъ и Всеобщая Исторія Кайданова, бывшая тогда единственною и служившая руководствомъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ. Введеніе къ этой послѣдней дало мнѣ нѣкоторое понятіе о различныхъ родахъ правленія въ государствахъ. Вообще эта исторія ознакомила меня съ жизнію народовъ стараго и новаго свѣта. Географія меня не менѣе занимала. Я понялъ, что земля, на которой обитаемъ, не есть плоское пространство материка, края коего сходятся съ небомъ; но что она кругла въ видѣ шара и, находясь въ солнечной системѣ, въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ, имѣетъ свое годовое и суточное теченіе. Луна, какъ спутница земли, также имѣетъ свое теченіе; по огромности тѣла не въ силахъ человѣческихъ снять ее съ неба и катать, какъ бабы въ деревняхъ говорятъ, по току́. Наростъ коры невѣжественныхъ понятій сталъ съ меня понемногу спадать. Читалъ я Держа-

вина, Карамзина Дмитріева, Жуковскаго, Озерова, А. Пушкина и всѣхъ нашихъ писателей и поэтовъ, пріобрѣтшихъ въ двадцатыхъ годахъ извѣстность въ нашей литературѣ. Я сталъ изучать особенно грамматику, правила стихотворства и реторику и твердить на память стихи и прозу, и что̀ изъ нихъ по языку, легкости и ясности мысли нравилось мнѣ болѣе. Началъ я втихомолку пробовать писать письма и на разныя темы статьи. Долго мнѣ не давалась грамота, тѣмъ болѣе, что и времени на то мнѣ мало оставляла служба. Что̀ было мной написано, то потомъ все сожигалось скрытно отъ людей. Любимымъ же моимъ чтеніемъ наконецъ остались на всегда политическая исторія, законовѣдѣніе и естественныя науки. Романы, повѣсти, стихи я разлюбилъ, развѣ уже особенно хорошіе, преимущественно же историческіе и патріотическіе.

Возня моя съ книгами однакоже вскорѣ почти совсѣмъ прекратилась: нужно было и день и ночь заниматься важными дѣлами по службѣ, конечно, въ качествѣ перепищика. Первое, меня употребили по судному или слѣдственному дѣлу (хорошо теперь не припомню, такъ какъ это было въ 1825 г.) о генералъ-маіорѣ Тучковѣ. Фамилія эта у насъ довольно извѣстна по заслугамъ отечеству. Три брата генераловъ Тучковыхъ обезсмертили себя въ отечественную войну съ Французами. Біографіи ихъ помѣщены въ Портретной Галлереѣ генераловъ 1812 г., составленной Михайловскимъ-Данилевскимъ. О четвертомъ братѣ исторія наша молчитъ. Но впослѣдствіи о немъ мной собраны нѣкоторыя свѣдѣнія и напечатаны, въ 1874 году, въ «Русскомъ Архивѣ».

Второе дѣло, по которому я занимался, тоже въ качествѣ писца, было въ свое время весьма важное и секретное. Это дѣло о Декабристахъ Пестелѣ, Муравьевѣ-Апостолѣ и другихъ лицахъ, служившихъ въ бывшей 2-й арміи, подъ начальствомъ главнокомандующаго князя Витгенштейна. Кромѣ политической стороны, занятія мои по этому дѣлу памятны мнѣ по той канцелярской процедурѣ, какая была употреблена начальствомъ Аудиторіатскаго Департамента. Въ таинство этого весьма секретнаго дѣла были посвящены только необходимыя при томъ лица: генералъ-аудиторъ 3-го класса Миловановъ и два члена присутствія; начальникъ 3-го отдѣленія Разовъ, столоначальникъ Зеленскій и два писца: Мякишевъ и я. Занятія дѣломъ о Декабристахъ производились только по ночамъ, въ особыхъ комнатахъ, кругомъ на ночь запиравшихся, такъ что никто не могъ къ намъ проникнуть и узнать, что̀ мы дѣлаемъ. Днемъ мы были свободны отъ всѣхъ служебныхъ занятій, считаясь какъ бы въ отпуску. Я занимался въ числѣ избранныхъ четверыхъ, подъ строжайшимъ запретомъ говорить кому бы то ни было о нашихъ занятіяхъ; на уста мои была наложена, такъ сказать, печать крѣпкаго

молчанія. Между тѣмъ при ночныхъ нашихъ занятіяхъ мнѣ приходилось дѣлать выписки изъ подлинныхъ документовъ, находившихся въ дѣлѣ. Такимъ образомъ я могъ читать всѣ проекты конституцій, составленные Пестелемъ, на основаніи коихъ Декабристы предполагали переустроить все правленіе нашего отечества, замѣнивъ монархическое правленіе республиканскимъ, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ Америки. Между другими въ республиканскомъ духѣ написанными документами, особенно важнымъ и вмѣстѣ слишкомъ смѣлымъ и дерзкимъ я считаю Катихизисъ, составленный на основаніи Библіи, 1-й книги Царствъ, главы VIII и читанный полковымъ священникомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, предъ фронтомъ того баталіона, который Муравьевъ-Апостолъ взбунтовалъ противъ правительства. Но нижніе чины этого баталіона, будучи вовсе чуждыми тѣхъ тенденцій, которыя предъ ними развивали о преимуществахъ республиканскаго правленія предъ монархическимъ, показали тупымъ молчаніемъ совершенное нерасположеніе къ незнакомымъ имъ идеямъ; но они же не показали, по долгу вѣрноподданнической присяги, сопротивленія и явнаго неодобренія того, что имъ читалъ подкупленный полковой священникъ. За это они и понесли законное наказаніе. Если мнѣ позволено *свое суждсніе имѣть*, то я откровенно скажу, что какъ въ 1826 году, когда мнѣ исполнилось только 20 лѣтъ, такъ и нынѣ при 73 лѣтней старости, я остаюсь при томъ убѣжденіи, что вообще дѣло Декабристовъ, хотя нынѣ многіе и стараются представить его въ радужномъ свѣтѣ, было дѣло безумное, не обѣщавшее Россіи ничего хорошаго. При федеративномъ правленіи и при нашей безалаберщинѣ общественнаго управленія, междоусобія и раздоры не возвеличили бы, но навѣрное погубили бы Россію. И если Декабристы, косвеннымъ путемъ, внесли въ нашу народную жизнь элементы полезнаго, то это только тѣмъ, что, послѣ ихъ передряги, съ воцареніемъ императора Николая Павловича, карательныя наказанія по суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ значительно были смягчены: съ 12 тысячъ шпицрутеновъ оныя упали не свыше 3 т., за самыя тяжкія преступленія. По гражданскому вѣдомству тоже послѣдовали большія смягченія въ наказаніяхъ. И вообще въ строѣ государственнаго управленія и въ административныхъ дѣлахъ явилось болѣе порядка, болѣе обдуманности. Аракчеевскіе жесткіе пріемы въ дѣлахъ правленія сдѣлались болѣе ненужными и нетерпимыми

Я припоминаю и день 14-го Декабря 1825 года, въ который Декабристы явно обнаружили свои дѣйствія противъ существовавшаго государственнаго строя и императора Николая Павловича. Еще наканунѣ и даже ранѣе въ обществѣ ходили какія-то смутныя идеи, непонятныя для простого народа; но тѣмъ не менѣе въ самой тишинѣ и въ шопотѣ,

какъ предъ бурею, чувствовалось на то, что ожидается что-то недоброе. Это недоброе, вдругъ, 14 числа, обнаружилось сперва въ разныхъ концахъ Петербурга, а потомъ на Сенатской и Исакіевской площадяхъ. Тутъ народъ столпился, кто по долгу, кто по призыву, нѣкоторые отъ праздности и злонамѣренно. Замѣчательно, что чернь, не понимая вовсе, въ чемъ состоитъ суть дѣла, шумѣла и даже отчасти своимъ дѣйствіемъ показывала себя на сторонѣ недовольныхъ. Такъ я самъ видѣлъ, что иные, забравшись на заборы около строившагося Исакіевскаго собора, бросали въ кавалерію, прибывшую для усмиренія бунтовщиковъ, полѣньями и камнями. Были ли это заранѣе подготовленные крикуны и буяны, рѣшить не берусь. Большинство же народа сбѣжалось со всѣхъ концовъ Петербурга изъ любопытства и чтобы поглазѣть и узнать, что̀ дѣлается. Въ числѣ послѣднихъ находился и я, не вдаваясь, къ счастью, далеко на площадь. На другой день, 15 Декабря, рано утромъ, я тоже полюбопытствовалъ увидѣть, что̀ осталось послѣ бунта на площадяхъ. Утро было довольно морозное и ясное, какъ бы предвѣщавшее хорошее и благополучное царствованіе молодаго Императора. Войска грѣлись около горѣвшихъ костровъ, ружья стояли въ козлахъ; народа вовсе не было, кромѣ проходившихъ по своимъ дѣламъ. На стѣнахъ зданій Сената и Синода слѣды картечей. Вездѣ тихо и покойно. Подробности происшествія 14 Декабря 1825 года описаны замѣчательно вѣрно и хорошо въ „*Русскомъ Архивѣ*“, въ 3-й кн. 1877 года, стр. 258, въ статьѣ *г. Дементьева*, и въ 1-й кн. 1878 г., стр. 339, въ Запискахъ *принца Евгенія Виртембергскаго.*

Но, коснувшись важнаго историческаго факта, я слишкомъ отдалился отъ прямого, нехитраго разсказа моей исторіи. Прошу добраго читателя меня извинить. По окончаніи дѣлъ о Декабристахъ, въ 1826 г. я не получилъ никакого награжденія. Да объ немъ, кажется, и говорить офиціально было нельзя уже потому, что такая мелкая сошка, какъ я, не могла показаться на сценѣ дѣйствовавшихъ по дѣлу лицъ. Но нравственно я выигралъ много во мнѣніи своего начальства.

Когда, по волѣ Государя Императора Николая Павловича, изъ Коммисіи законовъ образовывалось II-е отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и въ оную назначались, по ходатайству графа Сперанскаго, избранныя лица, болѣе или менѣе извѣстныя по способностямъ и образованію, а на мѣсто гражданскихъ писцовъ бывшихъ въ Комиссіи, со всѣхъ департаментовъ военнаго вѣдомства назначались писаря, лучшіе по поведенію и по почерку руки, тогда и я былъ назначенъ въ ту канцелярію изъ Аудиторіатскаго Департамента Военнаго Министерства. При семъ назначеніи, бывшій тогда генералъ-аудиторомъ 3-го класса Миловановъ, вышедшій изъ духовнаго званія и

секретарей бывшей Военной Коллегіи, въ которой и службу началъ съ нижняго званія, старикъ въ 90 лѣтъ, высокій, худощавый, сгорбленный годами жизни, строгій, но умѣренно, и по службѣ точный, призвалъ меня въ залу общаго присутствія департамента (что со мной случилось въ 1-й разъ въ жизни, и мнѣ казалось, что я вошелъ какъ будто въ какое-то святилище храма), похваливъ меня за хорошее поведеніе, сказалъ тихо и кротко: я назначилъ тебя къ великому человѣку, статсъ-секретарю Михаилу Михаиловичу Сперанскому, человѣку очень умному, въ Государеву канцелярію. Смотри, веди себя хорошо, честно и служи усердно; ты будешь окруженъ умными людьми, будешь заниматься дѣломъ полезнымъ государству. За хорошую службу вѣрно будешь хорошо и награждаемъ. Ну, Богъ съ тобой; помни мои слова... Такъ я разстался съ этимъ добрымъ начальникомъ и болѣе его, кажется, не видалъ. Вообще могу сказать, что, въ описываемое мною время, служба въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ была основана на началахъ благонамѣренныхъ. О неправосудіи, взяточничествѣ, излишней строгости я ничего не зналъ. Писаря, готовившіеся въ аудиторы, пользовались въ извѣстной степени льготою и свободою болѣе, нежели въ другихъ департаментахъ: чрезъ 7—8 лѣтъ хорошіе производились въ аудиторы и далѣе шли открытою дорогою въ привилегированномъ сословіи. Но вообще въ описываемое время наказанія по военнымъ законамъ были для солдатъ чрезвычайно строгія. Наказанія сіи стали смягчаться во время царствованія императора Николая Павловича.

V.

II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Служба въ оной. Статсъ-секретари М. М. Сперанскій и М. А. Балугьянскій. Чиновники и писаря. Мои занятія. Дубликаты. Архивы. Секретарь Яновскій. Митрополитъ Филаретъ.

Приступаю къ важнѣйшему періоду моей жизни. Это служба въ Государевой канцеляріи подъ начальствомъ незабвенныхъ графа М. М. Сперанскаго и статсъ-секретаря, добрѣйшаго Михаила Андревича Балугьянскаго. Дѣйствительно случайное рожденіе ставитъ насъ въ зависимое положеніе относительно религіи, а воспитаніе и обстановка наша усвояютъ намъ понятія вообще и направленіе нашей жизни. Рѣдко случаются люди, съ высокимъ умомъ и твердою волею, при коихъ они, отрѣшась какъ бы отъ всего ихъ окружающаго, отъ условій своего рожденія, пробиваютъ себѣ свою дорогу жизни и усвоиваютъ независимыя понятія, которыя удерживаютъ ихъ на избранной стезѣ; въ большинствѣ же, люди идутъ слѣпо туда, куда ихъ судьба толкаетъ. Такъ и я, вызванный судьбою на новый мнѣ путь, сначала не совсѣмъ по-

нималъ, что̀ на немъ надо дѣлать, кромѣ механической переписки бумагъ, переписки чрезвычайно большой и убійственной (многіе изъ товарищей отъ нея зачахли и пошли въ могилу). Отъ такой, однакожъ, службы нельзя было отказываться и по военно-крѣпостному праву, обязывавшему меня служить 25 лѣтъ: терминъ солдатскій.

Сперанскій, при составленіи штата II-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, включилъ въ оный между прочимъ писарей военнаго вѣдомства, обязанныхъ общимъ срокомъ службы. Была ли это цѣль удержать ихъ долѣе на службѣ, или это произошло случайно, точно не знаю. Но вѣрно то, что Сперанскій въ дѣлахъ былъ великій человѣкъ, и ошибку трудно допустить. Для пользы отечества 16 писарей ничего не значили; онъ же и по прежнимъ своимъ правиламъ, когда при императорѣ Александрѣ составлялъ законы, былъ противъ простого повышенія чиновъ и ввелъ, въ 1809 году, университетскіе экзамены для всѣхъ повышенныхъ въ чинъ коллежскаго асессора, дававшаго тогда право на потомственное дворянство. Ему, кажется, нужна была рабочая сила, и онъ, при всемъ отличномъ составѣ канцеляріи, ввелъ ее въ штатъ съ правомъ выслуги писарями 20-ти лѣтъ до чина 14 класса. Крайне не любо это было для насъ, писарей. Но волею судебъ, не смотря на это, я зачисленъ былъ въ Государевой канцеляріи прямо писаремъ 1-го класса. О дальнемъ срокѣ службы, не смотря на толки товарищей, я мало и думалъ, предоставляя все будущему.

Въ личный составъ II-го отдѣленія Государевой канцеляріи, по избранію Сперанскаго, вошли лица, *во-первыхъ*, изъ бывшихъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній: Куницинъ, Плисовъ, Клоковъ, Арсеньевъ*) и другіе, коихъ фамилій теперь не припомню и, *во-вторыхъ*, изъ получившихъ энциклопедическое образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ: баронъ (впослѣдствіи графъ) Корфъ, Замятнинъ, Илличевскій, Цеймернъ, Капгеръ, Яковлевъ, Келлеръ, князь Эристовъ и др. Изъ сихъ чиновниковъ, старшіе были назначены редакторами разныхъ отдѣловъ нашего законодательства, а младшіе помощниками ихъ. Кромѣ того въ канцелярію вошли правитель оной Теубель, казначей Кругъ, библіотекарь и архиваріусъ Геннингъ, экзекуторъ Сомовъ и еще нѣсколько чиновниковъ изъ писцовъ бывшей Комиссіи Законовъ. Всѣ сіи чины подчинялись начальнику II-го отдѣленія Государевой канцеляріи, статсъ-секретарю Балугьянскому, бывшему предъ тѣмъ въ числѣ наставниковъ

*) К. И. Арсеньевъ впослѣдствіи былъ назначенъ въ число преподавателей къ Наслѣднику Престола и въ окончательной редакціи Свода Гражданскихъ Законовъ не участвовалъ.

великаго князя Николая Павловича. Онъ, какъ извѣстный по обширной учености, честности, неутомимому трудолюбію и особенно по добротѣ сердца, пользовался большимъ довѣріемъ сего Государя. Онъ изъ Венгерцевъ, нечисто говорилъ по-русски, съ особымъ акцентомъ. Сперанскій былъ главноуправляющимъ канцеляріи и полнымъ руководителемъ работъ по составленію Полнаго Собранія Законовъ, историческаго Свода и Свода Гражданскихъ Законовъ. Служа подъ его начальствомъ около десяти лѣтъ, не скажу, однакожъ, чтобы онъ былъ боецъ за правду и положилъ жизнь свою *за други своя*. При высокомъ умѣ, онъ слишкомъ хорошо зналъ сферу его окружавшую и людей, чтобъ, идучи впередъ, не сбиться съ пути, ведшемъ его къ цѣли. Но при всемъ томъ мнѣ придется еще къ нему обратиться съ живѣйшею признательностію.

Попавъ въ кругъ образованныхъ и благородныхъ людей, я вдругъ почувствовалъ себя какъ бы въ атмосферѣ наполненной свѣжимъ, легкимъ и теплымъ воздухомъ. Въ особенности же мнѣ нравилось кроткое и благородное отношеніе ко мнѣ всѣхъ чиновниковъ, отъ старшихъ до младшихъ. Это меня поощряло и заставляло относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Писака я былъ посредственный, но усердіемъ своимъ никогда не отставалъ отъ такъ называемыхъ борзописцевъ. Случилось однажды, что, при оглавленіи указовъ, пассивъ, активъ, дебетъ, минимумъ и проч. и составленіи имъ хронологическаго указателя или описи, я, замѣтивъ не совсѣмъ правильное и легкое изложеніе, осмѣлился оглавленіе измѣнить, написавъ его короче и яснѣе. Этотъ ничтожный случай обратилъ на меня вниманіе чиновника, повѣрявшаго мою работу. Онъ не только не выбранилъ, но напротивъ похвалилъ меня и одобрилъ мои передѣлки. Эта первая услышанная мной похвала за мою пустую редакцію послужила мнѣ большимъ поощреніемъ.

При собраніи указовъ и постановленій, вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ, я съ чиновникомъ Майеромъ или Мейеромъ, былъ командированъ въ архивъ бывшаго Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства для составленія описи такимъ постановленіямъ и списыванія съ нихъ точныхъ копій. Работа шла живо, какъ и требовалось начальствомъ. Отъ нея не освобождали и праздники. Успѣху же ея помогъ и случай. Въ приказахъ и постановленіяхъ военнаго вѣдомства много было дубликатовъ, оставшихся за разсылкою ихъ по войскамъ. Служившія въ архивѣ вліятельныя лица мнѣ шепнули по секрету, что такіе дубликаты, вмѣсто списыванія съ нихъ копій, могутъ быть, въ одномъ экземплярѣ каждый, переданы мнѣ не иначе, какъ за деньги по условной цѣнѣ съ каждаго документа. Я объяснилъ о семъ въ Государевой канцеляріи чиновнику. Для выиграша времени, которымъ

особенно дорожилъ Сперанскій, было разрѣшено выдавать мнѣ деньги на этотъ предметъ. Такимъ образомъ много пріобрѣлъ я нужныхъ постановленій и тѣмъ сократилъ работу. Начальникомъ архива Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства былъ чиновникъ 5-го класса Деларю, который о моей сдѣлкѣ относительно дубликатовъ ничего не вѣдалъ [1]). За тѣмъ занятія мои перешли въ архивъ Святѣйшаго Сѵнода, бывшаго тогда на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи 12-ти Коллегій, гдѣ нынѣ помѣщается С.-Петербугскій Университетъ. Тутъ работа по выпискѣ постановленій была уже возложена на меня, безъ чиновника, и въ помощь мнѣ данъ писарь *Кадаевъ* [2]). Съ нимъ я занимался въ самомъ архивѣ Синода и въ домѣ статскаго секретаря *Яновскаго*, который тогда составлялъ сводъ постановленій по духовной части. 1-я часть этого свода имъ уже была отпечатана. Изъ собранныхъ имъ разнородныхъ указовъ мы отбирали и выписывали тѣ, которые подлежали въ Полное Собраніе Законовъ, кромѣ *секретныхъ*, которыхъ Яновскій не позволялъ списывать, на основаніи распоряженій о томъ Сѵнода. Я доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства Государевой канцеляріи, и оно осталось имъ за это недовольнымъ, тѣмъ болѣе, что 1-я часть свода, составленнаго Яновскимъ и уже отпечатанная и приготовленная къ выпуску, была въ печати воспрещена. Яновскій, въ этомъ случаѣ, сильно роптalъ противъ бывшаго тогда членомъ Святѣйшаго Сѵнода, Московскаго митрополита Филарета; Филаретъ на вышедшій томъ Свода Яновскаго написалъ свои замѣчанія. Яновскій позволилъ себѣ противъ нихъ написать возраженія. Этого было довольно для воспрещенія свода Яновскаго. Чрезъ это Яновскій, кромѣ потери времени и трудовъ, понесъ большіе убытки, въ чемъ и винилъ митрополита.

VI.

Занятія въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Права писарей. Взглядъ М. М. Сперанскаго на повышеніе ихъ. Мои заботы по приготовленію въ аудиторы. Женитьба моя. Консисторія. Оберъ-священникъ Баженовъ.

Изъ Сената, подъ росписку статсъ-секретаря Батракскаго, на бланкахъ мнѣ выдаваемыхъ я получалъ и передавалъ обратно всѣ под-

[1]) Подобная же сдѣлка и пріобрѣтеніе дубликатовъ, особенно же плановъ губерній и рисунковъ (для снятія съ коихъ копій чрезъ спеціалистовъ требовалось много времени) мною была учинена съ чинами Сенатскаго архива, гдѣ я также занимался, при чемъ имѣлось въ виду, во избѣжаніе безполезной формалистики, выиграть только время для дальнѣйшихъ занятій.

[2]) Онъ въ Государеву канцелярію поступилъ изъ Медицинскаго Д-та В. М., въ который, по случаю слабости зрѣнія, въ тридцатыхъ годахъ, возвратился и дослужился тамъ до чина статскаго совѣтника, имѣлъ на шеѣ орденъ Владимира 3-й степени, бывъ постоянно способнымъ и полезнымъ на службѣ чиновникомъ. Въ помѣшательствѣ ума лишилъ себя жизни.

линные высочайшіе указы и доклады, императорами утвержденные. Изъ нихъ въ II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи списывались тѣ постановленія, кои вошли въ Полное Собраніе Законовъ. Для собранія такихъ же постановленій я занимался въ канцеляріяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и въ архивахъ Военнаго Совѣта, Министерствъ Морскаго и Внутреннихъ дѣлъ.

Занятія мои во всѣхъ сихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ остались для меня небезслѣдно. Во мнѣ родилась смѣлая мысль вырваться изъ военнаго крѣпостного званія и пробить себѣ дорогу на иномъ поприщѣ, гдѣ могъ бы я дѣйствовать болѣе самостоятельно головою, нежели корпѣть въ качествѣ только писца. Но чтобы достигнуть цѣли, надо знать, какія сильныя къ тому представлялись препятствія. М. М. Сперанскій, собравъ насъ съ высочайшаго соизволенія, изо всѣхъ департаментовъ Военнаго Министерства, закрѣпостилъ насъ на 20 лѣтъ выслуги до перваго класнаго, вожделѣннаго для насъ, чина 14-го класса. Одушевляемые общественною пользою и поощряемые ежегодно высочайшими наградами, писцы работали очень много, не зная ни праздниковъ, ни отдыха, часто по нѣскольку ночей *). Многіе изъ старшихъ, однакожъ, относились къ дѣлу не безъ ропота. Въ другихъ вѣдомствахъ, напримѣръ въ 1-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи, въ канцеляріяхъ Великихъ Князей, Цесаревича Константина Павловича и Михаила Павловича по провіантскому вѣдомству, производились писаря въ 14 и 13 классы по выслугѣ 7—12 лѣтъ и даже ранѣе, смотря по способностямъ и приносимой ими пользѣ для службы.

Товарищи наши отъ непомѣрныхъ трудовъ стали чахнуть и умирать отъ чахотки. Ропотъ достигъ до слуха добрѣйшаго М. А. Балугьянскаго. Онъ пробовалъ представлять лучшихъ изъ писарей въ чиновники 14-го класса, съ оставленіемъ въ отдѣленіи на службѣ писцами. Въ числѣ ихъ и я три раза былъ удостоиваемъ къ этому вожделѣнному чину; но всякій разъ М. М. Сперанскій, призывая къ себѣ, кротко и весьма ласково, благодарилъ насъ за усердную службу, давалъ такого рода наставленія, что «мы-де обязаны съ честью служить для государственной пользы и имѣть это въ виду, какъ вѣрноподданные Государя». Затѣмъ онъ объявлялъ, что Государь не соизволилъ на производство насъ въ чиновники, рекомендуя при томъ впредь служить такъ же хорошо, какъ и служили: служба-де наша не останется безъ поощренія и награды. Мы хорошо знали, что счастье наше зависѣло въ

*) Я помню хорошо случай, что, при представленіи Государю срочныхъ работъ, мы, лучшіе переписчики, почти вовсе не спали трое сутокъ, переписывая каждый въ сутки отъ 30 до 40 листовъ чистаго письма.

настоящемъ случаѣ не лично отъ Государя Императора, а отъ воли Сперанскаго. Знали также, что онъ съ давняго времени держался своихъ принциповъ, именно, что всѣ чиновники должны проходить чрезъ высшія и среднія учебныя заведенія. Между тѣмъ примѣры производства въ первый чинъ, въ другихъ вѣдомствахъ, по недостатку полезныхъ чиновниковъ, дѣлались безъ особаго затрудненія, хотя лица и не имѣли ученыхъ аттестатовъ: то было время, когда разными путями отыскивали людей способныхъ и полезныхъ, не смотря на происхожденіе, ни на ученость.

Между тѣмъ время шло. Мы въ тихомолку роптали, но служили вѣрно и честно. Надо при этомъ замѣтить, что чиновники отдѣленія, будучи набраны съ высшимъ образованіемъ (кромѣ поступившихъ изъ писцовъ бывшей Комиссіи Законовъ), всѣ къ намъ писарямъ относились весьма доброжелательно, при всякихъ случаяхъ охотно исполняли наши неважныя просьбы и оказывали свое покровительство, когда оно было кому полезно.

При такой обстановкѣ, весьма благодѣтельно на меня вліявшей, я сталъ серьезно изучать законы уголовные и гражданскіе, составляя для себя записки изъ редакцій чиновниковъ, уже одобренныхъ М. М. Сперанскимъ. Хотя это, при большихъ служебныхъ занятіяхъ, составляло для меня немаловажный трудъ, но я упорно продолжалъ его, посвящая на это всѣ свободные часы дня и ночи. Мысль моя была обратиться въ Аудиторіатскій Д-тъ, изъ котораго поступилъ въ Государеву канцелярію, и на основаніи положенія 1817 года держать испытаніе на званіе аудитора, такъ какъ это была моя прямая дорога, до перевода въ канцелярію, подъ начальство М. М. Сперанскаго. По моему соображенію, представленному на видъ начальству, я не долженъ былъ терять своихъ преимуществъ только потому, что заслужилъ хорошую рекомендацію и назначеніе меня во II-е отдѣленіе Государевой канцеляріи, тѣмъ болѣе, что, рекомендуя себя и въ оной постоянно съ хорошой стороны, троекратно былъ уже удостоиваемъ статсъ-секретаремъ Балугьянскимъ къ производству въ 14 классъ, съ оставленіемъ на службѣ въ канцеляріи.

При изученіи законодательства мнѣ особенно много приходилось трудиться втихомолку по уголовнымъ законамъ, вошедшимъ въ XV-й томъ Свода гражданскихъ законовъ. Редакціею ихъ занимались чиновники Капгеръ и Цеймернъ. Въ особенности первый изъ нихъ, по трудности извлеченія въ одной краткой статьѣ изъ 20-ти и болѣе прежнихъ указовъ настоящаго смысла ихъ, очень часто перемѣнялъ редакцію не только статей, но цѣлыхъ главъ и другихъ подраздѣленій. Такимъ образомъ мнѣ случалось часто переписать для себя собственно цѣлыя главы

и раздѣлы; и вдругъ ихъ уничтожить, потому что г. Капгеръ все вновь передѣлывалъ. Если не ошибаюсь, изъ Гражданскаго Свода Законовъ ни одна часть не подвергалась такой частой перемѣнѣ редакціи, какъ томъ XV, особенно 1-я его часть о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Г. Капгера можно назвать мученикомъ себя и вмѣстѣ моимъ, въ чемъ, однакожъ, этого достойнѣйшаго труженика, нынѣ уже покойнаго, нельзя винить. Самое дѣло по существу было очень трудное. Изъ 20-ти и даже болѣе разбросанныхъ въ постановленіяхъ (начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича) правилъ, нужно было, такъ сказать, выжимать эссенцію и передавать ее въ нѣсколькихъ строкахъ со всею ясностію, безъ тѣхъ противорѣчій, которыми были обильны прежніе указы и постановленія. Въ собраніи гражданскихъ законовъ я вовсе не встрѣчалъ такихъ затрудненій, какія видѣлъ по уголовнымъ.

Между тѣмъ и долженъ сказать и о томъ важномъ событіи, которымъ рѣшилась судьба моя въ семейномъ отношеніи. Желая сохранить всю чистоту частной своей жизни, я вздумалъ судьбу свою сочетать съ другою особою, которая бы дѣлила со мной радости и горе. Просто, я задумалъ жениться. Въ той средѣ, въ которой я находился, затѣя моя была не легкая. Но, помолясь Богу, я отъ избранной дѣвицы, бѣднѣйшей сироты, ничего не требовалъ кромѣ чести и любви ея. Родомъ она изъ Финляндіи, города Выборга, сирота, вѣры была Лютеранской, звалася Марія Іоновна Антонепъ. Ей было отъ роду 19, а мнѣ 24 года. По наружности она была непослѣднею красавицею, а по трудолюбію и скромности ея пользовалась общимъ уваженіемъ. Я желалъ жить честнымъ христіаниномъ. Для меня, казалось, бо̀льшихъ качествъ отъ жены не требовалось. Отъ жалованья, наградъ и трудовъ мной было скоплено 360 руб. асс. У невѣсты ничего не было: трудовыя ея деньги, серебро и цѣнныя вещи, какія ей достались отъ родителей, отбирали, приходя къ ней, два брата ея, жившіе въ Петербургѣ въ ученьи. Вмѣсто пособія бѣдной сестрѣ они отбирали послѣднее, что̀ она имѣла.

За разрѣшеніемъ на женитьбу мою я обязанъ былъ обратиться къ своему начальству. Изъ начальства особенно добрѣйшія М. А. Балугьянскій, призвавъ меня въ свой кабинетъ, высказалъ мнѣ, какъ родной отецъ, всѣ невыгоды семейнаго человѣка, находящагося въ бѣдномъ положеніи, убѣждая меня отказаться отъ женитьбы. Но я былъ влюбленъ въ мою невѣсту и имѣлъ вѣру, что Богъ, зная чистыя мои намѣренія не оставитъ меня безъ небеснаго покровительства: такъ были сильны во мнѣ религіозныя чувства. Разрѣшенія, однакожъ, не давали и, какъ теперь вижу, очень основательно: по званію старшаго писца я получалъ жалованья 120 руб. асс. въ годъ и столько же почти ежегодно наградныхъ. При всѣхъ трудахъ по службѣ и при изученіи законода-

тельства, я столько же пріобрѣталъ отъ вольной работы. Вотъ и всѣ, имѣвшіяся въ виду, довольно невѣрныя къ жизни средства. Справедливо почтеннѣйшій старикъ Балугьянскій по пальцамъ мнѣ разсчитывалъ невозможность бѣдному человѣку заводиться семействомъ: пойдутъ дѣти, а съ ними явятся болѣзни и физическія и нравственныя и особенныя требованія средствъ для жизни. Я съ ума сходилъ отъ неразрѣшенія мнѣ жениться. Между тѣмъ мы съ невѣстой порѣшили достигнуть нашей цѣли. Средствомъ къ тому избрали идти обоимъ лично къ достойнѣйшему нашему начальнику и лично просить, умолять его. Утромъ часовъ въ 10-ть явились къ нему въ кабинетъ: онъ по добротѣ доступенъ былъ для всѣхъ подчиненныхъ. На ту пору у него, по дѣламъ службы, былъ баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ. При немъ сталъ я вновь просить Михаила Андреевича о разрѣшеніи нашего брака. Оба они съ умиленіемъ посмотрѣли на насъ и что-то поговорили между собой по французски. Послѣ этого добрый старикъ далъ разрѣшеніе. Но этимъ препятствія къ женитьбѣ не кончились. Какъ невѣста была Лютеранскаго исповѣданія, а я православнаго, то необходимо было разрѣшеніе Петербургскаго митрополита на повѣнчаніе насъ по обряду православной церкви. Явился я для этого въ Петербургскую Духовную Консисторію. Тамъ мнѣ столько наговорили разныхъ требованій на гербовую бумагу, переписку просьбы и копій съ документовъ, все наличными деньгами, что я, при моихъ средствахъ, просто испугался и не зналъ что̀ дѣлать. Тутъ случай свелъ меня съ художникомъ Императорской Академіи Художествъ. Онъ тоже имѣлъ дѣло въ консисторіи только не по женитьбѣ, а по разводу съ женою его. По его словамъ жена его, молодая, красивая особа, послѣ обвѣнчанія ихъ, изъ за брачнаго стола изволила выдти въ другую комнату, а оттуда въ коридоръ квартиры. На дворѣ стояла лихая тройка. Подскочили молодцы, подхватили молодую въ экипажъ, и слѣдъ простылъ. Мужъ-художникъ остался съ гостями пораженный симъ необычайнымъ ударомъ. Тяжкое безчестье, говоръ, насмѣшки, напрасная трата денегъ, для совершенно бѣдной, бѣжавшей отъ него молодой жены, такъ что онъ не успѣлъ даже вкусить первой сладости брачнаго ложа, по словамъ его, до того поразили его, что онъ чуть не сошелъ съ ума, хотѣлъ топиться, рѣзаться и т. п. Товарищи-художники его уговорили обратиться къ властямъ за правосудіемъ, но всѣ розыски объ открытіи виновныхъ не привели ни къ чему. Это было въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ воинъ съ Наполеономъ I. Лѣтъ 15-ть спустя, вдругъ жена его, съ пятью дѣтьми, къ нему явилась и потребовала съ нимъ супружескаго сожительства!... Мужъ, Нѣмецъ, разумѣется, такую жену съ ея чадами отвергнулъ и подалъ просьбу о разводѣ. Вслѣдствіе этой-то просьбы пришлось ему, какъ и мнѣ, озна-

комиться съ Консисторіею. Пока я съ нимъ шелъ изъ Консисторіи по Невскому проспекту, Нѣмецъ передалъ мнѣ такую исторію его женитьбы. Въ заключеніе онъ удивилъ меня тѣмъ, что въ Консисторіи требовали отъ него подписки въ выслушаніи имъ указа о томъ, чтобы, не расторгая брака, онъ взялъ жену съ дѣтьми къ себѣ и жилъ съ нею въ супружескомъ согласіи!... Отъ такого рѣшенія бѣдный мужъ изъ себя выходилъ, проклиная всѣ наши прежніе суды и консисторіи. Жаль было мнѣ Нѣмца-художника, который, разставшись со мной, побрелъ на Васильевскій островъ, въ Академію просить защиты своего начальства. Чѣмъ потомъ его дѣло кончилось, не знаю.

А мое дѣло о бракѣ пошло иначе. Я рѣшился дѣйствовать чрезъ оберъ-священника арміи и флота, достойнаго пастыря Бажанова *). Онъ выслушавъ мою словесную просьбу, и изъ особаго уваженія къ М. М. Сперанскому и М. А. Балугьянскому, тотчасъ же приказалъ секретарю написать отъ лица моего просьбу на простой бумагѣ и пока я ее переписывалъ и подписывалъ, заготовить предписаніе священнику церкви Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества о повѣнчаніи насъ. Такъ въ 1½ часа дѣло было рѣшено и ничего мнѣ не стоило. Секретарь, видно было, не посмѣлъ и заикнуться о полученіи съ меня за трудъ его. Безъ всякихъ затѣйливыхъ свадебныхъ обрядовъ, сговора, дѣвишника, обрученія и т. п., мы были обвѣнчаны въ церкви Главнаго Штаба *11-го Мая 1830 года* и живемъ съ женой вотъ уже 48 слишкомъ лѣтъ (писано въ Августѣ 1878 года), и если Богъ продлитъ нашу жизнь, въ 1880 году справимъ со старухою *золотую свадьбу*.

VII.

Семейная жизнь. Дѣти. Труды. Болѣзнь. Докладъ о допущеніи къ испытанію на званіе аудитора. Утвержденіе доклада. Я опять въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ. Производство въ аудиторы.

Между тѣмъ частная моя жизнь и служба шли своимъ чередомъ. Въ частной жизни мы съ женой дѣйствительно, какъ предсказывалъ Михаилъ Андреевичъ, довольно потерпѣли лишеній. Пошли дѣти. Средства наши были ограничены. Дѣти, сыновья и дочери, умирали, не доживая и до 3-хъ лѣтняго возраста, и умирали, какъ думаемъ, собственно отъ недостатковъ нашихъ средствъ. На кладбищѣ Большой Охты схоронили двухъ сыновей Алексѣя и Петра и трехъ дочерей Катерину, Марію и Елену. Мы, при всякой потерѣ дѣтей, скорбѣли и горько плакали, жалѣя ихъ. Но выбраться изъ тягостнаго положенія не оставалось никакихъ средствъ, какъ выдти изъ Государевой канцеляріи на

*) Говорятъ, что супруга Бажанова была Француженка. П. Б.

иное поприще службы. Къ этому были и уважительныя причины. У меня открылась такая же болѣзнь, какъ у умершихъ отъ чахотки товарищей, именно сильное кровохарканіе. Доктора совѣтывали мнѣ перемѣну климата, сельскій воздухъ и отдыхъ отъ занятій. Но при правѣ, обязывавшемъ 20-ти лѣтнимъ терминомъ службы, нельзя было и думать о томъ, что̀ совѣтывали доктора. Я горячѣй схватился за свою мысль: учиться, учиться и держать экзаменъ на званіе аудитора. Это былъ единственный исходъ изъ моего невыгоднаго положенія, невыгоднаго собственно отъ семейнаго положенія. Но семейнаго положенія я искалъ ради того только, чтобы избѣжать непорядочнаго, порочнаго положенія жизни, отъ котораго многіе, на глазахъ моихъ, гибли физически и нравственно. Это мнѣ казалось мерзостью.

Въ 1833 году я въ послѣдній, третій разъ, былъ удостоиваемъ производства въ классный чинъ. Тогда къ тому представлялся самый лучшій случай. Съ окончаніемъ Полнаго Собранія Законовъ, историческаго изъ него свода и свода законовъ гражданскаго и другихъ важныхъ законодательныхъ трудовъ, всѣ чины канцеляріи получили отъ Государя Императора самыя щедрыя награды. Сперанскій удостоился, въ присутствіи всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, возложенія на него лично его величествомъ снятой съ себя звѣзды Андрея Первозваннаго. Что̀ получилъ Балугьянскій, не помню. Всѣ чиновники-редакторы и ихъ помощники по чину, ордену и денежной наградѣ, а нѣкоторые сверхъ того придворныя званія. Изъ насъ писцовъ старшіе получили въ награду по 600 рубл. и сверхъ того я и два товарища были представлены къ класнымъ чинамъ. Но Михаилъ Михайловичъ, поблагодаривъ насъ за службу, какъ̀ выше сказано, съ своимъ кроткимъ и умнымъ наставленіемъ, въ чинахъ намъ отказалъ.

Послѣ этого я уже напрягъ всѣ свои слабыя силы, стараясь вырваться въ аудиторы. Въ слѣдующемъ 1834 году, я подалъ о семъ докладную записку, прося о допущеніи на испытаніе на званіе аудитора. Балугьянскій о семъ представилъ Сперанскому докладъ, въ которомъ выражено: что, во все время бытности моей при II-мъ отдѣленіи, я занимался не только перепискою бумагъ, но по порученію чиновниковъ, составлялъ для работъ ихъ выписки изъ законовъ, и все сіе производилъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, къ совершенному удовольствію начальства, будучи при томъ отличнаго поведенія, и что посредствомъ сихъ занятій я умножилъ свои свѣдѣнія, пріобрѣтенныя мной въ Аудиторіатѣ, свѣдѣнія необходимыя для званія аудитора, къ которому я имѣю большую склонность. При семъ было приведено, что я три раза былъ удостоиваемъ производства въ 14-й классъ, съ оставленіемъ на службѣ въ канцеляріи. На докладъ сей послѣдовало 17 Мая высочайшее соиз-

воленіе. Такимъ образомъ я опять поступилъ въ Аудиторіатскій Д-тъ В. М., числясь впрочемъ въ Государевой канцеляріи и оставаясь на данной мнѣ небольшой, но особой квартирѣ въ такъ называемомъ бывшемъ Іезуитскомъ домѣ, что̀ у Казанскаго моста [1]). При этомъ я долженъ не забывать милостиваго ко мнѣ расположенія чиновниковъ, содѣйствовавшихъ моему успѣху. Кромѣ добрѣйшаго Михаила Андреевича и правителя канцеляріи, тоже добраго человѣка, Теубеля, особенно за меня ходатайствовали Платонъ Демьяновичъ Илличевскій и Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ. Изъ нихъ только послѣдній нынѣ здравствуетъ; Илличевскій, впослѣдствіи, занимая видную должность товарища министра юстиціи (при графѣ Панинѣ) умеръ. Ко всѣмъ этимъ лицамъ, и особенно къ Дмитрію Николаевичу, оказывавшему и потомъ многія мнѣ милости, я сохраняю и навсегда сохраню добрую память и глубочайшую благодарность. Въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ я пробылъ на испытаніи, по положенію, годъ и подъ ближайшимъ начальствомъ того самаго начальника отдѣленія, при которомъ, въ 1826 году, по ночамъ, занимался дѣломъ Декабристовъ.

28 Іюня 1835 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на производство меня въ аудиторы въ 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ, расположенный въ Старорусскомъ удѣлѣ. Итакъ, съ Божіею помощію и помощію добрыхъ людей, я достигъ вожделенной цѣли, вырвался изъ крѣпостного состоянія и переселился на сельскій воздухъ, благодѣтельно на здорвье мое повліявшій. Теперь мнѣ пришлось дѣйствовать самостоятельно и притомъ болѣе головой. Шагъ важный.

VIII.

Признательныя воспоминанія. Курьезъ. М. М. Сперанскій. М. А. Балугьянскій. Баронъ М. А. Корфъ. Императоръ Николай Павловичъ. Смотритель дома. Анекдоты.

Но прежде, нежели придется мнѣ разстаться съ Петербургскою трудовою жизнью, съ горячею признательностію вспоминаю и понынѣ о службѣ моей въ Государевой канцеляріи, при благородной и гуманной обстановкѣ, благодѣтельно на меня повліявшей относительно моего развитія [2]) Прежде всего я долженъ упомянуть о великомъ человѣкѣ

---

[1]) Этотъ домъ, занятый придворными чинами и чинами типографіи II отдѣленія его величества канцеляріи, сохранилъ названіе *Іезуитскаго*, потому что онъ до изгнанія, въ 1821 году, изъ Россіи Іезуитовъ, принадлежалъ этому ордену и потомъ поступилъ въ казну и наконецъ въ придворное вѣдомство.

[2]) Для характеристики вѣка, рѣшаюсь привести здѣсь одинъ со мной курьезный случай. Однажды я, занимаясь въ канцеляріи работою по составленію алфавитнаго указателя къ своду гражданскихъ законовъ, за прекращеніемъ оной, сталъ читать газету

графѣ Сперанскомъ, къ памяти котораго я относился и отношусь по нынѣ съ искреннѣйшею признательностію. Вліяніе его благородное, тихое и свободное для всѣхъ подчиненныхъ его, особенно для меня было благодѣтельно. И хотя выше я говорилъ о задержаніи имъ производства моего въ класный чинъ, но за сіе я не виню его: онъ былъ человѣкъ своихъ убѣжденій, которыхъ не хотѣлъ измѣнять и которыя относились къ высшимъ государственнымъ цѣлямъ. Изъ исторіи его жизни, написанной графомъ Корфомъ, это каждый образованный человѣкъ можетъ видѣть. По поводу этой исторіи и я внесъ свою лепту въ статьѣ [1]).

Баронъ М. А. Корфъ редактировалъ сводъ основныхъ законовъ и государственныхъ учрежденій, составившихъ первый томъ Свода Гражданскихъ Законовъ. Имѣя хорошій, четкій, почеркъ руки, онъ составлялъ и отдѣлывалъ части своихъ работъ скоро и хорошо. Переписка оныхъ набѣло нисколько не была затруднительна. По окончаніи, подъ руководствомъ Сперанскаго, особыхъ отдѣловъ работъ, послѣднимъ представлялись оныя въ тетрадяхъ Государю Императору Николаю Павловичу, который, просматривая ихъ, изволилъ дѣлать на поляхъ свои замѣчанія. Изъ оконченныхъ Корфомъ работъ и я дѣлалъ, собственно для своихъ цѣлей, выписки, приготовляясь къ званію аудитора. Вообще говоря, годы моей службы, проведенные въ Государевой канцеляріи, остались самыми лучшими во всей моей 55-ти лѣтней службы. При хорошемъ начальствѣ, вполнѣ гуманномъ, и молодыхъ моихъ лѣтахъ, кои по самой природѣ все окрашивали въ розовый цвѣтъ, дышалось, жилось и работалось до поту лица какъ-то охотно и весело. Цѣлыя ночи, проведенныя за работою и въ сильной заботѣ какъ бы не опоздать и какъ бы дѣло окончить къ сроку, свѣрить и пр., тотчасъ забывались, когда начальство потомъ оставалось довольнымъ [2]). Довольно

Сѣверная Пчела, издаваемую Гречемъ и Булгаринымъ. Вдругъ вижу поднялась тревога Бѣжитъ ко мнѣ экзекуторъ, беретъ скоро отъ меня газету и ворчитъ: зачѣмъ вы читаете газеты? Оказалось потомъ, что кто-то изъ чиновниковъ, увидя въ рукахъ моихъ газету, произвелъ тревогу по канцеляріи за употребленіе нижними чинами запрещеннаго для нихъ клада. Это показываетъ, что при общей по службѣ гуманности были лица и стараго покроя, думавшія, что чтеніе газетъ есть привилегія только высшаго сословія. А между тѣмъ почти постоянно мы прежде чиновниковъ читали газеты, такъ какъ гораздо ранѣе ихъ приходили въ должность.

[1]) „*Мои воспоминанія о графѣ Сперанскомъ*“, напечатанныя въ № 13-мъ Современной Лѣтописи, при Московскихъ Вѣдомостяхъ 1865 года. Это былъ первый случай, когда имя мое и фамилія явились въ печати.

[2]) Съ окончаніемъ Полнаго Собранія Законовъ и Свода Гражданскихъ Законовъ, въ отчетѣ, Государю представленномъ, было показано, что, кромѣ другихъ работъ, на каждаго писца круглымъ счетомъ приходилось переписанныхъ въ день (не исключая и праздниковъ) по 17-ти листовъ.

но сказать, что во все время служенія моего подъ начальствомъ графа Сперанскаго, я не слыхалъ даже малѣйшаго замѣчанія за какую либо ошибку или неисправность по службѣ. Иное дѣло со мной и со всѣми товарищами писцами было по отношенію нашему къ смотрителю зданія, гусарскому корнету М—му, состоявшему вмѣстѣ съ домомъ канцеляріи въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства. Онъ имѣлъ внѣшній надзоръ за нижними чинами и относился къ своей обязанности какъ каптенармусъ, стараясь изъ всего извлекать свои выгоды, какъ-то отъ обмундированія, провіантскаго довольствія и ремонта зданія. Съ нимъ были нерѣдко столкновенія; но начальство канцеляріи, особенно добрѣйшій старикъ Михаилъ Андреевичъ, лучше цѣнившій людей, не позволялъ никого обижать.

Что этотъ смотритель дома былъ чистый профанъ, грубый невѣжа, надъ которымъ постоянно чиновники смѣялись, доказываетъ слѣдующій случай. У М. А. Балугьянскаго, изъ кабинета его, гдѣ постоянно находился сторожъ, пропали золотые часы, большой цѣны. Разумѣется, разысканіе вора и самыхъ часовъ пало на обязанности смотрителя М—го. Тотъ, долго не думая, бросился прежде всего на Пески, къ какой-то извѣстной ворожеѣ. Та, какъ водится, сперва подробно разспросила чудака обо всей обстановкѣ, при коей случилась пропажа; потомъ наговорила ему наружныя примѣты вора, какіе у него волосы, ростъ и т. п. такъ, что примѣты эти приходились ко многимъ лицамъ и даже чиновникамъ канцеляріи. Въ заключеніе успокоила тѣмъ, что воръ, раскаявшись въ своемъ дурномъ поступкѣ, часы возвратитъ такъ, что другіе того не замѣтятъ, словомъ, подкинетъ часы. Съ полнѣйшею вѣрою въ предсказаніе гадальщицы, смотритель явился къ нашему добрѣйшему и образованнѣйшему начальнику и съ радостнымъ лицемъ сталъ объяснять, по словамъ ворожеи, всѣ почерпнутыя имъ у нея свѣдѣнія. Какъ ни добръ былъ Михаилъ Андреевичъ, но, не давъ даже окончить всѣхъ вздорныхъ объясненій смотрителя, сказалъ ему, что всѣ розыски его очень глупы. Кончилось тѣмъ, что часы пропали и воръ не былъ открытъ. Вся такая процедура сдѣлалась извѣстною образованнымъ чиновникамъ канцеляріи, которые много смѣялись надъ профаномъ-смотрителемъ, называя его потомъ сорокою, такъ какъ онъ носилъ при треугольной шляпѣ изъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ султанъ и много болталъ вздору.

Въ канцеляріи служилъ нѣкоторое время чиновникъ Строевъ, молодой, небольшого роста, весьма живой и вертлявый. По способностямъ и образованію, въ качествѣ помощника редактора, онъ служилъ съ успѣхомъ. Между другими работами, прошедшими чрезъ руки и голову Сперанскаго, находился оконченный историческій сводъ законовъ, въ коемъ,

періодически, спеціально были изложены кратко всѣ наши законы, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ Сводѣ, законченномъ еще до поступленія на службу въ канцелярію г. Строева, находился особый раздѣлъ объ Уложеніи, гдѣ описаны исторически всѣ объ немъ свѣдѣнія. Г. Строевъ, выписавъ этотъ отдѣлъ, прибавилъ къ нему отъ себя введеніе или предисловіе, отпечаталъ отъ своего имени особую книгу подъ заглавіемъ: „*Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича*“, и пустилъ ее въ продажу. Въ фельетонѣ Сѣверной Пчелы появился весьма хорошій отзывъ объ авторѣ и достоинствѣ этой книги. Такъ какъ такое явленіе въ нашей литературѣ по спеціальности II-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи считалось немаловажнымъ, то тотчасъ же книга была куплена и разсмотрѣна. Обнаружилось похищеніе, недозволенное ни закономъ, ни приличіемъ. Этотъ казусъ, думали, поведетъ къ крупному объясненію начальства. Вышло противное. Призвали виновнаго. Онъ сперва явился къ М. А. Балугьянскому. Этотъ старикъ, принявъ въ своемъ кабинетѣ Строева, прошелъ съ нимъ по канцеляріи подъ ручку, какъ съ хорошимъ знакомымъ; а по пріѣздѣ Сперанскаго, въ общемъ присутствіи, произошло рѣшительное объясненіе, но такъ, что никто не слышалъ онаго. Г. Строевъ вышелъ изъ присутствія примѣтно покраснѣвши и болѣе въ канцеляріи не служилъ; книга же, имъ изданная, на квартирѣ его и въ книжныхъ магазинахъ, до единаго экземпляра была отобрана, и такимъ образомъ вся была изъята изъ продажи. Отобранные экземпляры сложены на чердакѣ. Одинъ изъ нихъ долго хранился и у меня, но впослѣдствіи утратился.

Другой эпизодъ не менѣе жалокъ. Нѣкто Кутузовъ, служа въ гвардіи, кажется въ Измайловскомъ полку офицеромъ, наслышавшись отъ Декабристовъ и другихъ лицъ разныхъ либеральныхъ идей, записывалъ ихъ въ особую книжку и, собравъ такимъ образомъ разныхъ мыслей довольно порядочное число, особенно же относительно необходимости разныхъ улучшеній въ нашемъ государственномъ строѣ, далъ переплести книженку свою въ сафьянъ и золотой обрѣзъ и осмѣлился поднести ее Государю Императору Николаю Павловичу, вскорѣ по восшествіи его на Всероссійскій престолъ. Это совпадало какъ разъ съ происшествіемъ Декабристовъ и слѣдствіемъ надъ ними. Автора этой книжки привлекли къ дѣлу государственныхъ преступниковъ. Онъ высидѣлъ въ крѣпости почти полгода, пока не разъяснилось, что онъ къ дѣлу Декабристовъ совершенно былъ непричастенъ. Государь Императоръ, въ милостивомъ воззрѣніи къ понесеннымъ г. Кутузовымъ страданіямъ, всемилостивѣйше соизволилъ этого страдальца опредѣлить во II-е отдѣленіе своей канцеляріи, а книжку съ его тенденціозными раз-

сужденіями передать Сперанскому. Но Кутузовъ, не будучи вовсе подготовленъ къ юридическимъ занятіямъ, былъ только терпимъ въ канцеляріи, и по способностямъ своимъ не принесъ пользы, которой ожидалъ отъ него Государь. Я помню, что онъ собиралъ свѣдѣнія и составлялъ изъ нихъ записки *о дворянскихъ нуждахъ*. Сіи работы только напрасно обременяли писцовъ перепискою. Однажды г. Капгеръ, составлявшій сводъ уголовныхъ законовъ, въ горячности за напрасное занятіе писарей, лично Кутузову сказалъ: *Всѣ ваши дворянскія нужды бросить стоитъ только въ печку*. При всемъ томъ бѣдный Кутузовъ дослужился въ канцеляріи до чина д. с. с. и потомъ перешелъ, кажется, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Это былъ авторъ съ воли, попавшій въ автора поневолѣ. Книжка Кутузова нѣсколько лѣтъ валялась въ шкафѣ канцеляріи и осталась безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Была она и у меня нѣсколько разъ въ рукахъ.

Въ 30-хъ годахъ въ нашей литературѣ появились впервыя въ печати *Житія святыхъ*, взятыя изъ Чети-Минеи, передѣланныя на Русскій языкъ. Эти житія потомъ вошли въ полный мѣсяцесловъ. Но кто написалъ ихъ, кажется, неизвѣстно въ печати. Составленіемъ житій занимались служившіе во II-мъ отдѣленіи чиновники *Яковлевъ* и *князь Эристовъ*, оба лицеисты, и первый изъ нихъ по курсу, кажется, былъ товарищемъ поэта А. Пушкина. При составленіи семъ меня особенно тогда удивляло то, что оба они отнюдь не отличались благочестивою жизнію, и трудъ ихъ, казалось, былъ вызванъ не чувствами и понятіями о чистотѣ и святости нашей религіи, но чисто спекулятивными расчетами. Оба они давно уже умерли, Яковлевъ, состоя на службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а князь Эристовъ генералъ-аудиторомъ Морского Министерства.

IX.

Аудиторская служба. 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ. Новое начальство. Добрый совѣтъ. Переводъ на службу въ Старую Русу. Генералъ фонъ-Фрикенъ и сослуживцы мои.

Аудиторомъ въ чинѣ 13-го класса, разставаясь не безъ скорби съ Петербургомъ, въ Августѣ 1835 года, я съ женой отправился на новую службу, въ г. Старую Русу. Тамъ, по обязанности, явился сперва къ удѣльному начальнику генералъ-маіору Макарову и къ начальнику всѣхъ округовъ пѣхотныхъ солдатъ генералу *фонъ Фрикену*, командовавшему когда-то Аракчеевскимъ полкомъ и бывшему любимцемъ графа Аракчеева, такъ что послѣ ссылки сына его, флигель-адютанта Шумскаго, Аракчеевъ хотѣлъ усыновить его, Фрикена, съ предоставленіемъ всѣхъ правъ наслѣдства, и это, по разсказамъ близкихъ къ Фрикену, не со-

стоялось потому только, что Клейнмихель, впослѣдствіи графъ, тоже бывшій приближеннымъ и любимцемъ временщика, тому воспрепятствовалъ... Оба эти любимца Аракчеева въ пріемахъ службы многое унаслѣдовали отъ временщика, особенно Клейнмихель. Въ штабѣ фонъ-Фрикена, старшій адъютантъ маіоръ Хотинскій, прежде сослуживецъ его по Аракчеевскому полку въ должности аудитора, не преминулъ, въ видѣ предостереженія, дать мнѣ практическія наставленія, по смыслу которыхъ хорошо, кто изучилъ отечественное законодательство, но еще важнѣе, въ маленькомъ чинѣ, *умѣть приноравливаться* къ обстоятельствамъ дѣла, къ мѣстамъ и особенно лицамъ, выше насъ стоящимъ въ служебной іерархіи и что строгихъ исполнителей законовъ никто не любитъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось испытать на дѣлѣ всю правоту его словъ.

Явился я наконецъ въ 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ, къ ближайшему своему начальнику, командиру округа, подполковнику Свержевскому, Поляку, настоящему Іезуиту. Онъ и жена его, Русская барыня, помѣщица Гдовская, приняли меня и жену мою ласково и забрали насъ подъ свое покровительство.

Округи пѣхотныхъ солдатъ образовались, какъ извѣстно, въ 1832 году изъ неудавшагося на практикѣ Аракчеевскаго военнаго поселенія въ Новгородской губерніи, послѣ страшнаго бунта 1831 года. Когда я прибылъ въ 13-й округъ, событія бунта были еще въ свѣжей памяти и передавались мнѣ въ живыхъ картинахъ, произведшихъ на меня и жену мою самыя непріятныя впечатлѣнія. Но тѣмъ не менѣе нужно было продолжать службу, гдѣ Богъ привелъ. Въ Петербургѣ я заручился, запасшись только что вышедшимъ сводомъ гражданскихъ законовъ, разными уставами и постановленіями, необходимыми мнѣ къ руководству. Но на практикѣ оказалось, что они мало примѣнялись къ дѣлу, а болѣе служили руководствомъ Аракчеевскіе проекты и уставы, не вошедшіе въ Полное Собраніе Законовъ, потому что они утверждались только Аракчеевымъ, не имѣя характера законовъ, утвержденныхъ высочайшею властію. Мнѣ, по приказанію окружного командира, дали для ознакомленія кучу Аракчеевскихъ постановленій, имѣвшихъ, относительно округовъ пѣхотныхъ солдатъ, главное примѣненіе по хозяйственной части. Изучать эти постановленія не было возможности, потому что мнѣ пришлось по прибытіи тотчасъ же вступить въ свою должность и вести дѣлопроизводство болѣе по бывшимъ образцамъ. Аудиторъ въ округѣ былъ дѣлопроизводителемъ окружнаго комитета, гдѣ предсѣдалъ командиръ округа, а членами были его помощникъ, окружный адъютантъ и старшій священникъ. Всѣ почти дѣла рѣшались присутствіемъ комитета. По происшествіямъ въ округѣ производились предвари-

тельныя разслѣдованія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ слѣдственныя дѣла помощникомъ и адъютантомъ. Оконченныя слѣдственныя дѣла разсматривались аудиторомъ и съ краткою изъ нихъ выпискою и мнѣніемъ окружного командира представлялись на разрѣшеніе высшаго начальства. Въ случаяхъ преданія виновныхъ военному суду, дѣла о происшествіяхъ и виновные отсылались въ комиссію военнаго суда, учрежденную при Новгородскомъ ордонансгаузѣ. По окончаніи въ военномъ судѣ дѣлъ, оныя вновь поступали въ округъ на заключеніе и съ запискою, и мнѣнія переходили опять по инстанціямъ въ Старую Русу, а въ важнѣйшихъ случаяхъ въ Петербургъ, въ Генералъ-Аудиторіатъ. Дѣла рѣшались окончательно, смотря по роду преступленій и по предоставленной начальству власти. Такимъ образомъ аудиторъ въ округѣ игралъ немаловажную роль: безъ его совѣта или мнѣнія не проходило ни одно дѣло; и если притомъ онъ былъ опытный, трезвый, старательный и честный человѣкъ, то сильно вліялъ на весь ходъ управленія округомъ и пользовался за то уваженіемъ, какъ и всякій полезный на своемъ мѣстѣ человѣкъ. Въ округа назначались изъ войскъ фронтовые, чаще семейные офицеры, плохіе администраторы и плохіе служаки, а вдобавокъ не всегда честные люди. Отъ этого происходило много зла, взяточничество, поборы, пристрастіе въ дѣлахъ и даже самыя безсовѣстныя вымогательства. И все это, въ мое время, въ случаѣ открытія и доведенія до свѣдѣнія начальника округовъ, по наружности хотя и преслѣдовалось, но въ сущности зло тушилось только такъ, чтобъ не могло доходить до высшаго въ Петербургѣ начальства. Въ большинствѣ случаевъ казусы, выводившіе наружу злоупотребленія мелкихъ и крупныхъ чиновъ, рѣшались по слѣдственнымъ дѣламъ и по однимъ донесеніямъ, не заводя безъ крайности переписки, не доводя виновныхъ до формальнаго суда. Виновные, подвергаясь келейному выговору, болѣе или менѣе строгому замѣчанію или такъ называемой гонкѣ начальника, оставались на своихъ мѣстахъ и послѣ продолжали свои подвиги только съ большею осторожностію. Но были конечно и честные чиновники, кои служили въ округахъ. Къ счастію человѣчества, добрые и честные люди были и будутъ всегда. Дѣйствуя чрезъ нихъ, Промыслъ Божій охраняетъ порядокъ въ обществахъ. Добрыми, честными и благородными людьми держится весь общественный строй цѣлыхъ государствъ. Иначе злодѣи истребили бы весь родъ человѣческій и сами бы погибли.

X.

Военныя поселенія и округа пахатныхъ солдатъ. Мое новое начальство. Старая Русь. Бунтъ въ ней и въ округахъ поселянъ. Генералъ фонъ Фрикенъ. Заготовка провіанта и фуража. Приключенія мои въ Старой Русѣ.

Округи пахатныхъ солдатъ существовали во внутреннемъ управленіи на основаніяхъ Аракчеевскихъ. А какое имѣли значеніе вообще военныя поселенія относительно государственной и общественной пользы, мной выражено въ *Замѣткахъ моихъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ*, помѣщенныхъ *въ „Русскомъ Архивѣ 1873 года“*. При тѣхъ убѣжденіяхъ я остаюсь и по нынѣ *).

Въ 13-мъ округѣ я зарекомендовалъ себя хорошо. Служба моя текла правильно. Я къ ней, а начальство и сослуживцы ко мнѣ попривыкли, такъ что я могъ считать свою судьбу благосклонною. Но къ сожалѣнію, въ 1837 году, генералъ фонъ Фрикенъ, по хорошимъ вообще обо мнѣ отзывамъ, перевелъ меня въ свой штабъ, находившійся въ Старой Русѣ, помощникомъ оберъ-аудитора. Въ округѣ я не пробылъ и двухъ полныхъ годовъ. На новомъ мѣстѣ жизнь моя довольно измѣнилась къ худшему. Въ округѣ я былъ самостоятельный дѣятель и такъ себя поставилъ, что почти управлялъ имъ; въ штабѣ же генерала фонъ-Фрикена я игралъ зависимую отъ оберъ-аудитора Степанова роль. А онъ человѣкъ былъ со слабостями, пивалъ и взятокъ былъ нечуждъ, часто манкировалъ дѣломъ. Штабные чиновники въ глаза ему смѣялись и говорили дерзости, но онъ переносилъ все съ удивительнымъ равнодушіемъ. Поведеніе его и на мнѣ стало непріятно отражаться. Онъ любилъ музыку и управлялъ хоромъ казенныхъ пѣвчихъ, занимаясь не столько благолѣпіемъ церковнаго пѣнія, сколько хоровою музыкою. Приглашая полковую музыку, онъ часто пѣвчихъ съ музыкою упражнялъ въ свѣтскомъ пѣніи, наиболѣе въ ученыхъ и веселыхъ пѣсняхъ. Въ церкви хоръ его пѣвчихъ оралъ безъ милосердія и часто смѣшилъ молящихся. Это безобразіе дошло до свѣдѣнія графа Клейнмихеля, и онъ счелъ лучшимъ уничтожить самый хоръ, на который напрасно тратилась казна. Вмѣсто прямыхъ занятій по службѣ въ штабѣ, я, по приказанію Степанова, долженъ былъ присутствовать на его хоровыхъ спѣвкахъ, заявлять свои одобренія его музыкѣ и вкусу. А между тѣмъ генералъ, пріѣхавъ въ штабъ, часто не находилъ насъ при должности и выражалъ свое неудовольствіе, которое меня тяготило, такъ какъ я не привыкъ манкировать своею службою и любилъ относиться къ ней болѣе серьезно. При этомъ, будучи связанъ 10-тилѣтнимъ срокомъ службы

*) Писано въ 1878 году.

въ аудиторскомъ званіи, я не могъ произвольно мѣнять своего мѣста служенія. Поэтому, скрѣпя сердце, приходилось мнѣ терпѣть до благопріятнаго случая. Въ другихъ отношеніяхъ генералъ и товарищи были мной довольны, и служба текла своимъ чередомъ, такъ что я удостоился получить въ награду годовой окладъ жалованья.

Во время службы моей въ штабѣ генерала фонъ Фрикена, къ округамъ пахатныхъ солдатъ, подъ его начальство, были присоединены два округа военныхъ поселеній Витебской и Могилевской губерній; первый былъ образованъ изъ Іезуитскихъ имѣній, поступившихъ въ казенное управленіе, и туземныхъ крестьянъ; а послѣдній, въ Климовичскомъ уѣздѣ, былъ первымъ въ Россіи Аракчеевскимъ округомъ, основаннымъ еще до 1812 года и послужившимъ образцомъ всѣхъ военныхъ поселеній, стоившихъ правительству огромныхъ суммъ, непроизводительно затраченныхъ *). Непопулярность всѣхъ округовъ, большіе на нихъ расходы и наконецъ злоупотребленія, особенно по заготовкѣ фонъ Фрикеномъ на коммерческомъ правѣ, для всей гвардіи, провіанта и фуража, послужили къ тому, что въ 1857 году окончательно всѣ округа уничтожены, и туземные жители оныхъ обращены въ крестьянъ удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ. Здѣсь говорится только о военныхъ поселеніяхъ, обращенныхъ въ округа пахатныхъ солдатъ Новгородской, Витебской и Могилевской губерній; военныя же поселенія, учрежденныя на Югѣ, въ Новороссійскомъ краѣ, имѣли свою, не менѣе печальную и дорогую для казны исторію, которая также послужила къ окончательному ихъ упраздненію. Но въ этой исторіи личность графа Аракчеева не играла важной роли; она возникла и кончилась на иныхъ началахъ, и въ ней дѣйствующимъ главнымъ лицомъ былъ генералъ графъ Никитинъ.

Но прежде нежели придется мнѣ разстаться со службою и жизнію въ Старой Русѣ, необходимо вкратцѣ очертить нѣкоторые существовавшіе тамъ порядки. Городъ Старая Руса, со всѣмъ уѣздомъ, на основаніи учрежденія военныхъ поселеній, былъ изъятъ изъ гражданскаго вѣдомства, кромѣ гражданскихъ дѣлъ, для коихъ существовалъ магистратъ. Онъ состоялъ въ военномъ вѣдомствѣ, относительно устройства и вообще административныхъ порядковъ, сперва подъ главнымъ управленіемъ графа Аракчеева, а потомъ бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній и генерала фонъ Фрикена. Внѣшнимъ устройствомъ своимъ и заведеніями тамошнихъ минеральныхъ водъ онъ обязанъ казеннымъ субсидіямъ. Для гражданъ строились даже дома рабочими сол-

*) Я помню изъ отчетовъ, что одинъ Могилевскій округъ, только по устройству его, стоилъ казнѣ болѣе 13 милліоновъ рублей ассигнаціями.

датами, на счетъ сихъ субсидій, съ возвратомъ казнѣ въ продолжительные сроки употребленныхъ на постройку денегъ. Отъ этого Старая Руса, по внѣшнему виду, въ числѣ уѣздныхъ городовъ по справедливости считается изъ самыхъ лучшихъ. Улицы вымощены камнемъ, а главныя шоссированы. По берегу рѣки Полѣсти устроенъ бульваръ, обсаженый тѣнистыми деревьями. Городъ содержался чисто. Одинъ въ городѣ недостатокъ: нѣтъ чистой, прѣсной воды. Онъ весь построенъ на солончакахъ. Поэтому прѣсная вода для зажиточныхъ горожанъ привозилась изъ загородныхъ мѣстъ за нѣсколько верстъ, а бѣдные пользовались изъ рѣкъ водою смѣшанною съ соленою водою, отъ солончаковъ. Чтобы снабдить жителей города хорошею водою, пробовали, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, устроить Артезіанскіе колодцы, но вездѣ оказывалось преобладаніе соленогорькой воды. Старорусскія минеральныя воды, по свойству своему схожія съ морскими, очень полезны въ золотушныхъ, ревматическихъ и другихъ болѣзняхъ.

Не знаю какъ теперь, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ самые коренные жители Старой Русы не отличались сердечной добротой, особенно мѣщане. Въ характерѣ ихъ оставались слѣды древнихъ Новгородскихъ долбёжниковъ. Для примѣра приведу дѣйствительные факты: судилище, устроенное, въ 1831 году, на площади Старой Русы для народнаго сужденія всѣхъ господъ, попадавшихъ въ руки бунтовщиковъ, мѣщанъ, солдатъ 10-го военно-рабочаго баталіона и военныхъ поселянъ, при чемъ во время допросовъ объ отравѣ въ колодцахъ и рѣкахъ воды ядомъ, многихъ несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, страшнымъ образомъ истязали, нанося жестокіе удары чѣмъ ни попало, волочили страдальцевъ по городу, привязанныхъ къ конскимъ хвостамъ. Въ этой кровавой исторіи жертвами были три генерала Мевесъ, Леонтьевъ и Эмме и многіе офицеры и чиновники. Били и грабили всѣхъ принадлежавшихъ къ сословію дворянъ и чиновныхъ лицъ. Здѣсь и въ округахъ поселянъ, въ теченіе двухъ недѣль безначалія, выразилась вполнѣ ненависть къ Аракчеевскимъ учрежденіямъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, послѣ побоевъ и страшныхъ истязаній, погибло болѣе 120 жертвъ ненависти. Уже послѣ бунта, во времена строгаго начальника фонъ-Фрикена, жена главнаго доктора, статскаго совѣтника К—го, зимой, ѣхала въ городѣ въ саняхъ, съ запятками назади. Въ то время шли два брата-мѣщанина. Одинъ изъ нихъ, бывшій немного подъ хмѣлькомъ, изъ одной удали, вскочилъ на запятки саней докторши и нанесъ ей, ни въ чемъ неповинной, нѣсколько сильныхъ ударовъ по головѣ. Его потомъ взяли подъ арестъ и судили военнымъ судомъ, по которому онъ понесъ шпицрутенное наказаніе. Виновный и братъ его родной не отрицали факта, объясняя оный тѣмъ, что, увидя ѣхавшую барыню,

одинъ вызвался надавать ей тумаковъ; другой хотя его и удерживалъ отъ такой дерзости, но тотъ поставилъ на своемъ. Вообще Старая Руса богата исторіями буйнаго характера.

Къ этому несчастному времени относится эпизодъ и прискорбный и смѣшной. Когда между военными поселянами распространялся бунтъ, многія семейства офицеровъ и чиновниковъ, бывшихъ въ походѣ и въ лагеряхъ, оставались между бунтовщиками совершенно беззащитными и подвергались отъ нихъ побоямъ, поруганію и грабежу. Въ 14-мъ артиллерійскомъ округѣ нашелся однакожъ сострадательный поселянинъ, зажиточный и имѣвшій удобныя для настоящаго случая скрытыя мѣста Онъ, при видимой опасности, бралъ подъ свое покровительство женъ и дочерей офицеровъ и чиновниковъ, укрывалъ ихъ у себя въ подъизбицѣ и другихъ мѣстахъ, сокрытыхъ отъ постороннихъ глазъ, продовольствовалъ и вполнѣ заботился о несчастныхъ, ежеминутно боявшихся попасть въ руки злодѣевъ-бунтовщиковъ. Бунтъ продолжался до трехъ недѣль. Въ это время укрыватель хорошо ознакомился со всѣми прибѣгшими къ нему подъ защиту дамами и сталъ выказывать требованія удовлетворенія животной страсти. Въ какой степени онъ достигалъ этой подлой цѣли, осталось сокрытымъ; но когда бунтъ былъ прекращенъ и семейства укрывавшіяся освободились и избавились отъ всякой опасности, между дамами возникло недоразумѣніе. Однѣ хотѣли подвергнуть поселянина, спасшаго ихъ жизнь и имущество, строгой отвѣтственности за принужденіе ихъ къ нарушенію чести; а другія, болѣе радуясь своему спасенію, предавали прочее забвенію, просили и взыскательныхъ дамъ сохранить все въ секретѣ и о поступкѣ поселянина-ловеласа довести до свѣдѣнія начальства и просить не о наказаніи, а о наградѣ его. Такъ наконецъ всѣ и согласились. Поселянинъ потомъ, за спасеніе, получилъ медаль на шею. Передаю это со словъ одной почтенной дамы, бывшей въ числѣ другихъ спасенныхъ поселяниномъ.

«*Каковъ попъ, таковъ и приходъ*», говоритъ Русская пословица; но здѣсь приходится выразить ее такъ: «*Каковъ приходъ, таковъ данъ ему и попъ*». Послѣ страшнаго бунта поселянъ Новгородской губерніи, по преобразованіи ихъ, въ 1832 году, въ округа пахатныхъ солдатъ, назначенъ въ оные начальникомъ генералъ фонъ Фрикенъ. Этотъ попъ умѣлъ справляться съ своими буйными прихожанами. Мнѣ въ штабѣ приходилось видѣть сцены, которыя, спустя 30 лѣтъ, на меня наводятъ ужасъ. Въ расправахъ своихъ нашъ попъ не былъ разборчивъ съ простыми прихожанами, которыхъ онъ называлъ «*сѣрыми министрами*», по формѣ поселянской верхней одежды, состоявшей изъ сѣраго кафтана съ такимъ же кушакомъ. Кулачная расправа производилась нерѣдко и производилась такъ, что ни прежде, ни послѣ того, Богъ миловалъ меня видѣть

подобное. Удары кулакомъ съ такою твердостію и обиліемъ наносились симъ попомъ, что я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ, вынесши такіе побои по лицу и по головѣ, оставаться потомъ живымъ. Но не удивляйся, добрый читатель: то былъ вѣкъ кулачнаго права, вѣкъ крѣпостничества, вѣкъ Аракчеевскихъ порядковъ.

Выше я упомянулъ, что генералъ фонъ Фрикенъ имѣлъ порученіе, на коммерческомъ правѣ, поставлять въ Петербургъ провіантъ и для гвардейскаго корпуса. Эта комиссія, при всей энергіи, при всемъ усердномъ стараніи и несомнѣнныхъ его административныхъ способностяхъ, кончилась для него весьма печально, уронила его во мнѣніи высшаго начальства и наконецъ низвела его въ могилу.

„Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ".

Фрикенъ на себѣ оправдалъ справедливость сихъ словъ. Подрядъ имъ былъ взятъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Вся его обстановка говорила въ его пользу. Запасные магазины пахатныхъ солдатъ были наполнены продуктами. Подрядчики, изъ пахатныхъ солдатъ, опытные, постоянно занимавшіеся поставкою продуктовъ въ С. Петербургъ на своихъ баркахъ и судахъ, были къ его услугамъ. Офицеры и чиновники, испытанные въ расторопности и знаніи дѣла, служившіе въ управленіяхъ округовъ, казалось, обѣщали полный успѣхъ комиссіи и гарантировали ее словомъ и дѣломъ. Но вышло, что вся операція кончилась полнымъ фіаско.

Не знаю, много ли, мало ли, или совсѣмъ ничего не бралъ онъ на свою совѣсть по операціи провіанта и фуража; но вѣрно то, что онъ былъ не изъ числа дюжинныхъ генераловъ и, какъ начальникъ всѣхъ округовъ пахатныхъ солдатъ, былъ на своемъ мѣстѣ. Всѣ округа при немъ относительно устройства ихъ и благосостоянія поселянъ доведены были до совершенства. Земледѣліе, скотоводство, дороги, села и деревни поставлены были въ крестьянскомъ быту въ лучшее состояніе. Запасные магазины до операціи были засыпаны хлѣбомъ и служили важнымъ пособіемъ въ случахъ наурожаевъ хлѣба, градобитія, пожаровъ и другихъ несчастій. Для торговыхъ оборотовъ поселянъ, за ничтожные проценты, въ каждомъ округѣ служилъ *заемный капиталъ*, а для бѣдныхъ, нуждавшихся по разнымъ несчастнымъ случаямъ, *вспомогательный капиталъ*. Для пользованія отъ болѣзней въ каждомъ округѣ состояли лекаря и фельдшера. Оспопрививаніе для всѣхъ дѣтей было обязательно и строго выполнялось. Нищенства вовсе не было, и оно не допускалось. Бѣдные призрѣвались въ семействахъ, и на нихъ, по положенію, отпускался хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. Кабакъ во всемъ 13-мъ округѣ былъ только одинъ, въ селѣ Ляховицахъ, гдѣ находился

и окружный комитетъ; въ виду начальства, поселяне не смѣли предаваться пьянству. Постройки поселянъ, мосты, перевозы и въ предохраненіе отъ пожаровъ въ избахъ печи и трубы содержались въ исправности; пожарные инструменты, багры, ведра, топоры, лѣстницы, бочки съ водою и лошади были росписаны по домамъ. Такъ какъ дворы у поселянъ покрывались соломою *подъ гребенку*, на дворахъ для скота постилалась солома, а для корма давалось сѣно, то строго воспрещалось изъ избы на дворъ ходить съ зазженою лучиною. Для этого каждый хозяинъ обязывался имѣть фонарь со свѣчею. Въ лѣтнюю же пору принимались особенныя мѣры противъ огня: дозволялось только въ крайнихъ случаяхъ топить печи. Сѣно и солому близко къ жилымъ строеніямъ строго воспрещалось складывать, дабы въ случаѣ пожара менѣе отъ огня было опасности и т. п. Мѣры фонъ Фрикена, унаслѣдованныя имъ отъ учрежденій Аракчеева, имъ разумно развиты и приспособлены были къ быту крестьянскому. Поэтому округа вполнѣ щеголяли своимъ хозяйствомъ. Стоило только проѣхать по деревнямъ и полямъ крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ, чтобъ убѣдиться въ превосходствѣ сельскаго хозяйства у поселянъ. Это вполнѣ было извѣстно и въ высшихъ сферахъ правительства. Одно только не въ пользу округовъ говорило: это дорого стоившее казнѣ военное управленіе, оставленное послѣ бунта поселянъ, *временно*, дабы ослабленіемъ порядка не дать имъ повода къ новымъ возмущеніямъ. Съ того времени, о которомъ я пишу, прошло уже 30-ть лѣтъ. Всѣ прежніе порядки измѣнились, съ цѣлію достигнуть лучшаго положенія крестьянъ, бывшихъ поселянами. Но достигнута ль нынѣ эта цѣль? Нимало. Теперь, по отзывамъ близкихъ свидѣтелей, бывшіе поселяне, лишась строгой надъ собой опеки, вспоминаютъ о временахъ прежнихъ, Фрикенскихъ, и жалѣютъ о нихъ. Тогда хлѣбъ, деньги, лѣсъ и совѣтъ все служило къ ихъ пользѣ; теперь каждый заботиться самъ о себѣ. Въ поляхъ и селеніяхъ нѣтъ прежняго порядка. Если самъ хозяинъ о себѣ не позаботится или отъ несчастій обнищаетъ, никто его не пробудитъ къ своевременнымъ заботамъ и не поможетъ такъ скоро, какъ прежде водилось. А кабаки, кабаки расплодились и пользуются покровительствомъ. Самосудъ и расправа своя также не упрочились, какъ должно и какъ ожидалось...

Разскажу здѣсь фактъ изъ жизни фонъ Фрикена, мной лично отъ него слышанный. Извѣстна исторія Семеновскаго полка съ командиромъ онаго полковникомъ Шварцемъ. Она особено хорошо описана полковникомъ Кропотовымъ, въ его добросовѣстной книгѣ «Жизнь графа Муравьева» *). Тамъ выведено, что вся несчастная исторія того полка была

*) Въ этой же книгѣ хорошо объяснено и значеніе бывшихъ округовъ пахатныхъ солдатъ Новгородской губерніи.

только слѣдствіемъ дурного отношенія офицеровъ къ своему полковому командиру, назначенному не изъ богатыхъ магнатовъ, *а изъ арміи*, почему имъ и неохотно было ему подчиняться и выполнять вводимые имъ въ полку новые порядки службы. Подобное было и въ Аракчеевскомъ полку, когда имъ командовалъ фонъ Фрикенъ въ чинѣ полковника, но только кончилось все съ менѣе дурными послѣдствіями для полка, чрезъ распорядительность графа Аракчеева. Офицеры полка, также какъ и въ Семеновскомъ полку, не возлюбили той строгости и точности службы, какихъ Аракчеевъ требовалъ чрезъ точного исполнителя его приказовъ фонъ Фрикена и стали собираться въ кружки, толкуя при нижнихъ чинахъ, что службы переносить нельзя. Сговорясь между собою, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ рѣшились объясниться съ графомъ. Явились къ нему. На вопросъ: что̀ вамъ надо? объяснили ему свою и всего полка претензію на строгость службы. Хорошо, сказалъ Аракчеевъ, погодите здѣсь немножко, и оставилъ ихъ въ пріемной. Чрезъ нѣкоторое время къ подъѣзду квартиры подкатило нѣсколько троекъ съ кибитками и съ провожатыми. Графъ вышелъ, вручилъ каждому провожатому по конверту, а офицерамъ указалъ каждому по кибиткѣ. Провожатые пригласили офицеровъ сѣсть въ экипажъ и съ ними умчались. Куда, никто не зналъ. Извѣстно, что Аракчеевъ имѣлъ бланки за подписью Государя Императора Александра Павловича и ими въ подобныхъ случаяхъ пользовался. Въ полку вскорѣ сдѣлалась извѣстною эта непріятная исторія, и всякой ропотъ на тяжесть службы замеръ. Полкъ выведенъ былъ на ученье и исполнялъ всѣ эволюціи отлично и покойно. Читатель скажетъ: слишкомъ строго поступлено съ бѣдными ротными командирами, вполнѣ по аракчеевски. Согласенъ и я такъ думать. Но, по словамъ фонъ Фрикена, этою мѣрою была спасена честь цѣлаго полка, и никто изъ онаго болѣе не пострадалъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, увезенные такъ внезапно въ кибиткахъ офицеры получили свободу, съ назначеніемъ на службу въ другія войска.

Но я далеко увлекся за предѣлы моихъ автобіографическихъ записокъ. Выше, кажется, я остановился на службѣ своей въ штабѣ фонъ Фрикена и на разладѣ съ ближайшимъ моимъ начальникомъ оберъ-аудиторомъ Степановымъ, большимъ любителемъ музыки (онъ порядочно игралъ на скрипкѣ) и особенно пѣнія. Когда я всмотрѣлся ближе во всѣ личности, составлявшія нашъ штабъ, мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно послѣ той обстановки, которою былъ я окруженъ во II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи и даже въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ. Перемѣнить къ лучшему свое положеніе не представлялось возможности: я обязанъ былъ выслужить въ аудиторскомъ званіи 10-ти лѣтъ. Но судьба опредѣлила недолго мнѣ томиться въ Старой Русѣ. А не залюбилъ ея

по двумъ случаямъ. Вопервыхъ, при переѣздѣ изъ округа, я нанялъ у купчихи В—ной квартиру, которая окончательно еще не была отдѣлана: окна, двери и полы не были выкрашены масляною краскою, стѣны не были оклеены бумагою и окрашены; въ саду была баня, но безъ печки, оконъ и дверей. Все это я сдѣлалъ на свой счетъ, квартиру привелъ въ самый лучшій порядокъ и баню въ должный видъ. При заключеніи условія, посредникомъ между мной и хозяйкою былъ самый недобросовѣстный человѣкъ, квартальный надзиратель Старорусской полиціи С—въ, рекомендовавшій мнѣ квартиру и самую владѣлицу дома *). По отдѣлкѣ квартиры, я съ семействомъ въ ней только что успѣлъ расположиться, любуясь устройствомъ и удобствами, какъ вдругъ этотъ же С—въ объявилъ мнѣ отъ имени хозяйки, чтобъ я очистилъ квартиру. При моемъ бѣдномъ состояніи, это меня ужасно удивило и огорчило. Къ несчастію, письменнаго условія съ хозяйкою мной сдѣлано не было. Однакожъ я надѣялся, что, по освидѣтельствованіи всѣхъ моихъ въ квартирѣ и банѣ исправленій и по оцѣнкѣ ихъ, меня вознаградятъ за мои издержки; надѣялся еще и потому, что я служилъ въ штабѣ фонъ Фрикена, которому городъ съ военною полиціею былъ подчиненъ. На дѣлѣ вышло, что этотъ генералъ первый по этому дѣлу меня поразилъ. Придя въ штабъ, онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ: «Г. Александровъ, на васъ жалуются. Вы у купчихи В—ной заняли квартиру. Вамъ хозяйка отказываетъ въ ней, а вы не думаете очистить квартиру. Этакъ нельзя». Я объяснилъ въ чемъ дѣло и просилъ, ради справедливости, меня поддержать и получилъ въ отвѣтъ: «Нельзя-съ насильно жить въ чужомъ домѣ. Нужно, чтобъ жалобъ на васъ не было». Это проклятое *не было*, меня ужасно поразило. У кого жъ больше оставалось искать правосудія? Я былъ новичекъ, опытомъ не обожженый, и въ этомъ вся моя бѣда. Впослѣдствіи оказалось, что хозяйка кусокъ хорошей шелковой матеріи снесла въ подарокъ такой дамѣ, которая имѣла вліяніе на генерала. Я же не могъ прибѣгать къ такимъ средствамъ снисканія покровительства, и все что я сдѣлалъ для купчихи В—ной пропало для меня ни за грошъ.

Во-вторыхъ, я пользовался между аудиторами нѣкоторымъ авторитетомъ. Вѣроятно поэтому ко мнѣ въ квартиру являлась жена генералъ-маіора Г., который тогда командовалъ бригадою въ войскахъ гренадерскаго корпуса, расположенныхъ въ кругахъ Старорусскаго удѣла. Она, объяснивъ въ подробностяхъ безвыходное свое положеніе

*) Этотъ мошенникъ впослѣдствіи обобралъ купчиху В—ну и отставного офицера К—па, купилъ въ Русѣ каменный домъ и нажилъ, всѣми неправдами, большое состояніе.

относительно супружеской своей жизни и въ особенности жалуясь на грубое и дерзкое съ ней обращеніе ея мужа, нарушеніе съ его стороны супружеской вѣрности, нарушеніе предъ всѣми вовсе не скрываемое, просила меня написать отъ имени ея Императору Николаю Павловичу просительное письмо. Главное, при своей просьбѣ она приводила свидѣтельства множества особъ, высокопоставленныхъ при императорскомъ дворѣ и вообще въ службѣ. Грустно было слушать повѣсть тягостной жизни лѣтъ за 20-ть слишкомъ; но и помочь въ тяжеломъ горѣ несчастной женщинѣ не было возможности. Мужа просительницы мы служащіе, по слухамъ и дѣламъ, хорошо знали. Темпераметра былъ онъ горячаго до того, что, незадолго предъ описываемымъ происшествіемъ, онъ сорвалъ съ проходившаго мимо его провіантскаго комиссіонера съ головы фуражку и отколотилъ ею чиновника по лицу, а фуражку потомъ бросилъ въ грязь за то, что тотъ не снялъ ея для отданія генералу чести *). Итакъ, мнѣ приходилось имѣть дѣло съ г. Г., крайне для меня не только непріятное, но и опасное: мужъ могъ и меня тяжко обидѣть, и я, при тогдашнихъ порядкахъ, не могъ бы найти никакой защиты. Потому я отказался генеральшѣ писать какія бы то ни было бумаги. Она просила генерала фонъ Фрикена, чтобы приказалъ мнѣ исполнить ея просьбу; но я и ему вѣжливо объяснилъ все неудобство для меня этого опаснаго дѣла. Впослѣдствіи бракъ Г. былъ расторгнутъ. Мужъ женился на молоденькой 17-ти лѣтней барышнѣ... Бывшая у меня не разъ прежняя жена Г. дошла до того, что, по бѣдности, попала на излѣченіе въ Маріинскую больницу въ Петербургѣ. Тамъ ее, въ числѣ простолюдиновъ, видѣлъ Императоръ Николай Павловичъ и былъ удивленъ, что генеральша туда попала. Такъ иногда невыгодно мѣняется жизнь человѣка. А по словамъ генеральши, она и мужъ ея, когда вступили въ законный бракъ, страстно любили другъ друга. Но съ лѣтами и потерею красоты, она стала ясно видѣть въ мужѣ своемъ перемѣну, послужившую къ ея несчастью.

XI.

Перемѣна моего мѣста служенія. Шкельтгофъ. Ужвалда. Витебскій округъ. Его поселеніе изъ поезуитскихъ имѣній. Начальство, сослуживцы. Соперничество.

Между тѣмъ въ штабѣ округовъ пахатныхъ солдатъ Витебской и Могилевской губерній открылась вакансія аудитора. И такъ какъ тамъ былъ исправляющимъ должность начальника удѣла подполковникъ Свержевскій, бывшій мой начальникъ, когда я служилъ въ 13-мъ округѣ,

*) Дѣло это, заставивъ чиновничій людъ много о немъ говорить, было потушено и осталось безъ послѣдствій, потому что не нашло праведнаго судьи.

хорошо меня понимавшій и сохранявшій ко мнѣ расположеніе: то, не долго думая, я объяснился откровенно съ оберъ-аудиторомъ и, заручась его согласіемъ, просилъ о переводѣ меня въ штабъ къ Свержевскому. Начальство разрѣшило. Я съ семьей переселился, въ Мартѣ 1840 года, въ фольварокъ Шкельтгофъ—расположеніе удѣльнаго штаба. Тутъ мы были встрѣчены и приняты съ полнымъ радушіемъ.

Округъ военныхъ поселеній Витебской губерніи, штабъ коего находился въ 8-ми верстахъ отъ фольварка Шкельтгофа, въ сел. Ужвалдѣ, былъ образованъ въ концѣ 20-хъ годовъ изъ тѣхъ имѣній, которыя въ Динабургскомъ уѣздѣ принадлежали Іезуитамъ и въ началѣ 20-хъ же годовъ были отъ нихъ отобраны въ казенные вѣдомство. Какъ было укоренились въ Россіи Іезуиты, видно изъ того, что въ сел. Ужвалдѣ находился ихъ главный коллегіумъ или высшее училище, для котораго былъ воздвигнутъ огромный каменный флигель въ два этажа. Къ срединѣ этого флигеля предполагалось братьями ордена воздвигнуть огромный костелъ, для котораго былъ уже положенъ и фундаментъ. Но постройка этого храма не состоялась, по случаю отобранія имѣнія въ казну.

Крестьяне бывшихъ Іезуитскихъ имѣній, по причисленіи ихъ къ вѣдомству казенныхъ крестьянъ, отданы были въ аренду помѣщику графу Плятеру (кажется, владѣльцу мѣстечка Креславки). Такимъ образомъ бѣдные крестьяне, освободясь отъ Іезуитовъ, попали въ руки ихъ учениковъ, Поляковъ недобрыхъ. По инвентарю крестьяне, пѣшіе или конные, обязаны были отбывать арендатору опредѣленное число рабочихъ дней и ѣздить указанное въ инвентарѣ число верстъ. За бо́льшіе же по требованію его рабочіе дни и разъѣзды обусловливалась особая денежная плата. Но въ теченіе аренды крестьяне такъ были обременяемы лишними работами, что предъявили на него претензію, доходившую наконецъ, по ихъ инвентарному расчету, свыше 10 мил. злотыхъ, которыхъ они и требовали съ Плятера. А графъ Плятеръ насчитывалъ на крестьянахъ невыполненныхъ работъ болѣе нежели на 300 т. злотыхъ, которыхъ и требовалъ съ крестьянъ. Взаимные споры, претензіи и жалобы въ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ крестьянъ доходили многократно до высшаго правительства. Но крестьянъ считали «бунтовщиками», высылали для усмиренія и приведенія ихъ къ повиновенію воинскія команды, чинившія судъ и расправу по прежнимъ строгимъ законамъ. Послѣ многихъ мѣръ строгости, наконецъ и само правительство убѣдилось въ ненормальности дѣла. Имѣнія отъ Плятеровъ отобрали и, съ присоединеніемъ къ нимъ казенныхъ крестьянъ Динабургскаго староства, обратили ихъ въ 1828 году въ округъ военныхъ поселеній саперной бригады. Это военное поселеніе, принявъ

въ основу порядки Аракчеева, устроилось, не бывъ нисколько подъ его вліяніемъ или начальствомъ [1]). Въ 1837 году, этотъ округъ и также и округъ Могилевской губерніи были переобразованы тоже въ округи пахатныхъ солдатъ тѣхъ губерній и подчинены генералу фонъ Фрикену [2]). По случаю сихъ-то переворотовъ и я съ семействомъ попалъ въ фольварокъ Шкельтгофъ.

Это фольварокъ или мыза, на горѣ, совершенно открытой мѣстности, съ огромнымъ фруктовымъ садомъ, разведеннымъ при Іезуитахъ, съ рощею назади сада и небольшимъ прудомъ. Между садомъ и рощею былъ, для чиновъ штаба, огородъ. Этотъ садъ, окруженный деревянною оградою, примыкалъ одною стороною къ большому, съ чистою водою, озеру, въ которомъ водилась и рыба. На горѣ противъ сада, отдѣлявшагося площадью, служившею прежде для ученья солдатъ, а въ 1840 году поросшею совершенно хорошею травою, были выстроены отдѣльные флигеля: для штаба, начальника удѣла, старшаго адъютанта-аудитора и бухгалтера. У каждаго домика были палисадники съ деревьями и клумбами цвѣтовъ, которые поддерживалъ и разводилъ каждый по своему. На другой горушкѣ, позади штабныхъ зданій, разбросаны были безъ всякаго плана деревянные домики для писарей и солдатъ. Тамъ же была и мастерская, гдѣ солдаты военно-рабочей роты, собранной при округѣ для казенныхъ построекъ, занимались преимущественно дѣланіемъ для начальника удѣла мебели и разныхъ вещей, какъ бы собственные его люди. Недалеко отъ штаба была маленькая, но хорошо сдѣланная, православная церковь.

Вотъ вся селитьба, гдѣ мнѣ съ семействомъ пришлось обитать въ теченіи шести лѣтъ. Ближе 8-ми верстъ окружнаго штаба, Ужвалды, никакихъ господскихъ жилищъ не было. Шкельтгофъ—настоящее уединенное жилище!.. Когда жильцы его между собой ладили и жили въ согласіи, тогда жизнь могла казаться сносною и подчасъ даже пріятною, особенно лѣтомъ въ саду. Но при несогласіи—это было ссылочное мѣсто.

Жизнь моя съ семействомъ въ Шкельтгофѣ дѣлится на двѣ половины: первая при Свержевскомъ была не только сносною, но даже и пріятною; вторая, при смѣнившемъ его начальникѣ удѣла полковникѣ Д. Х. Кенѣ, обратилась для всѣхъ штабныхъ чиновъ въ ссылочную Сибирь. Какъ многое зависитъ, въ глуши, и отъ небольшаго, но суроваго и недобросовѣстнаго начальника!..

Всмотрѣвшись достаточно въ бытъ поселянъ Витебской губерніи, получившихъ лучшее устройство во время управленія начальствомъ

---

[1]) Приказъ графа Дибича 15 Марта 1828 г. № 48.

[2]) Приказъ 9 Апрѣля 1837 г. № 4.

военныхъ поселеній, я замѣтилъ, что они дѣлились на двѣ расы: Латышей-католиковъ и Русскихъ, преимущественно раскольниковъ, удалившихся въ этотъ край во время Польскаго въ немъ владычества. Бытъ Латышей представлялъ, сравнительно съ поселянами Новгородской губерніи, рѣзкую разницу. Латыши въ большинствѣ народъ мелкій, невидный, загнанный, такъ что изъ него Поляки выработали *быдло*. Лѣнь, апатичность къ своему быту, пьянство, нечистоплотность, неряшество и тупое равнодушіе къ нравственности, особенно въ женскомъ полѣ, общая черта всѣхъ ихъ. Вообще хозяйственныя постройки крайне бѣдны и неудобны для жилья. Избы тѣсны, большею частію безъ половъ, безъ лавокъ и безъ постелей. Зимой въ избѣ помѣщается и мелкій домашній скотъ. Грязь, нечистота поразительныя. На очагѣ у печи виситъ котелъ, въ которомъ на все семейство и на нѣсколько дней варится обычная пища, болтушка или пудра, состоящая изъ ржаной муки, куска свиного сала и въ рѣдкихъ случаяхъ немного мяса или молока. Этотъ котелъ наполняетъ пустые желудки бѣдной семьи Латыша. Къ счастію, въ странѣ распространенъ посѣвъ картофеля на поляхъ. Этотъ продуктъ служитъ существеннымъ пособіемъ бѣднымъ людямъ въ ихъ продовольствіи. Нѣтъ, какъ у Русскаго мужичка Великороссійскихъ губерній, передняго въ избѣ кута или угла съ образами, покрытаго бѣлымъ полотенцемъ и чистаго стола, накрытаго также скатертью. Полокъ для спанья хозяина и хозяйки замѣняютъ деревянные козлы съ наложенными на нихъ жердочками и хворостомъ, закрытыми грубою дерюгою. Перины роскошной, подушекъ, полога, простынь и другихъ потребностей спальныхъ у Латышей намъ не случалось видѣть. Дворовъ, крытыхъ, съ теплыми хлѣвами для мелкаго скота, клѣтей и амбаровъ для имущества и продуктовъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ приходилось видѣть. Домашній скотъ, лошади и коровы, зимой, въ сильные морозы, не имѣя теплыхъ и крытыхъ пріютовъ и хорошаго корма и ухода за ними, необыкновенно мелкой и безсильной породы.

Я съ семействомъ, въ Мартѣ 1840 года, ѣхалъ отъ Старой Русы до Витебскаго округа въ Казанскомъ возкѣ на тройкѣ ямскихъ лошадей и ѣхалъ совершенно свободно, безъ остановокъ. Въ первой волости округа, вмѣсто 3-хъ, въ особое угожденіе, запрягли 5 лошадей съ форейторомъ. Волостной голова, желая прислужиться, самъ хлопоталъ объ удобномъ насъ отправленіи до удѣльнаго штаба или фольварка Шкельтгофа. Мы вышли, чтобъ отправиться съ Богомъ въ путь; но каково же было наше удивленіе, когда увидѣли запряженныхъ въ возокъ пять лошадей!... Сіи лошади походили болѣе на жеребятъ, на которыхъ въ Россіи еще не начинаютъ ѣздить. Я сильно усумнился въ успѣхѣ нашей поѣздки; но волостной голова завѣрилъ, что это выѣзженныя и

лучшія у нихъ лошади. Съ большимъ сомнѣніемъ мы усѣлись въ возокъ. Кучеръ и форейторъ тоже помѣстились какъ слѣдовало. Голова, сотскій и нѣсколько поселянъ, вѣроятно въ предвѣдѣніи, тутъ же стояли, чтобъ насъ напутствовать. «Ну, орлы, вскрикнулъ кучеръ, и форейторъ ударилъ кнутьями по лошадямъ. Но лошади ни съ мѣста!.. Пошли нуканья и безъ счету удары по лошадямъ, и только съ помощью бывшихъ тутъ людей мы едва сдвинулись съ мѣста. Ѣхали мы, съ непрестанными остановками, до штаба 20 верстъ, съ утра до часу ночи... Вотъ «орлы». Въ Старорусскомъ удѣлѣ этому никто бы неповѣрилъ, хоть и тамъ порода крестьянскихъ лошадей не очень крупна.

Латышъ не имѣетъ у своей избы ни садика, ни огорода для овощей, и если гдѣ огородики встрѣчались, то съ грядами едва замѣтными. У Русскихъ мужичковъ огородъ большое подспорье въ хозяйствѣ: своя капуста, морковь, рѣпа, рѣдька, брюква, огурцы, сахарный горохъ, бобы и пр. заготовляются въ прокъ на всю зиму и весну. И хозяйки Русскія свои приготовляютъ огороды съ высокими, тщательно удобренными, грядами; одна передъ другою стараются, чтобъ въ огородахъ все во время было посажено и посѣяно и чтобъ уродилось все хорошо и въ изобиліи. Латышки лѣнивыя, апатичныя мало и думаютъ о своихъ огородахъ и не разводятъ ихъ какъ должно. Русскій любитъ, чтобъ въ селеніи и даже въ огородѣ или саду у каждаго былъ колодецъ съ хорошею водою. Потому у нихъ колодцы бываютъ глубокіе, съ срубами, бадьями и т. п. Русскій любитъ и баню недалеко отъ своего жилья. У Латышей колодцами служатъ выкопанныя гдѣ нибудь на проточномъ мѣстѣ ямы, едва позволяющія зачерпнуть изъ нихъ воду, постоянно нечистую, почти негодную къ употребленію въ питье. За то у нихъ нечистота на тѣлѣ, часто видишь колтуны на головѣ и язвы на рукахъ и ногахъ. Нигдѣ ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось видѣть столько больныхъ колтуномъ, какъ въ Витебскомъ округѣ, у бѣдныхъ Латышей. Такъ какъ нѣтъ правила безъ изъятія, то мнѣ случалось, какъ исключеніе, видѣть изъ Латышей хорошихъ и зажиточныхъ хозяевъ. Особенно одинъ изъ нихъ, какъ бы выродокъ въ своей семьѣ, славился своимъ примѣрнымъ трудолюбіемъ по земледѣлію и успѣшнымъ хозяйствомъ. При проѣздѣ мимо сего хозяина, указывали на его хорошій дворъ и обыкновенно говорили: «Вотъ и Латышъ, а живетъ хорошо, какъ баринъ».

О Русскихъ поселянахъ Витебскаго округа не буду распространяться. Они въ большинствѣ раскольники и въ образѣ своей жизни схожи съ поселянами Новгородской губерніи. Войдя въ чистую и свѣтлую, просторную избу, тотчасъ же видишь по обстановкѣ, что это Русскій мужичекъ. Сердце радуется. Изъ Великоросса Поляки не успѣли

сдѣлать свое *быдло*. На Латышахъ это позорное для человѣчества названіе, думаю, живетъ и понынѣ.

Какъ округъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ дѣлился на поселянъ католиковъ и православныхъ, то въ немъ были костелы и православныя церкви. Въ комитетѣ по дѣламъ округа засѣдали, въ качествѣ членовъ, старшій священникъ и старшій ксендзъ. Наши священники и ксендзы въ обществѣ держали себя различно. Ксендзы, по воспитанію будучи къ жизни лучше подготовлены, умѣли держать себя такъ, что они предъ нашими духовными отцами пользовались бо̀льшимъ вѣсомъ и уваженіемъ. Мы, Русскіе и православные, видя своихъ священниковъ какъ-то приниженными и теряющимися въ обществѣ католиковъ, невольно огорчались и досадовали на то; но пособить ничѣмъ было нельзя. Является въ обществѣ дамъ и чиновниковъ ксендзъ, онъ немедленно входитъ со всѣми въ свѣтскія радушныя сношенія и часто овладѣваетъ общественнымъ расположеніемъ, какъ будто дома и между своими. Онъ поддержитъ разговоръ, о чемъ его ни начни. Являясь въ общество, священникъ, послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій, не посмѣетъ, какъ ксендзъ, подойти къ обществу, особенно къ дамамъ и дѣвицамъ и начать разговоръ. Нѣтъ. Онъ сперва усядится гдѣ нибудь въ уголкѣ или на краю зала и будетъ только всматриваться и вслушиваться въ разговоръ другихъ. Приглашаютъ къ закускѣ. Онъ идетъ боязненно, какъ бы сознавая, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Но закусивъ молча, какъ его натура требовала, онъ дѣлается и развязнѣе и храбрѣе. Тутъ онъ готовъ со всѣми разглагольствовать, но выходитъ часто что-то угловатое и рѣзкое*). На подобныхъ случаяхъ Поляки основываютъ свои положенія о превосходствѣ ихъ образованія передъ Русскимъ.

Къ сожалѣнію, въ округѣ вообще было такъ мало православныхъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ, по совершенной скудости доходовъ, для совершенія богослуженія постоянно отпускались суммы на просфоры, красное вино, ладанъ, свѣчи и проч.: иначе службу нельзя было совершать. А двѣ церкви, за время военныхъ поселеній, были построены новыя въ видахъ умноженія православныхъ отъ обращенія въ православіе раскольниковъ и католиковъ. Между тѣмъ въ этотъ бѣдный край и въ бѣднѣйшіе приходы епархіальнымъ начальствомъ назначались священники, которые были неспособны къ распространенію православія и чтобы благодѣтельно вліять на окружающую ихъ среду иновѣрцевъ и раскольниковъ, выдержавшихъ напоръ католицизма. Изъ хорошихъ нашихъ священниковъ въ епархіи, имѣвшихъ лучшіе приходы, само-собой, никто не хотѣлъ брать на себя крестъ апостольства, чтобъ пдти по долгу

*) Таково-ли было наше духовенство въ XVII вѣкѣ?

на состязательства о вѣрѣ Поляковъ, раскольниковъ и Евреевъ. Вотъ и пихали кого-нибудь на священническія мѣста въ округъ. Въ неуспѣхѣ православія, выходитъ, было виновато само же наше духовенство, не сумѣвшее, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ослабить развитіе раскола. Ксендзы надъ своими прихожанами имѣли большое вліяніе и даже, нерѣдко, въ ссорахъ прихожанъ были мировыми судьями, прибѣгая иногда и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. И все это было шито-крыто отъ военнаго начальства. Священники православные, напротивъ, не пользовались у своихъ духовныхъ дѣтей изъ поселянъ должнымъ почетомъ. Прихожане, обращенные въ православіе изъ раскольниковъ, по принужденію, при брачныхъ союзахъ избѣгали нашихъ церквей, а во время говѣнья, тотчасъ послѣ принятія св. причастія, отворотясь въ сторону, выплевывали его. Такіе случаи были нерѣдки и вынуждали имѣть особыхъ соглядатаевъ для предупрежденія подобнаго.

Въ такой-то обстановкѣ я очутился въ 1840 году, въ новой должности аудитора удѣльнаго штаба. Дѣлъ по моей части было очень мало и бо́льшею частію неважныхъ: о кражахъ, пожарахъ, скоропостижно умершихъ, бѣжавшихъ и т. п. Но мнѣ приходилось нерѣдко работать за своихъ товарищей, старшаго адъютанта и бухгалтера. Первый былъ Русскій, женатый на Полькѣ. Второй—истый Полякъ, женатый тоже на Полькѣ. Фамиліи ихъ умалчиваю. Оба они были чрезмѣрно ревнивы и щекотливы насчетъ своей чести. Не смотря, однакожъ, на это, по порученію начальника нерѣдко мнѣ приходилось выправлять ихъ бумаги или вновь писать другія вмѣсто ими составленныхъ, несогласныхъ съ дѣлами или неясно выражавшихъ сущность дѣла. Въ такихъ случаяхъ доходило обыкновенно до объясненій со мной и съ начальникомъ, которыя оканчивались впрочемъ пустяками.

За мое усердіе и честность я съ женою и дѣтьми, получая жалованья сперва 450, а потомъ 560 руб. ассигнаціями въ годъ, пользовался постоянно столомъ у подполковника Свержевскаго, жившаго въ штабѣ съ женою и маленькою ихъ дочерью. Онъ и они—двѣ личности, совершенно съ противоположными характерами. Онъ, Полякъ, хотя получилъ только домашнее воспитаніе, но въ Іезуитскомъ духѣ, по наружности чрезвычайно въ обхожденіи мягокъ, вѣжливъ, деликатенъ. Роста средняго, блондинъ, съ рыжими усами, нѣсколько весноватъ, лѣтъ 55-ти. Всегда чисто выбритъ, причесанъ, приглаженъ, къ одеждѣ особенно аккуратенъ и чистоплотенъ. Все на немъ отлично пригнано и сидѣло, портной же Петръ былъ крѣпостной человѣкъ жены, обшивалъ съ ногъ до головы барина, барыню и барышню, ибо былъ обученъ мужскому и женскому портняжеству. Жена его, Анна Ивановна, лѣтъ

за 35-ть, высокая, сухая, сутулова-тая, съ грубыми чертами лица, сѣрѣчью прямою, жесткою, часто неразборчивою въ выраженіяхъ, такъ какъ какъ она тоже дома только училась грамотѣ и не далеко въ ней ушла. Къ нарядамъ имѣла страсть, костюмы, издѣлія Петра, шила и мѣняла часто; но ей и самые наряды мало придавали красоты; поэтому, что̀ новаго ей шили, то чрезъ недолгое время сама распарывала и куски распоротыхъ нарядовъ складывала бережно въ сундуки. Она была скупа и не любила, чтобъ другія дамы имѣли такіе же наряды, какіе она носила. Ревнива была какъ Турокъ. Ея куринаго стада пѣтухъ вздумалъ зайти въ гости къ курамъ адъютанта и тамъ любезничать; за этотъ пѣтушиный грѣхъ собрали всѣхъ людей, чтобъ грѣховодника, отъ своихъ женъ бѣгающаго за другими, примѣрно наказать. И это не выдумка... Для расправы съ людьми и животными у нея постоянно служили три плети: одна для большой лягавой собаки и лошадей, другая для прислуги и третья для невинной, лѣтъ четырехъ, дочери!.. Къ удивленію нашему, она со мной и моимъ семействомъ всегда была хороша и вѣжлива. Но мужъ, дочь, племянница мужа, дѣвица лѣтъ 18-ти, люди, всѣ въ семействѣ страшно боялись барыни.

Однакожъ, обѣды ихъ, на которые мы постоянно были приглашаемы, были скромны, но безукоризненны. Поваръ отлично готовилъ кушанья: блюдъ немного, но все со вкусомъ. Лѣтомъ прогулки въ поле, въ лѣсъ, мы всѣ вмѣстѣ и даже поѣздки верстъ за 20-ть въ коляскѣ и со всѣми удобствами. Садъ въ штабѣ служилъ лѣтомъ для всѣхъ ближайшимъ удовольствіемъ, особенно въ жаркое время. Тысячи деревьевъ съ яблоками, грушами, бѣлыми и черными сливами, черешнями, вишнями, ягодами всѣхъ сортовъ и орѣхами—къ услугамъ штабныхъ чиновниковъ...

Тутъ я отдохнулъ и поправилъ свое здоровье.

Я выставилъ лицевую сторону жизни. Но была у насъ и оборотная, грязная сторона, заставлявшая Свержевскаго держать себя замкнуто. Насъ служащихъ въ Шкельтофѣ и въ округѣ въ Ужвалдѣ было немало чиновниковъ, и всѣ по своимъ эгоистическимъ цѣлямъ дѣлились на партіи и часто ссорились. Ссоры стоили наконецъ инымъ, какъ увидимъ далѣе, самой жизни. Во-первыхъ, у насъ въ штабѣ не было ладу. Старшій адъютантъ Б., самый безтолковый и безпокойный человѣкъ; но жена, хитрая и умная Полька, умѣла поддерживать и удерживать его во всѣхъ случаяхъ, грозившихъ ссорами и вздорами. При этомъ у него было четверо малолѣтнихъ дѣтей и въ Петербургѣ родная сестра за герольдмейстеромъ Сената. Поэтому и генералъ фонъ Фрикенъ ему покровительствовалъ, впослѣдствіи перевелъ его даже къ себѣ въ штабъ, въ г. Старую Русу и, наконецъ, назначилъ его тамъ

командиромъ 9-го округа, гдѣ г. Б. и кончилъ свою жизнь, оставивъ послѣ себя жену, дѣтей и единственную память о томъ, что особенно любилъ свиней разныхъ породъ. Замѣнилъ его въ штабѣ, по моему указанію, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ С. Г. Рудневъ.

Другая, въ шкурѣ хамелеона и съ лисьимъ хвостомъ, личность штаба,бухгалтеръ С., истый Полякъ. По интригамъ своимъ онъ отправился отъ насъ въ Петербургъ искать приключеній. Его перевели на службу въ бывшій Департаментъ Военныхъ Поселеній, гдѣ онъ служилъ, не выдаваясь изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Но потомъ, послѣ графа Клейнмихеля, къ его счастію, жена директора, истая Полька, взяла его подъ свое покровительство. Теперь онъ тайный совѣтникъ и въ звѣздахъ... Поляки, особенно Польки, умѣютъ выручить и поддержать своихъ, во славу и созиданіе ихъ *ойчизны*... За бухгалтера С. я 9-ть мѣсяцевъ исправлялъ, сверхъ своей, его должность. За это я получилъ годовой аудиторскій окладъ въ награду; но жалованья изъ оклада 1200 рублей, какъ слѣдовало бы по закону, графъ Клейнмихель мнѣ не далъ собственно по самоуправству. Бухгалтера С. замѣнилъ другой чиновникъ.

У себя мы устроились и успокоились; но въ Ужвалдѣ чиновники противъ насъ составляли открытую оппозицію.

До Свержевскаго былъ начальникомъ удѣла полковникъ *Тризна*, человѣкъ по своимъ способностямъ и слабостямъ замѣчательный. Онъ, въ 1831 году, во время бунта поселянъ Новгородской губерніи, командуя 5-мъ округомъ, спасалъ этотъ округъ отъ мятежа. Видя, что въ его округѣ поселяне начинали уже волноваться и многіе изъ нихъ даже ему и другимъ офицерамъ, при встрѣчахъ, шапокъ не сымали и должной чести не отдавали, Тризна упросилъ недалеко отъ округа квартировавшаго эскадроннаго командира (не знаю какого гусарскаго полка) дать ему въ распоряженіе расторопнаго вахмистра или унтеръ-офицера со взводомъ гусаръ. Съ этими гусарами онъ по своему округу объѣздилъ, росписавъ квартиры цѣлому гусарскому полку, будто бы имѣющему вступить въ округъ для квартированія и для удержанія въ ономъ порядка. Поселяне, повѣря сему, вдругъ присмирѣли. И хотя мнимые квартирьеры уѣхали на свои квартиры, но поселяне не посмѣли выйти изъ должнаго повиновенія. Поэтому изъ 14-ти округовъ только поселяне 5-го округа не участвовали въ бунтѣ. За это Тризна получилъ должную награду, а поселяне округа, когда послѣ бунта всѣ Новгородскія поселенія были обращены въ округи пахатныхъ солдатъ, освобождены отъ оброка, съ предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготныхъ правъ по от-

быванію рекрутской повинности*). Тризна сдѣлался лично извѣстнымъ Государю Императору и высшему начальству. Его произвели въ полковники и назначили начальникомъ удѣла Витебской и Могилевской губерніи. Но тутъ-то онъ оборвался и упалъ навсегда. Еще въ командованіе 5-мъ округомъ онъ растратилъ казенныхъ денегъ болѣе 5 т. р. и много забралъ денегъ у своихъ подчиненныхъ и у пахатныхъ солдатъ, подъ видомъ займа. Говорили, что всѣ его долги превышали 30 т. рубл. При сдачѣ же округа онъ на пакетахъ, съ старыми газетами, надписалъ извѣстныя суммы и, запечатавъ, сдалъ ихъ какъ бы наличныя деньги. Когда это воровство открылось, сперва старались, въ уваженіе заслугъ Тризны, уладить дѣло, не доводя его до свѣдѣнія высшаго начальства; но потомъ, при значительности всѣхъ его долговъ и неимѣніи у него никакого состоянія, нашли невозможнымъ скрыть растрату суммъ; фонъ Фрикенъ донесъ о семъ графу Клейнмихелю. Тризну отъ должности отрѣшили и уволили въ отставку, назначивъ однакожъ за службу его пенсію, съ обращеніемъ половины оной на пополненіе суммъ 5-го округа. И когда все это раскрылось, такую онъ успѣлъ между бывшими его подчиненными и Жидами пріобрѣсти популярность, что всѣ его жалѣли и долго молчали, что онъ и въ Шкельтофѣ, командуя округами, успѣлъ многимъ задолжать, увѣривъ всѣхъ, что, происходя отъ важной Малороссійской фамиліи, въ Полтавской и другихъ губерніяхъ имѣетъ хутора и доходныя имѣнія. Щедръ былъ необыкновенно, въ особенности въ пользу нижнихъ чиновъ; для чиновниковъ же квартира его была постоятно открыта. Карты, обѣды, закуски и другіе кутежи были у него постоянно. Какъ было не хвалить такого добраго начальника! Ни прежде, ни послѣ его такого не бывало. При томъ же онъ, какъ чортъ, былъ уменъ: съ утра до вечера могъ, не умолкая, острить, разсказывать всевозможные анекдоты, были и небылицы, смотря по обществу, но непремѣнно съ сальною приправою. Съ пріѣзда моего въ Шкельтофъ мнѣ объ немъ столько хорошаго наговорили, что я понять не могъ, какъ, служа у Фрикена въ штабѣ, я ничего о немъ не слыхалъ, кромѣ исторіи о бунтѣ, о долгахъ, мотовствѣ и отставкѣ его за то.

Вотъ этотъ-то бѣсъ, потерявъ всѣ надежды на поправку своей карьеры, держался въ Ужвалдѣ, преимущественно въ квартирѣ командира округа подполковника Королькова, имѣвшаго сильную претензію, послѣ смѣны Тризны, занять мѣсто удѣльнаго начальника. Претензію

*) Впослѣдствіи фактъ удержанія поселянъ отъ бунта разъяснился, и потому, когда округъ поступилъ въ удѣльное вѣдомство, поселянъ обложили оброкомъ наравнѣ съ другими крестьянами онаго.

свою Корольковъ, главное, основывалъ на родствѣ съ извѣстнѣйшими генералами Иваномъ и Николаемъ Сухозанетами, такъ какъ онъ былъ женатъ на родной ихъ сестрѣ Катеринѣ Онуфріевнѣ, имѣвшей отъ братьевъ сихъ въ своемъ владѣніи небольшое, но хорошо устроенное имѣніе въ Динабургскомъ, кажется, уѣздѣ *).

Отъ сего брака у Корольковыхъ дѣтей не было. Жена Королькова, по братьямъ своимъ, держала себя съ достоинствомъ и съ госпожею Свержевскою не хотѣла имѣть близкаго знакомства. А та также, сознавая свое достоинство по мужу, какъ начальнику Королькова, не хотѣла себя ронять. Итакъ обѣ, не ссорясь, во взаимныхъ сношеніяхъ держали себя прилично. По наружнымъ и внутреннимъ достоинствамъ Катерина Онуфріевна всѣми была болѣе уважаема, и совершенно справедливо. Въ дѣла мужа по службѣ она не вмѣшивалась.

Въ домашнемъ быту Корольковъ, будучи занятъ собою, болѣе сибаритствовалъ нежели служилъ. Въ праздники, въ дни имянинъ его и жены и по другимъ случаямъ, ради даже пріятнаго препровожденія времени, закуски, обѣды и пикники дѣлались на славу и со вкусомъ. Послѣднее качество, т. е. чтобъ было все со вкусомъ и хорошо, относилось къ умѣнью хозяйки. Такихъ пировъ и веселья въ глуши провинціи рѣдко приходится и видѣть. Сервировка стола, кушанья, вина и т. п. все одно съ другимъ гармонировало. При томъ же у Королькова былъ сформированъ изъ писарей и солдатъ свой хоръ музыкантовъ настолько хорошій, что выполнялъ всѣ танцы и пьесы, торжеству приличные. Такими средствами Корольковъ поддерживалъ въ пользу свою симпатіи подчиненныхъ. Итакъ два лагеря, въ Шкельтгофѣ и Ужвалдѣ, жили и время проводили различно; у насъ шло все тихо, скромно, осторожно, какъ будто каждый нашъ шагъ слѣдили и записывали въ книгу живота; въ Ужвалдѣ жили весело, на распашку, знать насъ не хотѣли и, какъ говорится, *и въ усъ не дули.*

Между сихъ двухъ противныхъ лагерей сторожилъ зорко демонъ нашъ Тризна. Онъ оборвался до того, что нуждался въ насущныхъ потребностяхъ жизни. Съ законною женою онъ давно разошелся. Та жила, бросивъ мужа, въ Россіи и съ нимъ не имѣла даже никакихъ сношеній. Онъ изъ 5 округа привезъ съ собою бывшую тамъ несчастную женщину, акушерку, съ которою жилъ, имѣя отъ нея 5 или 6-ть

*) Отецъ Сухозанетовъ, котораго я засталъ въ 1840 году въ живыхъ, былъ титулярный совѣтникъ и служилъ при извѣстномъ проповѣдникѣ архіепископѣ Бѣлорусскомъ Георгіи Конисскомъ (род. 1717, ум. 1795 г.). Онъ-то оставилъ своимъ сыновьямъ то имѣніе, которымъ владѣла сестра ихъ, съ согласія братьевъ. Братья навѣщали сестру свою Катерину въ Ужвалдѣ, въ влостерѣ, построенномъ Іезуитами.

человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Для такой семьи онъ нанималъ въ хуторѣ какого-то Польскаго помѣщика квартиру, а самъ болѣе проживалъ у Королькова, пользуясь хорошимъ столомъ и кое-какими пособіями. Все, что̀ отъ насъ шло къ Королькову по службѣ, Тризна сильно критиковалъ и настроилъ сибарита до того, что тотъ только и бредилъ какъ бы, спихнувъ Свержевскаго, занять его мѣсто. Для порядка службы это было крайне вредно; но устранить или вразумить Королькова не было возможности, по его сильной протекціи и потому, что онъ находился подъ вліяніемъ Тризны. Мы терпѣли въ ожиданіи лучшаго *).

XII.

Измѣна дружбы. Домашнія дрязги. Болѣзнь и смерть Свержевскаго. Ненависть жены. Встрѣча новаго начальника. Какъ люди измѣняются. Новые порядки. Соперничества. Пипетинскія штуки. Безпорядки по службѣ. Неправдою нажитое прахомъ уходитъ.

А всего лучшаго несчастный Свержевскій ожидалъ изъ Старой Русы отъ генерала фонъ Фрикена и *отъ искреннѣйшаго друга своего*, личнаго адъютанта этого начальника, гвардіи капитана Д. Х. Кена. О дружба, какъ ты часто бываешь измѣнчива! Баснописецъ нашъ И. А. Крыловъ совершенно вѣрно тебя изобразилъ въ прекрасной баснѣ своей: *Полканъ и Барбосъ*. Друзья обнимались, цѣловались и клялись въ вѣчной дружбѣ; но вдругъ, на бѣду, поваръ бросилъ кость!.. И дружба и клятвы пошли къ чорту. Такъ другъ задушевный Свержевскаго капитанъ Кенъ поступилъ съ нимъ не лучше собакъ, грызшихся изъ-за кости... Свержевскій съ полною довѣренностію писалъ Кену о своихъ непріятностяхъ съ Корольковымъ, увѣренный, что другъ поддержитъ его въ глазахъ начальства. Все, казалось, шло хорошо. Но однажды мы пришли къ обѣду. Свержевскій, видимъ, сильно мраченъ и молчитъ. Что̀ съ вами, Антонъ Станиславичъ? Вы, видно, нездоровы? Молчаніе. Послѣ уже обѣда онъ показалъ мнѣ письмо друга своего Кена. Читаю: «Милостивый государь Антонъ Станиславичъ! Что̀ вы тамъ все хлопочете съ Корольковымъ: подумайте, стоитъ ли? Вы, служа болѣе 35-ти лѣтъ, были въ походахъ и сраженіяхъ и уже давно пріобрѣли право на полную пенсію. Подавайте лучше въ отставку. Вы тѣмъ мнѣ очистите вакансію. Я на очереди къ производству въ полковники, и генералъ только ждетъ, чтобъ меня назначить на ваше мѣсто, такъ какъ другого мѣста для меня теперь нѣтъ въ виду. Итакъ съ Богомъ, проситесь

*) Генералъ фонъ Фрикенъ, узнавъ объ интригахъ Тризны, формально ему предписалъ, по сдачѣ округовъ, выѣхать изъ оныхъ немедленно (Дѣло шт. пах. солд. Вит. и Мог. губ., 1-го стола 1839 г. № 47).

въ отставку; у вашей же супруги есть имѣніе въ Гдовскомъ уѣздѣ. Вы обезпечены. Въ ожиданіи благопріятныхъ вашихъ дѣйствій, имѣю честь быть» и проч.

Когда я, возвративъ письмо, отъ удивленія не зналъ что̀ сказать. бѣдный Свержевскій самъ закончилъ разговоръ: Вотъ каковы нынѣ друзья! Я ожидалъ производства, по занимаемому мною мѣсту, въ полковники съ утвержденіемъ въ должности; вмѣсто того другъ мой надѣваетъ на меня колпакъ и говоритъ: убирайся и предоставь лучше мнѣ мѣсто!.. Ахъ друзья, друзья!..

Я назвалъ Свержевскаго несчастнымъ не по одному сейчасъ описанному мной случаю. Нѣтъ! У него злоба дня, къ усугубленію его горькой судьбы, случилась въ семействѣ. Жена его Анна Ивановна, какъ я сказалъ выше, была очень ревнива и недобра. На бѣду она изъ деревни вызвала въ Шкельтгофъ свою молодую дѣвку, обученную въ Петербургѣ какому-то мастерству. Дѣвка мужу приглянулась, и онъ вздумалъ съ ней покуртизанить или пошутить.

Пришли мы, по обычаю, къ обѣду. Хозяйка, замѣчаемъ, не въ духѣ. Губы у нея посинѣли, ноздри сильно раздуваются отъ напряженнаго дыханія. Вся она какъ будто въ лихорадкѣ. Для насъ это былъ первый случай такого раздраженія, прежде отъ насъ все замаскировывалось. Мы видѣли болѣе лицевую сторону домашней жизни; оборотная скрывалась, и даже слуги такъ были наметаны, что не измѣняли своимъ господамъ. Что̀ теперь случилось, не знаемъ. Сама, однакожъ, хозяйка себѣ измѣнила, не выдержала... наливъ тарелку супу и подавая ее мужу, вдругъ разразилась: «На Полякъ, подлецъ, мерзавецъ».

Видя ихъ всегда деликатное обхожденіе съ нами и между собою, я и жена моя не вѣрили своимъ глазамъ и уніамъ. Послѣ уже намъ объяснилась вышеописанная причина.

Отъ такихъ переполоховъ мой начальникъ, скрытный, мягкій и деликатный, по крайней мѣрѣ по наружности, вдругъ сталъ жаловаться на сильную боль въ груди. Два окружные доктора нашли, что у него сильный аневризмъ. Видя его постоянно щеголемъ и, по наружности, здоровымъ, я не вѣрилъ докторамъ.

Между тѣмъ событія пошли быстро. Кена точно произвели въ полковники и назначили на мѣсто Свержевскаго, а этого несчастнаго уволили въ отставку. Свержевскіе, по случаю сильно развившейся его болѣзни, переѣхали на жительство въ Креславку. Тамъ онъ вскорѣ умеръ отъ аневризма. Разсказывали очевидцы, что онъ, мучась передъ смертію, страшно кричалъ; кричалъ такъ, что чрезъ нѣсколько домовъ было слышно. Между тѣмъ жена, видя его страданія, ругала его въ глаза: мерзавецъ, Полякъ и умереть-то не хочешь покойно! Потомъ, забравъ

шкатулку и цѣнныя вещи, ушла съ дочерью въ другую квартиру. Несчастный испустилъ духъ, будучи оставленъ всѣми. Ни супружеская, ни дружеская, ни дѣтская любовь не закрыли бѣдному глазъ.

Мѣстечко Креславка въ 20-ти верстахъ отъ Шкельтгофа. Мнѣ дали знать о смерти. Я поспѣшилъ туда. Оставшаяся съ дочерью жена поручила мнѣ сдѣлать всѣ распоряженія о преданіи землѣ тѣла покойнаго. Похоронили его на кладбищѣ въ Креславкѣ. По угламъ могилы я посадилъ четыре дерева, которыя приросли, ибо дѣло было весной, въ исходѣ Марта. Жена и дочь не видали ни похоронъ, ни могилы усопшаго. На похороны были собраны волостные головы, сотскіе, и собрались всѣ мы, бывшіе подчиненные изъ Шкельтгофа и Ужвалды, отдали послѣдній долгъ покойному. Жены никто не видалъ. Никому ни закуски, ни стола сдѣлано не было. Пріѣхавши кто за 20 и болѣе верстъ, всѣ проголодались. Сжалившись надъ нами, купецъ Фирсовъ накормилъ насъ обѣдомъ. Жена же едва дала мнѣ денегъ на то, чтобъ со всѣми, какъ должно, расплатиться.

Но за то, можно сказать, хоть и за глаза, всѣ ей бока промыли и осудили жестокость ея сердца, не смягчившагося даже смертію мужа, и скупость непростительную при похоронахъ, какъ послѣднемъ долгѣ. Между тѣмъ мнѣ и всѣмъ было извѣстно, что послѣ покойнаго остались хорошія средства, позволявшія безобидно для себя сдѣлать все прилично. Признаюсь и мы, послѣ ихъ хлѣба и соли, разлюбили нашу куму (такъ какъ она крестила у насъ одну дочь). Чтобъ закончить съ этой Русской барыней, надо сказать, что она немедленно уѣхала въ свое имѣніе; но и тамъ такъ жестоко поступала съ крестьянами, что имѣніе ея было взято въ опеку, и она совершенно была устранена отъ управленія онымъ.

Ни одинъ въ моей жизни случай не поразилъ меня такъ своею печаянностью, какъ исторія страданій и смерти Свержевскаго. Я долго потомъ не могъ вѣрить, чтобъ все это такъ быстро, такъ скверно и такъ воочію совершилось. Страданія и смерть его наконецъ помирили его со всѣми Ужвалдскими врагами.

Другой случай также сильно поразилъ меня въ лицѣ новаго моего начальника полковника Кена. Съ нимъ я былъ знакомъ еще во время служенія моего въ штабѣ фонъ Фрикена, у котораго Кенъ былъ личнымъ адъютантомъ. По заведенному въ Старой Русѣ порядку иногда у генерала фонъ Фрикена были вечера, на которые приглашались всѣ штабные чиновники. На нихъ запросто проводилось время довольно пріятно. У адъютантовъ же старшихъ и личныхъ генеральскихъ, въ назначенные дни недѣли, собирались кружки изъ своихъ служащихъ, въ числѣ коихъ бывалъ изрѣдка и самъ начальникъ. Время проходило боль-

шею частію за карточною игрою въ вистъ, въ которой впрочемъ генералъ не принималъ участія; онъ, богатый необыкновенною памятью, занималъ всѣхъ своими разсказами, всегда очень интересными изъ его частной жизни. Во время такихъ вечеровъ, въ осеннее и зимнее время, часто приходилось мнѣ бывать и у Кена. Я видѣлъ въ немъ самаго аккуратнаго и любезнаго хозяина, хотя онъ былъ еще неженатъ, и вмѣстѣ игрока въ карты. За картами онъ совершенно предавался игрѣ, не смотря на все его окружающее. У него послѣ игры всегда бывали хорошія закуски, свои отличныя наливки и ягодныя шипучія воды. Итакъ на дому и въ штабѣ я съ Кеномъ былъ, казалось, въ хорошихъ отношеніяхъ.

Когда онъ пріѣхалъ на мѣсто Свержевскаго въ штабъ Витебской и Могилевской губерній, въ Шкельтгофъ, мнѣ случайно пришлось одному его встрѣтить, какъ новаго начальника, и поздравить его съ новымъ назначеніемъ и съ пріѣздомъ. Я по долгу службы встрѣтилъ его какъ должно, въ парадной формѣ, ожидая съ его стороны пріятной встрѣчи. Увы! я увидѣлъ предъ собою строгаго, угрюмаго и гордаго начальника, такъ что я себѣ не вѣрилъ, того ли я вижу милаго Кена, котораго частенько видѣлъ въ Старой Русѣ въ домашней жизни и въ служебныхъ отношеніяхъ. Такъ, съ повышеніемъ и съ пріобрѣтеніемъ богатства, иногда измѣняется человѣкъ. Чаще такую рѣзкую перемѣну въ людяхъ можно встрѣчать въ провинціи. Правду говорятъ, что золото познается чрезъ оселокъ, а человѣкъ чрезъ знатность и богатство. На другой день пріѣзда Кена къ нему являлись всѣ чины его и Ужвалдскаго штабовъ, и всѣ замѣтили, что онъ долженъ быть очень строгъ и непривѣтливъ. Такъ и было. Но назначеніе Кена удѣльнымъ начальникомъ никого такъ не разочаровало, какъ подполковника Королькова, командира Витебскаго округа, вышедшаго изъ саперъ, считавшаго себя и болѣе практичнымъ и болѣе достойнымъ нежели Кенъ. Въ такомъ убѣжденіи сильно завѣряли Королькова праздношатавшійся полковникъ Тризна, тершійся около Корольковыхъ, и подчиненные Королькова. Отсюда вскорѣ возникли разныя препирательства и неудовольствія, вредившія службѣ. Кенъ, однакожъ, твердою ногою сталъ на своемъ постѣ, опираясь на покровительство фонъ Фрикена, и шелъ на проломъ. Чѣмъ борьба ихъ кончилась, я объясню далѣе, а теперь скажу о своей участи.

Я жилъ съ женою и 4-мя малолѣтними дочерьми, изъ коихъ старшей было около 7-ми лѣтъ. Жалованье получалъ я менѣе 200 рублей въ годъ, при казенной квартирѣ и деньщикѣ. Въ этомъ состояли всѣ мои съ семействомъ средства содержанія. Въ глуши другихъ средствъ къ обезпеченной жизни никакихъ, кромѣ огородовъ, бывшихъ въ саду и

около квартиры. Отъ огородовъ имѣлись свои овощи и особенно въ хозяйствѣ большое подспорье, картофель. Итакъ этими скудными средствами мнѣ съ семействомъ приходилось довольствоваться; а къ воспитанію дѣтей не было никакихъ способовъ, тогда какъ это меня съ женою болѣе всего озабочивало. За недостаткомъ учителей и училищъ я старшую дочь Александру, а послѣ и другихъ дочерей, научилъ по-русски читать, писать, Закону Божію по Катихизису Филарета, частію Ариѳметикѣ, Исторіи священной и политической, Географіи и проч. По должности дѣлъ было очень мало, поэтому свободное время я посвящалъ занятію съ дѣтьми. Впослѣдствіи всѣ четыре дочери получили хорошее образованіе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, какъ будетъ объяснено ниже.

Къ числу чиновъ нашего штаба принадлежали старшій адъютантъ Ерманингельдъ Григорьевичъ Рудневъ (родной братъ того вице-адмирала, который нынѣ, въ 1878 году, служитъ въ Черноморскомъ флотѣ). Я отмѣчаю этого человѣка съ особеннымъ удовольствіемъ. Это идеалъ честности, благородства и безкорыстія, чуждый всякихъ интригъ. На немъ только останавливаются мои тогдашнія лучшія воспоминанія. Онъ и еще бухгалтеръ, безобразный по образу жизни, вотъ всѣ чиновники штаба. Затѣмъ писаря и сторожа. Содержаніе адъютанта и бухгалтера было весьма достаточное. Оба холостые.

Въ этой средѣ Кенъ распоряжался какъ Турецкій паша. Въ Шкельтгофѣ, расположенномъ на открытой со всѣхъ сторонъ горѣ, лѣтомъ для насъ было единственное убѣжище—садъ, съ фруктовыми деревьями, кустами и рощицею. Кенъ забралъ этотъ садъ себѣ, оградивъ его такъ, что никто въ него изъ постороннихъ и нашихъ штабныхъ ходить не могъ. Ягоды и фрукты лѣтомъ отдавалъ въ аренду изъ частныхъ своихъ выгодъ. Огороды адъютанта, бухгалтера, мои и писарей забралъ всѣ себѣ. Кромѣ того огороды около штаба наши и служителей также отнялъ. Вмѣсто овощей, на отобранныхъ огородахъ Кенъ посѣялъ разные хлѣба въ свою же пользу. Вмѣсто отобранныхъ, черноземныхъ, удобренныхъ огородовъ, онъ отвелъ писарямъ и сторожамъ торфяное, поросшее кустарникомъ болото, а мнѣ далъ поляну, которую послѣ моей разработки и годового урожая картофеля тоже отобралъ и посѣялъ для себя овесъ. Рудневъ и я особенно страдали за писарей и сторожей, кои при скудномъ казенномъ содержаніи отъ огородовъ только и получали подспорье въ своемъ продовольствіи. До чего жадность и корысть у Кепа доходили, можно судить еще и потому, что онъ отобралъ у писарей конскій навозъ, который въ сараѣ накоплялся въ теченіе года отъ дежурныхъ подводъ, наряжавшихся для возки почтъ и чиновъ по службѣ и которымъ писаря и сторожа постоянно пользовались для удобренія своихъ огородовъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что штабъ нашъ нахо-

дился въ глуши, въ 40 верстахъ отъ Динабурга, и что бѣдные писаря и сторожа другихъ источниковъ къ улучшенію своего содержанія не имѣли. Честный Рудневъ и я хоть и хлопотали за своихъ подчиненныхъ, но наши голоса остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такъ Кенъ поворотилъ и повелъ свои дѣла во всемъ управленіи.

По Русской пословицѣ: «*Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь*» я долженъ не скрывать того, что еще прежде отобранія нашихъ огородовъ, и особенно послѣ того, по особому благоволенію ко мнѣ и къ адъютанту Рудневу, мы у Кена постоянно имѣли обѣдъ, всегда отлично приготовленный поваромъ, перешедшимъ къ нему отъ Свержевскаго (Бухгалтеръ, по безобразной жизни, этою милостію не пользовался). Кромѣ того я съ Рудневымъ могли изъ запасовъ Кена, чрезъ его прислугу, требовать себѣ капусту, картофель и другіе овощи для кухни. Но намъ не приходилось этимъ пользоваться, потому что скоро всѣ разъѣхались въ разныя стороны, какъ читатель увидитъ ниже. Положеніе наше, т.-е. подчиненныхъ Кена, указывало ясно, что добра отъ него нельзя ожидать. Итакъ мы, вооружась терпѣніемъ и правотою нашей службы, ожидали лучшихъ дней только внѣ Шкельтгофа. Между тѣмъ своекорыстныя страсти кипѣли и вредили пользѣ службы. Изъ многихъ приведу примѣры произвола и вредныхъ дѣйствій со стороны Кена и подполковника Королькова.

Разъ, Кенъ поѣхалъ со мной въ Ужвалду къ Королькову, по дѣламъ службы. При входѣ въ кабинетъ Королькова, послѣдній насъ встрѣтилъ холодно. Мы усѣлись. Кенъ тотчасъ увидѣлъ, что у Королькова подъ столомъ валяются его предписанія окружному комитету и лично Королькову данныя, иныя и съ надписью: «*весьма нужное*». Евстафій Михайловичъ! Что̀ это значитъ? Вѣдь это предписанія и такія-то (говоритъ содержаніе) весьма нужныя, по коимъ необходимы скорыя донесенія генералу Фрикену!.. Корольковъ, ворочая ногою подъ столомъ бумаги и конверты, гугнявымъ, спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: Все это дрянь, не стоитъ и смотрѣть!...

Я вскипѣлъ отъ досады, что съ такимъ явнымъ ослушаніемъ подчиненное лицо относится къ своему начальнику и такъ дерзко показываетъ ему свое пренебреженія. Но Кенъ, напротивъ, выслушавъ такой грубый и дерзкій отвѣтъ своего подчиненнаго, отправился со мной въ окружный комитетъ и тамъ на производителѣ дѣлъ, аудиторѣ, выместилъ свою досаду, угрожая ему всѣми карами закона за ослушаніе, неисполненіе предписаній начальства, лѣность и нерадѣніе къ службѣ. Это по пословицѣ: «Кошку бьютъ, а невѣсткѣ замѣтки даютъ». Аудиторъ же былъ женатъ на родной сестрѣ Королькова и въ дѣлахъ округа имѣлъ большое вліяніе. Итакъ, нагоняй аудитору былъ сдѣланъ не напрасно.

Независимо, однакожъ, отъ сего Кенъ о такомъ поступкѣ Королькова только частнымъ письмомъ донесъ Фрикену. Но въ виду покровительства гг. Сухозанетовъ особенно Ивана Онуфріевича, бывшаго на высотѣ своего величія, поступокъ Королькова остался безъ должнаго взысканія, къ соблазну подчиненныхъ Королькова.

Если память мнѣ не измѣнила, кажется, къ тому же времени возникло и дѣло, содѣйствовавшее къ болѣе снисходительнымъ отношеніямъ враждующихъ сторонъ. Это дѣло, какъ пальма мира, хоть и наружнаго, вотъ въ чемъ состояло.

Поляки-помѣщики, Яновскій и Бутвиловскій, по подряду взяли на себя постройку какого-то шоссе. Они обратились къ окружному командиру Королькову о наймѣ 3000 пахатныхъ солдатъ каменщиковъ и землекоповъ. Плата симъ рабочимъ предлагалась: каменщикамъ, смотря по сооруженіямъ, а землекопамъ съ кубика земли. Кромѣ того было сдѣлано съ подрядчиками *весьма секретное* условіе: въ награду за хлопоты, уплатить начальству за каждаго поставленнаго работника по 5 рублей, что̀ за всѣхъ составляло 15000 руб. вознагражденія, или взятку. А какъ окружный командиръ Корольковъ такого интереснаго дѣла самъ разрѣшить не могъ, то онъ съ помощникомъ своимъ, капитаномъ Григорьевымъ (тоже изъ саперовъ), тонкимъ и весьма ловкимъ и оборотливымъ спеціалистомъ по строительной части, обратился къ своему начальнику Кену. Въ тему переговоровъ входила законная сторона. На округѣ считались большая недоимка оброка, для взысканія которой представляется случай выгоднаго для поселянъ заработка. По предварительному расчету каждый поселянинъ, въ лѣто, могъ заработать столько, что за уплатою недоимки, еще семейству его могли остаться значительныя заработныя деньги. Кенъ, имѣвшій несомнѣнныя административныя способности, обратилъ все свое вниманіе на такой выгодный для округа подрядъ. Начались частые разъѣзды и весьма секретные переговоры обѣихъ сторонъ о наймѣ 3000 рабочихъ. Но какъ и Кенъ не посмѣлъ взять на себя рѣшеніе этого дѣла, то оно было представлено фонъ Фрикену на утвержденіе съ представленіемъ условій, заключенныхъ съ Бутвиловскимъ и Яновскимъ съ одной стороны и окружнымъ комитетомъ съ другой. По выгодности представленныхъ условій договора (кромѣ, разумѣется, секретной статьи, не вошедшей въ формальный договоръ) разрѣшеніе не замедлило послѣдовать. Поэтому тотчасъ послѣдовалъ и нарядъ на работу пахатныхъ солдатъ, преимущественно такихъ, на коихъ числилась недоимка оброка и охотно пожелавшихъ идти на работу, каменщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. А какъ между 3000 рабочихъ, въ дорогѣ и на мѣстѣ работъ, могли быть разные безпорядки: то въ предупрежденіе таковыхъ наряженъ былъ для при-

смотра инвалидный офицеръ; для спеціальнаго же присмотра и учета рабочихъ былъ командированъ капитанъ Григорьевъ, который разыгралъ свою роль лучше другихъ съ нимъ хитрившихъ господъ. Въ теченіе лѣта онъ велъ расчеты (недоступные для поселянъ) о вынутыхъ и перевезенныхъ ими кубикахъ, о насыпяхъ земляныхъ и т. п. Съ окончаніемъ осенью работъ онъ же дѣлалъ расчеты за все лѣто, о выработанныхъ каждымъ поселяниномъ деньгахъ. Какъ эти расчеты на мѣстѣ производились, мнѣ неизвѣстно; да едва ли кто и изъ начальства имѣлъ объ нихъ вѣрныя свѣдѣнія. Вѣрно, впослѣдствіи, по дѣлу сему оказалось, что каменщики, кузнецы и другіе мастеровые выработали въ лѣто и принесли домой по 80—100 рублей, а землекопы большею частію явились домой съ пустыми заработками. Въ общемъ однакоже округъ значительную часть уплатилъ казенныхъ недоимокъ изъ заработковъ поселянъ.

Но выигралъ болѣе всѣхъ Григорьевъ. Онъ возвратился съ работъ съ шикомъ: въ новой хорошей коляскѣ и на тройкѣ отличныхъ лошадей, пріобрѣтенныхъ изъ заработковъ бѣдныхъ поселянъ, и сверхъ того съ хорошимъ кушемъ денегъ, полученныхъ имъ въ силу условій *секретной статьи*. А сумма сихъ денегъ, какъ утверждали, полученныхъ имъ, составляла 15000 руб. Кушъ хорошій, и Григорьевъ, захвативъ всю эту сумму, не подумалъ дѣлиться ею ни съ Корольковымъ, ни съ Кеномъ, оставивъ смѣло и нагло ихъ обоихъ въ дуракахъ. Вскорѣ, по возвращеніи своемъ, герой нашъ, по натурѣ вовсе не романическій, сдѣлалъ вечеръ для сослуживцевъ и знакомыхъ и за картами проигралъ 3000 р., по получаемому имъ содержанію превышавшіе трехгодовой окладъ онаго. Всѣ громко объ этомъ говорили, но Григорьевъ и въ усъ себѣ не дулъ.

Не знаю навѣрное, насколько Кенъ зналъ о секретной статьѣ договора; но только всѣ ясно увидѣли, что онъ, по возвращеніи Григорьева съ работъ, перемѣнилъ свои къ послѣднему отношенія изъ мягкихъ въ открытыя и строгія начальничьи заявленія. Но Григорьевъ только смѣялся, говоря: «Нашли во мнѣ дурака? Я *ихъ* скорѣе одурачилъ!» Подъ словомъ ихъ онъ разумѣлъ Кена и Королькова, который по дѣламъ своимъ, какъ ниже увидимъ, не смѣлъ или не хотѣлъ, до времени, поднимать войну. Время однакоже вскорѣ помогло и Кену, и Королькову. Новая исторія съ Григорьевымъ замѣчательна по смѣлости и низости со стороны его поступковъ.

Въ окружномъ комитетѣ Витебскаго округа всѣ казенныя суммы денегъ, оброчныя, до отправленія ихъ въ штабъ фонъ Фрикена, заемнаго и вспомогательнаго капиталовъ, церковныя, образныя и другихъ источниковъ, хранились въ канцеляріи въ общемъ сундукѣ за общими

печатями командира округа и членовъ комитета. Деньги вкладывались въ сундукъ и вынимались изъ онаго только въ дни засѣданій всѣхъ членовъ комитета. Мѣсячная повѣрка всѣхъ капиталовъ производилась также въ ихъ присутствіи. Вотъ при этой-то повѣркѣ являлись, къ удивленію всѣхъ членовъ, Пинетинскія штуки. Всякій разъ при послѣдующей повѣркѣ оказывался въ деньгахъ недостатокъ въ круглыхъ суммахъ, напримѣръ 50, 100, 150 рублей. Безкорыстный и честнѣйшій человѣкъ, Рудневъ (до перевода его, по моей рекомендаціи, въ удѣльный штабъ-адъютантомъ), служа въ Ужвалдѣ, въ качествѣ окружнаго адъютанта и казначея, много разъ приплачивался за такія пропажи денегъ. Уже при Кенѣ разъ не явилось въ сундукѣ казенныхъ денегъ 300 рублей, если не болѣе (цифры точной не припомню, хотя переписка о сей пропажѣ шла чрезъ мои руки). Всѣ члены комитета были поражены такою кражею, но никого въ ней не заподозрѣли и денегъ неоказавшихся на лицо вносить изъ своего содержанія не хотѣли, считая каждый себя неповиннымъ въ похищеніи ихъ. Дѣло о семъ доходило до генерала Фрикена и, по рѣшенію его, деньги предписано взыскать со всѣхъ членовъ комитета, по мѣрѣ получаемаго каждымъ жалованья. Я и предписаніе о семъ писалъ, на основаніи составленнаго мной мнѣнія, утвержденнаго Фрикеномъ. Это сильно огорчило всѣхъ членовъ, потому что они считали себя правыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставило ихъ построже наблюдать за своими товарищами, хоть и всѣ считали себя равно благородными и честнѣйшими людьми. «*Бей*, говорятъ, *не дубьемъ, а рублемъ: дѣло скорый поправится*». Такъ вскорѣ и случилось.

Чрезъ нѣкоторое время, когда, по возвращеніи уже съ работъ, Григорьевъ захватилъ въ свои руки всю жирную взятку за поставку рабочихъ и былъ на невыгодномъ счету у Кена и Королькова, производилась въ окружномъ комитетѣ мѣсячная повѣрка денныхъ суммъ, онъ, Григорьевъ сдѣлалъ Пинетинскую штуку, но такъ неудачно, что члены замѣтили, какъ онъ, считая кредитные билеты, одинъ изъ нихъ, пятидесятирублевый, проворно пихнулъ себѣ въ рукавъ. Вора схватили и тутъ же вынули у него изъ рукава похищенный билетъ!... Говорили, при началѣ тревоги, что онъ такъ ловко успѣлъ спрятать билетъ въ глубь рукава, что съ трудомъ его отыскали. И такія штуки дѣлалъ помощникъ окружнаго командира, капитанъ, воспитывавшійся въ Инженерномъ училищѣ, изъ коего былъ выпущенъ офицеромъ въ саперы, женатый человѣкъ, хоть и бездѣтный, но пріобрѣтавшій отъ работъ большія средства къ жизни (ибо кромѣ исторіи о захватѣ имъ 15000 рублей, онъ вообще въ округѣ составлялъ всѣ смѣты и производилъ постройки)! Но жадность, какъ видно, увлекла человѣка до послѣдней степени низости!.. Послѣ неудачной кражи 50 рублей, ему объявлено наединѣ, чтобъ убирался въ

отставку или уходилъ изъ округа, куда знаетъ; поступокъ же его не былъ формально оглашенъ изъ уваженія къ благородному его положенію и, главное, даже секретно не былъ оный доведенъ до свѣдѣнія генерала Фрикена, хотя ясно было, что и прежняя пропажа изъ казеннаго сундука денегъ имъ однимъ производилась. Эта ошибка, т. е. оставленіе въ безгласности поступка Григорьева, стеченіемъ обстоятельствъ, къ удивленію всѣхъ, улучшила только его карьеру.... Право, покачавъ головою, съ прискорбіемъ скажешь: чего въ мірѣ не бываетъ?... Но чтобъ покончить съ симъ героемъ, скажу вкратцѣ о его успѣхахъ и паденіи. Вслѣдствіе предложенія, чтобъ убирался изъ округа, онъ взявъ кратковременный отпускъ для пріисканія себѣ мѣста, отправился въ Старую Русу, гдѣ жилъ его тесть и явился, по долгу службы, къ генералу фонъ Фрикену. У Фрикена въ штабѣ открылась вакансія старшаго адъютанта 1-го строеваго стола, и онъ пригласилъ на эту вакансію Григорьева. По пословицѣ *нашъ Филатъ тому и радъ,* Григорьевъ этимъ дѣломъ въ штабѣ поторопилъ такъ удачно, что мы и не знали, какъ его утвердили приказомъ старшимъ адъютантомъ. Кажется, еще и срокъ его отпуска не минулъ, какъ онъ явился въ Ужвалду въ эксельбантахъ, въ формѣ адъютанта, чтобы взять свою жену и багажъ и ѣхать въ Старую Русу на жительство!... Въ Русѣ, при Фрикенѣ и потомъ при генералѣ Пилларъ-фонъ-Пильхау, заступившемъ мѣсто Фрикена, Григорьевъ дослужился до чина подполковника и, помнится, имѣлъ какой-то на шеѣ орденъ. Когда же генералъ Пильхау сдѣланъ былъ директоромъ Департамента военныхъ поселеній, онъ перешелъ съ нимъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій. Пилларъ ему довѣрялъ, считая его дѣльнымъ человѣкомъ. Когда, въ 1853 году, возникъ вопросъ объ упраздненій дорого стоившихъ по содержанію казнѣ Ильменской флотиліи и заводовъ, лѣсопильныхъ и мукомольныхъ, кирпичныхъ, кафельныхъ и известковыхъ (учрежденныхъ за время военныхъ поселеній при графѣ Аракчеевѣ), Григорьевъ былъ посланъ для приведенія въ положительную извѣстность: въ какомъ состояніи находятся флотилія и всѣ заводы, во что обходится казнѣ содержаніе сихъ заведеній и какую они приносятъ выгоду казнѣ? По изслѣдованію Григорьева оказалось, что всѣ эти заведенія приносили мало пользы, но дорого стоило казнѣ ихъ содержаніе. Поэтому, согласно съ проектомъ Григорьева, какъ онъ передавалъ мнѣ лично, флотилія вовсе упразднена, а заводы рѣшено отдать въ аренду въ частныя руки, по контрактамъ. Григорьевъ при этомъ ясно разсчиталъ, какія огромныя выгоды могутъ дать заводы при хорошемъ управленіи и даже мнѣ лично объяснялъ ихъ. Въ этомъ вниманіи онъ рѣшился, чрезъ двухъ подставныхъ компаніоновъ, взять заводы въ свою аренду съ тѣмъ, чтобъ начальство его не знало о такой продѣлкѣ. По

такому плану онъ успѣлъ въ Департаментѣ обработать дѣльцо такъ, что заводы перешли къ нему въ арендное содержаніе. Онъ сталъ уже отправлять въ Петербургъ водою, доски, кирпичъ, известь, и дѣла пошли хорошо. Вдругъ Пилларъ узнаётъ, какъ Григорьевъ его обошелъ и подъ его начальствомъ, какъ ближайшій и довѣренный чиновникъ, вошелъ, чрезъ подставныхъ лицъ, въ недозволенные подряды и торги, съ нарушеніемъ порядка службы, и по сему немедленно даетъ Григорьеву предписаніе, чтобъ подалъ въ отставку. Григорьевъ такъ и сдѣлалъ, надѣясь и въ отставкѣ жить недурно; но на дѣлѣ вышло не то. Одинъ изъ компаніоновъ надулъ его такъ, что онъ понесъ тысячъ на шестнадцать убытку. По необходимости онъ отказался отъ нѣкоторыхъ заводовъ, оставшись арендаторомъ только главнаго Старорусскаго лѣсопильнаго и мукомольнаго завода, который, съ переименованіемъ пахатныхъ солдатъ въ удѣльные крестьяне, также поступилъ въ вѣдомство удѣльной конторы. Не знаю навѣрное, отъ чего именно, отъ поджога или случайно, заводъ сгорѣлъ. Удѣльное начальство взысканіе за сгорѣвшій заводъ обратило на Григорьева, а сей послѣдній, не имѣя средствъ на уплату большой суммы за сгорѣвшій заводъ и при томъ считая для себя необязательнымъ платить убытки, отъ случайнаго пожара происшедшіе, уклонялся отъ вознагражденія удѣльнаго вѣдомства. Дѣло доходило до Сената и рѣшено, слышалъ я, не въ пользу Григорьева, котораго обвинили будто бы въ умышленномъ поджогѣ завода. Поэтому онъ, живя въ послѣднее время въ Старой Русѣ въ крайней бѣдности, куда-то наконецъ совсѣмъ скрылся или гдѣ погибъ. Онъ, надо прибавить, не былъ христіаниномъ, хоть и принадлежалъ къ православному исповѣданію, религіи вовсе не уважалъ и жилъ, держась Іезуитскихъ правилъ: «*цѣль оправдываетъ всѣ средства*».Но я держался и держусь понынѣ того мнѣнія, что православная религія есть краеугольный камень нашего общественнаго и частнаго положенія жизни, и что неправдою нажитое, рано или поздно, почти всегда кончается скверно. Вѣрю во истинну, что есть Богъ милосердый и правосудный, Который, награждая за добрыя дѣла, вмѣстѣ неизбѣжно наказуетъ злыхъ и безчестныхъ людей.

Случилось, что изъ Динабургской крѣпости бѣжало въ разъ, шесть кажется, важныхъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ былъ пойманъ на гумнѣ пахатнаго солдата Витебской губерніи, жившаго въ небольшой деревнѣ, состоявшей изъ 36 душъ. Арестантъ на допросѣ показалъ, что укрылся и ночевалъ на гумнѣ поселянина, не найдя для того другого пріюта. Некоторые изъ жителей деревни объясняли, что видѣли какого-то человѣка на гумнѣ и, заподозривъ его, дали знать сотскому, по распоряженію котораго арестантъ и пойманъ. При арестантѣ найденъ былъ только хлѣбъ и еще что-то для ѣды. Вотъ всѣ данныя, по которымъ хозяинъ гумна

попалъ подъ слѣдствіе. Дѣло поступило на конфирмацію къ полковнику Кену. Онъ положилъ: всѣхъ жителей деревни, мущинъ, женщинъ и дѣтей, числомъ 36 человѣкъ, сослать въ Сибирь за пристанодержательство. Я объявилъ, что такого приговора, какъ явно несправедливаго и жестокаго, пустить въ ходъ нельзя; нельзя еще и потому, что когда по приговору болѣе шести человѣкъ осуждаются къ тяжкому наказанію, тогда, по существовавшему закону, дѣло должно было идти, чрезъ Генералъ-Аудиторіатъ, на высочайшую конфирмацію; слѣдовательно къ дѣлу нужно отнестись съ разсудкомъ и со всею осмотрительностію, держась строго на законной почвѣ. Не смотря на сіи и подобныя законныя мои объясненія, Кенъ приказалъ мнѣ заготовить мнѣніе, согласно съ его личнымъ желаніемъ, о ссылкѣ въ Сибирь жителей всей деревни. Такое, весьма курьезное его мнѣніе, однакожъ безъ моей скрѣпы, съѣздило вмѣстѣ съ дѣломъ къ генералу фонъ Фрикену и возвратилось къ намъ въ штабъ безъ тѣхъ безумныхъ послѣдствій, которыхъ Кенъ желалъ. Всѣ жители деревни безъ вреда остались на своихъ жилищахъ. Имъ только строго было подтверждено, чтобъ впредъ не допускали у себя укрывательства бѣглыхъ и бродягъ.

Другое столкновеніе у меня съ Кеномъ было гораздо серьезнѣе и послѣдствія важнѣе. Въ 1844 году, въ Витебскомъ округѣ все лѣто и осень шли дожди. Хлѣбъ погнилъ, сѣно, гдѣ было накошено, тоже погнило, а что было съ трудомъ собрано, то половину гнилое и смѣшанное съ иломъ. Трава, оставшаяся нескошенною, оказалась покрытою пескомъ и иломъ. Слѣдствіемъ того были недостатокъ въ хлѣбѣ и сѣнѣ, голодъ и падежъ скота. Голодъ особенно усилился къ веснѣ 1845 года. Падежъ домашняго скота начался къ зимѣ и усилился въ зиму. По вскрытіи труповъ животныхъ оказалось, что отъ гнилого, покрытаго пескомъ и иломъ корма, въ желудкахъ ихъ образовались кучи навозныхъ червей, протачивавшихъ кишки и внутренности. Къ веснѣ и весной бѣдствія голода между поселянами и крестьянами обнаружились въ ужасающей степени. У меня, что прежде расходовалось въ два мѣсяца того весной не хватало и на одинъ: такъ много приходилось раздавать голодавшимъ хлѣба, въ видѣ милостыни. Нельзя было отказывать бѣднымъ просившимъ куска, видя ихъ почти умирающихъ, съ мутными глазами, блѣдными и опухшими лицами, едва стоявшими на ногахъ; тутъ еще говорили, что на дорогахъ находили много умершихъ отъ голода людей. У меня у самого оказался наконецъ совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ. Пришлось покупать ржаную муку въ м. Креславлѣ. По случаю этой покупки меня поразили два явленія, свидѣтельствовавшія о страшномъ голодѣ. *Первое*, при проѣздѣ чрезъ имѣніе зажиточнаго помѣщика графа Казимира Плятера, я встрѣтилъ много его крестьянъ, Латышей,

съѣзжавшихъ со двора этого помѣщика съ возами, на коихъ везли какое-то перекисшее вонючее вещество. Крестьяне были страшно изнуренными. Я спросилъ: что вы везете?—Барду, пане, отвѣчали.—На что она вамъ?—Да ѣсть, пане. Хлѣба у насъ нема. Баринъ, вмѣсто хлѣба, даетъ намъ на кормъ барду. — Да развѣ можно ее употреблять вмѣсто хлѣба?—А чтожъ, пане, намъ дѣлать, коли нечего ѣсть? Ясно, что магнатъ, богатый помѣщикъ, имѣвшій винокуренный заводъ, безчеловѣчно относился къ своимъ бѣднымъ крестьянамъ, кормившимъ его до ожирѣнія.

Второе, въ м. Креславлѣ я обратился въ лавку Жида, продававшаго муку. Лавка окружена была толпой народа, прибывшаго также, какъ и я, для покупки ржаной муки, страшно вздорожавшей. Купивъ муки, я возвратился домой. И чтожъ оказалось? Эта мука была сфабрикована изъ разныхъ отрубей, мелко перемолотыхъ въ смѣси еще съ чѣмъ-то. Хлѣбное тѣсто изъ этой муки не имѣло связи и съ лопаты, пока хлѣбы густо замѣшанные сажали въ печь, ползло внизъ. Наконецъ, печенный хлѣбъ не имѣлъ ни вкуса, ни питательности. Такъ проклятые Жиды мастера фабриковать разные суррогаты для своей жадной корысти. Послѣдняя восточная война еще болѣе показала на дѣлѣ, какъ Жиды снабжали дурными продуктами нашихъ храбрыхъ солдатъ и тѣмъ ихъ морили.

Извѣстно, что въ эту тяжкую годовщину правительство распорядилось сплавить водой въ м. Креславль нѣсколько барокъ съ хлѣбомъ, съ тѣмъ, чтобы продавался оный жителямъ неурожайныхъ мѣстъ по той самой цѣнѣ, по какой обошелся казнѣ. Эту благую мѣру недобросовѣстные и корыстолюбивые люди, богатые, успѣли такъ эксплуатировать, что бѣднымъ голодающимъ людямъ не пришлось купить хлѣба по дешевой казенной цѣнѣ. Жиды съ Поляками такъ сошлись въ этомъ дѣлѣ, что хлѣбъ на рынкахъ вдругъ упалъ въ цѣнѣ. Покупщиковъ казеннаго съ барокъ хлѣба будтобы вовсе не находилось. Донесли по начальству, что хлѣбъ съ казенныхъ барокъ не идетъ въ продажу потому дескать, что на рынкахъ хлѣбъ дешевле. По этому просили разрѣшенія изъ Петербурга на продажу всего хлѣба, на баркахъ привезеннаго, въ руки нѣсколькихъ лицъ, составившихъ компанію и согласившихся купить весь хлѣбъ по казенной цѣнѣ: иначе-де онъ отсырѣетъ и попортится, и казна отъ того понесетъ большіе убытки. Начальство, по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, продажу хлѣба на этихъ условіяхъ разрѣшило. Компанія мошенниковъ забрала хлѣбъ съ барокъ въ свои руки, и вдругъ на рынкахъ хлѣбъ въ цѣнѣ поднялся чрезмѣрно. И тутъ-то компаніоны пустили въ продажу купленный ими съ барокъ хлѣбъ. Такимъ обманомъ мошенники нажили большіе барыши на счетъ бѣднѣйшаго и

голодающаго люда. По этому дѣлу было нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, къ ясному и основательному результату однакожъ не приведшихъ.

Но что́ между тѣмъ дѣлалось въ голодающемъ Витебскомъ округѣ? Такіе же, какъ выше описано, безпорядки, если еще не хуже. Ихъ мы и хотимъ описать. Въ экономическомъ отношеніи въ округѣ долженъ былъ существовать хорошій порядокъ. Въ немъ имѣли еще обязательную силу Аракчеевскія правила, на основаніи коихъ въ каждомъ округѣ находились денежные заемный и вспомогательный капиталы и запасные магазины, въ которые съ поселянъ обязательно собирался хлѣбъ, на случаи неурожаевъ. По отчетамъ въ такихъ магазинахъ считалось на лицо болѣе 17 т. четвертей ржи, овса, ячменя и частію гороха. Но въ описываемую пору голода оказалось въ натурѣ всего хлѣба только около 2000 четвертей. Остальной хлѣбъ, такъ сказать, улетучился изъ магазиновъ!... Съ осени окружнымъ командиромъ это скрывалось отъ Кена; но весной, когда голодные поселяне потребовали много хлѣба для прокормленія себя и для обсѣмененія полей и когда голоса страдальцевъ во всѣхъ концахъ округа стали со слезами раздаваться, подполковникъ Корольковъ открылъ Кену всю суть дѣла, крайне обѣимъ сторонамъ непріятнаго. Кенъ секретно снесся о семъ съ генераломъ Фрикеномъ; а тотъ приказалъ, не предавая дѣло большой гласности, стараться его поправить, сколько можно, домашнимъ порядкомъ. Поэтому формальнаго донесенія о такомъ чрезвычайномъ происшествіи никому не дѣлалось. А слѣдовало бы о растратѣ 15 т. четвертей хлѣба донести: Государю Императору, директору бывшаго департамента военныхъ поселеній и Фрикену.

Какой же въ данномъ случаѣ явнаго злоупотребленія могъ быть принятъ домашній порядокъ? Кенъ его изобрѣлъ безъ затрудненій, и вотъ какой. Давъ мнѣ формальное предписаніе о производствѣ мной законнаго слѣдствія и не допуская меня къ тому, самъ, своею только особою, въ пустой половинѣ штаба, началъ производить дѣло. Какъ оно шло, ни я, номинально только назначенный слѣдователь, ни всѣ штабные чины не видали и ничего о ходѣ дѣла не знали. Но это знаніе случайно до насъ, штабныхъ, дошло. Разъ, въ положенное время, мы, штабные чины, выходили изъ должности; а Кенъ, сидя въ другой половинѣ штаба, допрашивалъ или правильнѣе перебиралъ пахатныхъ солдатъ первой волости. Лишь мы вышли на крыльцо, всѣ бывшіе у штаба поселяне, до нѣсколькихъ сотъ, обступили насъ и стали жаловаться, что полковн. Кенъ неправильно на ихъ биркахъ нарѣзываетъ знаки креста и другіе, въ удостовѣреніе того, что будто бы они забрали изъ магазиновъ хлѣбъ. Тутъ они стали объяснять, что на того записано долгу 30, на другого 25, на третьяго 40 четвертей, итакъ далѣе, тогда какъ они этакаго количества хлѣба

никогда не брали и что такой насильственный на нихъ налогъ ихъ разоритъ въ конецъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того они находятся въ нуждѣ отъ прошлогоднаго неурожая. Мы такою, въ существѣ, законною жалобою были поражены и не знали что̀ отвѣчать; но адъютантъ Рудневъ, къ которому болѣе поселяне обращались, указалъ поселянамъ прямо на меня, говоря: «вотъ кому, говорите; у него ваше дѣло». А я могъ и сказать имъ только, что «дѣла ихъ еще не видалъ; а когда возьму его въ свои руки, тогда ничего обиднаго никому изъ нихъ не сдѣлаю». Сказавъ это, мы скорѣе ушли, чтобъ не сочли насъ подстрекателями. А это могло быть, потому что Рудневъ и я строго себя держали на законной почвѣ.

Предъ обѣдомъ, сойдясь въ квартирѣ Руднева (честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка), мы совѣщались о томъ, что̀ намъ дѣлать? Жалобу свою поселяне намъ заявили, могли ее довести до Петербурга и даже до высочайшаго свѣдѣнія. Что̀ тогда можетъ быть, если вдругъ изъ Питера нагрянетъ комиссія или высшее лицо для раскрытія истины? Задаваясь такими и другими вопросами, мы обсудили дѣло вдвоемъ и рѣшили такъ. До Руднева дѣло о хлѣбѣ вовсе не касается. У него на рукахъ численность людей и личный составъ чиновъ; запасными же магазинами и капиталами вѣдаетъ бухгалтеръ. Слѣдовательно Рудневу нечего бояться. Я къ дѣлу былъ поставленъ ближе. Мое положеніе, въ качествѣ производителя дѣла, серьезнѣе. Поэтому о себѣ приходилось хлопотать не на шутку. Я предварительно рѣшился съ Кеномъ съ очей на очи объясниться для того, чтобъ онъ далъ мнѣ свободу дѣло производить по закону, а въ случаѣ нежеланія его, устранилъ бы меня отъ производства онаго. Номинально же занимать роль производителя дѣла я считаю за личную для себя обиду, тѣмъ болѣе, что это противозаконно.

При личномъ съ Кеномъ объясненіи, *во-первыхъ*, я заявилъ жалобу поселянъ цѣлой волости, жалобу по существу законную и вмѣстѣ серьезную, по которой я лишенъ средствъ сдѣлать что либо къ удовлетворенію. *Во-вторыхъ*, въ случаѣ доведенія жалобъ поселянъ до Государя или до высшей власти вслѣдствіе того особаго, уже не нашего слѣдствія, вы, Дмитрій Христофоровичъ, Корольковъ, Григорьевъ и другіе господа, по крайней мѣрѣ, знаете за что придется отвѣчать? Вы всѣ жили и живете безъ всякихъ нуждъ и въ полномъ удовольствіи. Я, напротивъ, какъ вы видѣли и какъ всѣ знаютъ, съ семействомъ ничѣмъ, кромѣ закономъ мнѣ опредѣленнаго скуднаго содержанія, не пользовался. Даже огороды вы у меня отобрали подъ посѣвы вашего хлѣба. Скажите послѣ этого: за что мнѣ отвѣчать по дѣлу? Итакъ, если вы назначили меня производить дѣло, позвольте мнѣ это и исполнять на законномъ основаніи. Если же этого вамъ неугодно, извольте поручить

дѣла другому чиновнику, напримѣръ бухгалтеру, такъ какъ о всѣхъ запасахъ и капиталахъ переписка производится по его столу. Кенъ словами моими былъ видимо пораженъ. Но какъ я спокойно и твердо выразилъ мою просьбу, то онъ велѣлъ данное мнѣ предписаніе уничтожить и тѣмъ же числомъ и за тѣмъ же нумеромъ дать другое бухгалтеру.

Такъ меня Господь избавилъ отъ такого сквернаго дѣла. За него впрочемъ нисколько не пострадалъ и бухгалтеръ. Кенъ, какъ читатель увидитъ далѣе, все обработалъ на свой ладъ. Чрезъ часъ я и Рудневъ позваны были имъ къ обѣду, которымъ мы постоянно пользовались. За обѣдомъ ни слова о дѣлѣ, какъ будто о немъ и рѣчей предъ тѣмъ не было!... Вообще эти обѣды отличались только хорошими кушаньями, но не оживлялись никакими разговорами; поэтому они были скучны. По своему скрытному и тяжелому характеру, Кенъ не любилъ разговоровъ и если кто изъ насъ заводилъ какую-либо бесѣду, онъ всегда заглушалъ ее грубо и рѣзко. Мы сходились къ обѣду, пили, ѣли, выкуривали по трубкѣ табаку, все молча и, поблагодаривъ хозяина, расходились во свояси.

Между тѣмъ дѣла производились тѣмъ же порядкомъ, не смотря на ропотъ и жалобы хозяевъ. На бирки, замѣнявшія письменныя книжки, хлѣбъ нарѣзывался знаками какъ забратый въ долгъ и тутъ же Кеномъ отмѣчался въ именномъ спискѣ противъ каждаго хозяина. Такимъ образомъ, что̀ по биркамъ, то и по спискамъ значилось.

Письменныхъ допросовъ дѣлаемо не было, и показанія хозяевъ не собирались. Вопросы: когда и кѣмъ хлѣбъ изъ магазиновъ расхищенъ, кто болѣе или менѣе въ томъ виновенъ и т. п. не были поднимаемы. По аналогіи Кена, хлѣбъ, собранный въ запасные магазины, есть собственность пахатныхъ солдатъ. Храненіе его въ цѣлости лежало на ихъ же обязанности; для этого изъ среды ихъ избирались благонадежные хозяева, кои подъ именемъ цѣловальниковъ хранили у себя ключи отъ магазиновъ. Безъ нихъ, по положенію, никто не могъ входить въ магазинъ для пріема и отпуска хлѣба. По ихъ отчетамъ волостной писарь въ каждой волости велъ шнуровыя книги о запасахъ хлѣба. Караулъ у магазиновъ содержался по очереди отъ пахатныхъ солдатъ. Слѣдовательно, если сами поселяне не сберегли своего хлѣба и въ немъ оказался недостатокъ: то сами они за то и отвѣчать должны; на окружномъ же командирѣ и членахъ комитета лежали только контроль по магазинамъ, повѣрка запасовъ и письменная отчетность. Итакъ вина пала на поселянъ и ихъ за то призвали къ отвѣтственности. Въ этомъ смыслѣ хозяевамъ и было объявлено рѣшеніе на ихъ жалобы. Но это не могло успокоить бѣдныхъ хозяевъ, изъ коихъ многіе отъ наложенныхъ на нихъ большихъ долговъ приходили въ отчаяніе. По

словамъ ихъ имъ и въ десятки лѣтъ невозможно было внести въ магазины того, что на нихъ неправильно наложено. Кенъ, какъ ни старался, не могъ однакожъ всего взвалить на поселянъ. Призванъ былъ къ отвѣту и командиръ округа подполковникъ Корольковъ. На имѣніе его, незадолго предъ тѣмъ имъ купленное, наложили секвестръ, и дѣло вошло въ колею формальной канцелярской процедуры, о ходѣ которой не стоитъ и говорить. Между тѣмъ голодавшіе поселяне кое-какъ были удовлетворяемы въ ихъ крайнихъ нуждахъ изъ капиталовъ заемнаго и особо ассигнованнаго по случаю неурожая; а потому они менѣе отъ голода пострадали, нежели помѣщичьи крестьяне.

Вражда и страсти въ тоже время не дремали. Корольковъ службою почти не занимался; за него работалъ окружный аудиторъ Нестеръ Александровъ, женатый на родной сестрѣ Королькова, человѣкъ довольно исправный по службѣ, трезвый, знавшій округъ, какъ свои пять пальцевъ и, главное, преданный Королькову. У нихъ все было шито-крыто. Однакожъ безпорядки по магазинамъ не могли ихъ обоихъ радовать. Корольковъ, разжирѣвшій баринъ, сильно хандрилъ, жаловался на судьбу, на начальство и т. п. Въ такомъ настроеніи его духа, окружный докторъ совѣтовалъ ему моціонъ, развлеченіе и для того взять *годовой* отпускъ, съѣздить къ родственникамъ его Сухозанетамъ въ Варшаву, гдѣ одинъ Онуфріевичъ командовалъ артиллеріею дѣйствующей арміи, и въ Петербургъ, гдѣ Иванъ Онуфріевичъ состоялъ генералъ-адъютантомъ. Тамъ есть чѣмъ развлечься: театры, разныя увеселенія, красавицы-Варшавянки и Петербургскія дамы, не уступающія въ прелестяхъ Полькамъ. Кто не бывалъ въ Варшавѣ и Петербургѣ, тому эти столицы покажутся раемъ. Это Королькову, не видавшему ни одной изъ столицъ, вскружило голову. Онъ спросилъ доктора: да какъ же это сдѣлать?—Подать сейчасъ просьбу, отвѣчалъ докторъ, и только. Увидите свѣтъ, людей, развлечетесь, отдохнете и чрезъ годъ и даже ранѣе возвратитесь опять сюда, въ округъ. Не разсудивъ въ чемъ дѣло, Корольковъ приказалъ написать въ смыслѣ докторскаго совѣта просьбу и тутъ же подписалъ ее, поручивъ доктору отвезти ее Кену. Кенъ, получивъ просьбу, ту жъ минуту отправилъ ее при рапортѣ своемъ къ генералу фонъ Фрикену по эстафетѣ. Въ рапортѣ Кенъ просилъ вмѣсто Королькова командиромъ округа назначить другого офицера.

Надо знать, что подача Корольковымъ просьбы была сдѣлана въ отсутствіе его аргуса Нестера (какъ мы всѣ звали его аудитора), уѣхавшаго тогда въ Динабургъ. На другой день Нестеръ, возвратясь изъ Динабурга и узнавъ, какъ попалъ въ ловушку Корольковъ, разъяснилъ послѣднему, что съ увольненіемъ въ годовой отпускъ онъ лишается командованія округомъ и казеннаго содержанія. Чтобъ поправить

дѣло, Корольковъ пріѣхалъ къ Кену просить пріостановить его просьбу о годовомъ отпускѣ, такъ какъ онъ раздумалъ ѣхать въ отпускъ. Кенъ отвѣчалъ, что просьба отправлена уже въ Старую Русу.—Да какъ же вы могли это сдѣлать, когда почта сегодня не отходитъ? *). — По эстафетѣ, еще вчера, отправили вашу просьбу, отвѣчалъ Кенъ.

Корольковъ понялъ наконецъ, что его одурачили, упалъ духомъ и не нашелся на что рѣшиться. Мѣсто его вскорѣ занялъ другой штабъ-офицеръ, болѣе достойный командовать округомъ. По душѣ Корольковъ не былъ жестокимъ. Онъ, отъ хорошей обстановки, облѣнился и службою почти не занимался, враждуя съ своими ближайшими начальниками. По сдачѣ имъ округа и по истеченіи годового отпуска, онъ получилъ въ Польшѣ мѣсто этапнаго начальника и тамъ, кажется, умеръ. Имѣніе его пошло на пополненіе павшаго на него взысканія. Нестеръ, его зять, вскорѣ вышелъ въ отставку и чѣмъ кончилъ свою карьеру, не знаю.

До какой степени Корольковъ былъ несвѣдущъ въ обыкновенныхъ вещахъ, приведу слѣдующій фактъ. Во время своего невольнаго отпуска онъ побывалъ и въ Петербургѣ, и что̀ же, по его словамъ, особенно его тамъ поразило? Безнравственность столицы, въ которой онъ видѣлъ совершенно нагихъ, открыто для публики поставленныхъ людей!... Какіе жъ это люди, спроситъ читатель.—Эстетическія произведенія знаменитыхъ художниковъ, поставленныя въ Лѣтнемъ саду: богини Венера, Діана, Минерва, Апполонъ, Геркулесъ и пр. Это, по мнѣнію его, ни на что ужъ не похоже! Соблазнъ явный!.. А между тѣмъ онъ съ удовольствіемъ слушалъ сальные разсказы Тризны и не чуждъ былъ клубнички изъ чужого сада.

Я тоже, наконецъ, не видя ни отрады, ни утѣшенія во всемъ меня окружавшемъ, кромѣ дружбы Руднева, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, подалъ въ отставку, какъ только кончился 10-лѣтній обязательный срокъ моей службы. Кромѣ сказаннаго, къ такому шагу меня побуждала, главное, нужда дать дѣтямъ своимъ, уже подроставшимъ, приличное воспитаніе.

Отношенія мои къ Кену были замкнутыя, сдержанныя. Исполняя въ точности и аккуратно обязанности свои по службѣ, я не мѣшался въ чужія интриги, велъ себя честно и трезво въ полномъ смыслѣ и тѣмъ заставилъ не отказывать мнѣ въ должномъ уваженіи. Развлеченія себѣ находилъ я въ занятіяхъ съ дѣтьми, обучая ихъ Русской грамотѣ и чтенію книгъ, журналовъ и газетъ, дѣлая изъ нихъ большія выписки съ научною цѣлію. До какой степени озабочивало меня положеніе семейства, особенно дочерей, приведу экспромтомъ написанныя мною

*) Изъ м. Креславля почта отходила только два дня въ недѣлю.

вирши. Это было въ грустную минуту 25 Марта, кажется, 1844 года, въ день великаго праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Моя молитва.

Благій Боже, Вседержитель,
Мой защитникъ, покровитель,
Внемли молепью съ высоты.
Мой покровъ-спасенье—Ты!
Подкрѣпи мои Ты силы,
Въ пути трудномъ до могилы.
Восполни сердце теплотой
Для добродѣтели святой.
Любить ближнихъ научи,
Творить добро имъ-пріучи,
Да славить возмогу всечасно,
Съ Твоимъ величіемъ согласно,
Тебя Творца вселенной всей,
И въ юдоли плачевной сей
Не сокрушуся отъ напасти,
Вражды и всякой гнусной страсти.
Огради отъ нихъ Всесильный
И, пріявъ мой плачь умильный,
Ты защити насъ до конца:
Малютокъ, мать, меня-отца.

Такъ выразились мои тогдашнія чувства и помышленія. Въ другіе, менѣе мрачные дни, дѣлилъ я время съ адъютантомъ Рудневымъ. Съ нимъ ходили мы на охоту полевать за зайцами и дичью: ѣздили кос-къ кому, гдѣ не встрѣчали вражды, ссоръ и попоекъ Словомъ, съ этимъ честнымъ человѣкомъ я много и пріятно проводилъ времени, хотя во мнѣніяхъ нашихъ мы часто расходились. Онъ держалъ себя, по привычкѣ, барпномъ незлобивымъ, дѣлившимъ съ радостію свои хлѣбъ-соль и не любившимъ возраженій и споровъ. Чтобъ охарактеризовать его правильнѣе, можно близко къ истинѣ сказать, что изъ него потомъ, вслѣдствіе разочарованій въ жизни, вышелъ второй экземпляръ Обломова, съ тою разницею, что Рудневъ остался навсегда холостякомъ.

Приниженность бѣдностью, въ сношеніяхъ съ Рудневымъ, часто отзывалась горечью. Пользуясь выгодою своего положенія, онъ думалъ, что я не долженъ и сужденія своего имѣть: старый барскій взглядъ доводившій насъ до равмолвокъ, скоро впрочемъ забываемыхъ. Впослѣдствіи, долго спустя, когда я на дѣлѣ доказалъ свою безкорыстную къ нему дружбу, онъ лучше оцѣнилъ меня. Объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

Съ Кеномъ мнѣ пришлось разстаться прилично и тихо, но безъ всякаго сожалѣнія. Это человѣкъ былъ съ тактомъ и съ большимъ умѣньемъ нажить копѣйку. Но главный его недостатокъ: страшная жестокость при наказаніи нижнихъ чиновъ. За обыкновенную провинность солдата, онъ назначалъ по 1000 ударовъ, въ пересыпку, палокъ и розогъ, при каковыхъ истязаніяхъ самъ присутствовалъ, приказывая отсчитывать по 200 палокъ, потомъ по 200 розогъ, пока не выйдетъ тысяча. Волосы у меня дыбомъ становились, сердце обливалось кровію, когда имъ производились тяжкія наказанія.

У него былъ собственный человѣкъ, лакей всегда призывавшій насъ къ обычному обѣду, молодыхъ лѣтъ, красивый, расторопный, ловкій и ласковый. За какую-то пустую провинность Кенъ его наказалъ розгами и палками, въ пересыпку 600 ударами... Несчастный не перенесъ такого наказанія: заболѣлъ скоротечною чахоткою и вскорѣ умеръ, въ Ужвалдѣ, въ окружномъ лазаретѣ... Всѣ его жалѣли. У Кена была трость можжевеловая, суковатая и толстая. Этою палкою онъ за лѣность билъ поселянъ, отсчитывая по 50 и 60 ударовъ. Многіе потомъ отъ такихъ неумѣренныхъ побоевъ страдали до конца пхъ жизни.

Говорятъ, кто любитъ цвѣты, у того должно быть мягкое и доброе сердце. Рѣдко можно встрѣтить такого любителя цвѣтовъ, какимъ былъ Кенъ. Онъ самъ съ большимъ искусствомъ ихъ разводилъ отъ отростковъ, сѣялъ, садилъ, ухаживалъ за ними, лелѣялъ ихъ. Еще странность. Фрикенъ повадливъ былъ на мордобитіе; Кенъ, напротивъ, руками никого не билъ. Тотъ въ наказаніяхъ на тѣлѣ былъ умѣреннѣе и разсудительнѣе, этотъ въ нихъ мѣры не зналъ. Наконецъ, тотъ, если дрался, то дрался при сильномъ раздраженіи и отъ горячности въ характерѣ; этотъ всегда сохранялъ хладнокровіе и никогда не выходилъ изъ себя, не горячился. Но, да проститъ имъ Господь ихъ грѣхи и неправды! Оба вышли изъ школы Аракчеевской. Не украшая ни на одну іоту, пишу все съ натуры. Теперь, въ благополучное царствованіе Александра Николаевича, и мнѣ кажется сномъ страшнымъ все, что видѣлось воочію: такъ все измѣнилось къ лучшему.

24 Декабря 1845 г. я окончательно получилъ отставку, по болѣзни, съ пенсіею двухъ третей жалованья, по 114 руб. 30 коп. сер. въ годъ и того же числа, съ женою и четырьмя малолѣтними дѣтьми, уѣхалъ изъ Шкельтофа, на родину, въ г. Ельню, Смоленской губерніи. Грустно, тяжело мнѣ было на такой праздникъ пускаться въ путь; но и оставаться мнѣ долѣе у Кена, ни при чемъ, было еще грустнѣе и тяжелѣе. Съ Кеномъ, однакоже, я разстался хорошо, и онъ снабдилъ меня самымъ лучшимъ аттестатомъ о моемъ поведеніи и о моей службѣ. Съ Рудне-

вымъ и со всѣми лицами я разстался дружески, не оставивъ послѣ себя дурной памяти.

Распродавъ, предъ отъѣздомъ, кое-какія вещи, имѣлъ я у себя на дорогу и на все будущее житье съ семействомъ едва-едва около 100 рублей серебромъ. Поѣздкою на родину я былъ увлеченъ, во-первыхъ, чувствомъ любви къ ней, упустивъ изъ виду, что въ 30 лѣтъ на родинѣ и въ самыхъ понятіяхъ моихъ весьма многое измѣнилось; и во-вторыхъ, письмами двоюроднаго брата Г., тамъ родившагося и служившаго безвыѣздно секретаремъ Ельнинскаго уѣзднаго суда. По его увѣреніямъ, въ этой глухой странѣ, мнѣ съ семьей можно было лучше устроиться и жить, какъ говорится, припѣваючи. Но на дѣлѣ я вполнѣ во всемъ разочаровался. Когда меня хорошо обнюхали и узнали о моей бѣдности, то рѣчи поняли другія, не въ мою пользу. Главное меня разочаровало то, что въ городишкѣ не было никакого училища, ни пансіона для образованія дѣтей, ни даже аптеки въ случаѣ болѣзни: за лѣкарствами въ аптеку нужно было ѣздить въ городъ Дорогобужъ, за 40 верстъ. Лекарь на весь уѣздъ одинъ. Между тѣмъ кабаковъ много. Среда чиновниковъ, въ которую я попалъ чрезъ брата, была такая, что мнѣ совѣстно было слушать разсказы ихъ о самыхъ безсовѣстныхъ и безчестныхъ продѣлкахъ, ради ихъ существованія. Казенное содержаніе чиновниковъ тогда было самое скудное, а они почти всѣ завелись семействами. Нужда ихъ умудряла на всѣ подлости, чтобъ добыть или хлѣбъ или деньги!... Братъ мой, дослужившійся въ городкѣ до чина титулярнаго совѣтника и на опытѣ пріобрѣвшій большое знаніе въ дѣлахъ всего уѣзда, слылъ за весьма дѣлового человѣка. Жилъ съ большею семьею, небѣдно и имѣлъ свой деревянный домишко *). Чтобы представить всѣхъ дѣйствовавшихъ въ городкѣ лицъ, напримѣръ, городничаго, уѣзднаго казначея, стряпчаго, виннаго и соляного приставовъ, секретарей и т. п., нужны Гоголевскія способности и перо. Не будучи одаренъ такими способностями, я не рѣшаюсь описывать всѣхъ, поистинѣ, своеобразныхъ личностей и ихъ грязныхъ дѣлъ. Обратимся лучше къ сторонѣ болѣе свѣтлой жизни грязнаго городишка.

Благодареніе Всевышнему Творцу, міръ, по пословицѣ, не безъ добрыхъ людей. Въ Ельнѣ, въ 1846 году, былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Д. Стунѣевъ, а уѣзднымъ судьею, по выбору, помѣщикъ В. А. Муромцевъ. Послѣдній и жилъ въ домѣ моего брата.

Въ это время въ г. Ельнѣ и его уѣздѣ, по случаю несостоятельности откупщика питейной продажи, откупъ перешелъ въ казенное управленіе, и управляющимъ откупомъ назначенъ былъ чиновникъ осо-

*) Во всемъ городѣ изъ каменныхъ зданій были: одна церковь и два дома, одинъ для присутственныхъ мѣстъ, а другой принадлежавшій частному лицу.

бых порученій Смоленской казенной палаты помѣщикъ И. Я. П. Онъ, по рекомендаціи брата, пригласилъ меня, по вольному найму, занять при немъ мѣсто помощника управляющаго откупомъ, съ жалованьемъ по 41 рублей въ мѣсяцъ. Я согласился на это, такъ какъ не имѣлъ въ отставкѣ никакихъ другихъ занятій. Итакъ, я на службѣ, хоть и частной.

Мошенническія дѣла прежнихъ откуповъ уже описаны многими. Откупа точно служили для прикрытаго законностью грабежа, производившагося богатою интеллигенціею. Вотъ что я своими глазами видѣлъ и на дѣлѣ узналъ.

Изъ 41 рубл., мнѣ по временному штату назначенныхъ, я въ натурѣ получалъ только 16 р. въ мѣсяцъ. Въ уѣздѣ и городѣ, помнится, считалось 35 кабаковъ. Каждому кабачнику полагалось жалованья по 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ натурѣ они сего жалованья не получали, а только въ полученіи онаго росписывались. Все оставалось въ пользу управляющаго откупомъ. Въ городѣ и на уѣздъ полагалось нѣсколько повѣренныхъ, которые полное жалованье получали не всѣ. Итакъ, управляющій откупомъ, кромѣ опредѣленнаго ему жалованья отъ служащихъ, удерживалъ въ свою пользу болѣе 300 руб.

Водка изъ запасовъ отпускалась и учитывалась по 3 руб. ведро; а въ продажѣ, по передѣлкѣ въ настойки, наливки и т. п. вгонялось въ продажѣ ведро отъ 7 до 10 руб. и болѣе. Если откупъ продавалъ въ мѣсяцъ тысячу ведеръ, по меньшей цѣнѣ кругло въ 7 руб., то выходитъ, что управляющій получалъ выгоды 4000 руб., а съ жалованьемъ по 4300 руб. въ мѣсяцъ!...

Изъ нихъ шло въ дѣлежъ, между совѣтниками, секретарями и чиновниками, на каждое лицо отъ 10 до 250 руб. въ мѣсяцъ. За всѣмъ тѣмъ управляющему откупомъ оставался хорошій кушъ, именно не менѣе 2300 р. въ мѣсяцъ. А какъ откупъ въ казенномъ управленіи находился 9-ть мѣсяцевъ, то управляющій онымъ за это время, нажилъ всѣми неправдами по меньшей мѣрѣ 20.000 руб. и, какъ я потомъ узналъ, купилъ на нихъ имѣніе въ 240 душъ крестьянъ, съ хорошею усадьбою, и сверхъ того еще при мнѣ накупилъ много столоваго серебра, мѣховыя шубы себѣ и женѣ, тройку сѣрыхъ въ яблокахъ коней, коровъ, подтёлковъ и рабочихъ лошадей въ два имѣнія, свое и женино, бывшія у нихъ, кажется, родовыя, очень небольшія и небогатыя.

При этомъ справедливость требуетъ сказать, что въ послѣдніе 3 или 4 мѣсяца я получалъ полное жалованье по 41 р. въ мѣсяцъ и сверхъ того, за сдачу купцу Кокореву откупа, П. далъ мнѣ въ награду 100 руб. и подарилъ лошадь о 3-хъ ногахъ, за которую я получилъ 5-ть рублей.

Служа съ П. Я. П., я пользовался полнымъ его и добрѣйшей супруги его расположеніемъ. По совѣсти говоря, и занятія мои по откупу не стоили большей награды. Все время, въ бытность въ конторѣ, приходилось болѣе бражничать, нежели заниматься дѣломъ, исключая послѣднихъ мѣсяцевъ, когда вся отчетность, сдача дѣлъ, суммъ и откупа Кокореву, лежали на мнѣ. Сдача откупа со всѣмъ имуществомъ особенную имѣли важность и исполнены мной во всей исправности. Между тѣмъ я хлопоталъ и о мѣстѣ коронной службы, такъ какъ мое здоровье довольно уже поправилось. Съ этою цѣлію г.г. Стунѣевъ и Муромцевъ просили за меня бывшаго Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Голицына. Тотъ изъявилъ свое согласіе и велѣлъ мнѣ въ Сентябрѣ 1846 года быть у него въ Смоленскѣ, выразивъ, что къ пріѣзду моему будетъ мнѣ готово и мѣсто. Дѣйствительно князь сдержалъ слово по княжески.

Въ роковой день, 8 Сентября, явился я въ Смоленскъ къ князю Голицыну. Онъ принялъ меня благосклонно и тотъ же часъ приказалъ написать предписаніе Смоленскому гражданскому губернатору д. с. с. Шкляревичу объ опредѣленіи меня смотрителемъ тамошняго тюремнаго замка и о немедленномъ допущеніи къ исправленію этой должности. Въ добавокъ князь приказалъ полицмейстеру полковнику Глинкѣ отвезти меня къ г. Шкляревичу и сдать вмѣстѣ съ предписаніемъ. Не знаю достовѣрно, такое распоряженіе генералъ-губернатора было сдѣлано съ предварительнаго согласія гражданскаго губернатора или нѣтъ, но только Шкляревичъ, прочитавъ предписаніе, спросилъ, хорошо ли я знаю, въ чемъ состоитъ обязанность смотрителя тюремнаго замка? Я отвѣчалъ, что правила о семъ изложены въ XIV-мъ томѣ Свода Гражданскихъ Законовъ, въ уставѣ о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ, и сверхъ того должны быть преподаны смотрителю въ особой инструкціи мѣстнаго начальства. Между тѣмъ сердце во мнѣ страшно билось отъ того, что должность смотрителя тюрьмы мнѣ казалась вовсе неподходящею ни къ моему характеру, ни къ моимъ правиламъ. Шкляревичъ приказалъ было своему письмоводителю написать предписаніе смотрителю замка объ увольненіи его отъ должности смотрителя и о сдачѣ оной мнѣ съ имуществомъ замка и арестантами.

Это приказаніе окончательно испугало меня такъ, что я испросилъ позволенія сперва осмотрѣть въ натурѣ замокъ и арестантовъ и узнать, въ чемъ вся суть дѣла состоитъ. Губернаторъ позволилъ, а письмоводитель его, грубо со мной обошедшійся, даже обрадовался, видя мои колебанія. Я ему взятки не далъ и даже не обѣщалъ ея; а мѣсто смотрителя замка обѣщало ему взятку въ 250—500 руб. Ему, ясно было, хотѣлось съ меня сорвать порядочный кушъ, да только это не сбылось.

Я только попросилъ его подождать предписаніемъ, такъ какъ со мной не было моего семейства; а безъ него прямо принять должность смотрителя и засѣсть въ Смоленскѣ не хотѣлось. На экипажѣ добраго человѣка Глинки я съ И. Я. П. отправился въ замокъ. Здѣсь, что̀ шагъ, то болѣе и болѣе я разочаровывался! У воротъ за̀мка часовой не пропустилъ меня въ оный. Пошли доклады караульнымъ унтеръ-офицеру и офицеру и смотрителю. Наконецъ меня пропустили чрезъ ворота. Идя къ смотрителю, въ коридорѣ, стучусь въ первую дверь. Отворилась. И вдругъ въ меня вцѣпился какой-то сѣдой, гладко остриженный, высокій мущина, обнимаетъ, цѣлуетъ и со слезами на глазахъ, благодаритъ, что не забылъ и пришелъ навѣстить его... Что̀ за чудеса, кто такой, не понимаю! А несчастный арестантъ продолжаетъ: «Боже мой. Я съ тоски умираю! Только вотъ это, указывая на какую-то птичку въ клѣткѣ надъ окномъ у него висѣвшую, только это невинное существо раздѣляетъ мое горе и развлекаетъ меня. Никто меня несчастнаго не навѣщаетъ. Всѣ забыли наши пиры и веселыя бесѣды, когда я обѣднѣлъ и попалъ сюда. Ну, скажите, что̀ дѣлается въ Ельнѣ, какъ поживаетъ вашъ братъ, что мои крестники?» и проч.

О Боже! Тутъ только я, всмотрясь въ лице, узналъ, что это помѣщикъ, отставной морякъ, Василій (если не ошибаюсь) Григорьевичъ Энгельгардтъ, человѣкъ очень неглупый, владѣвшій хорошо разными языками. Я съ нимъ видѣлся только нѣсколько разъ и въ памяти своей потерялъ его изъ виду. Послѣ настоящаго случая въ тюрьмѣ я узналъ, что онъ имѣлъ какія-то судебныя дѣла съ своею женою и помѣщикомъ Пассекомъ и чрезъ нихъ попалъ въ тюрьму. Потомъ, если не ошибаюсь, этотъ Энгельгардтъ, въ чинѣ лейтенанта, въ Крымскую войну служилъ въ Севастополѣ рядовымъ и получилъ солдатскій знакъ военнаго ордена. Жену его, лихую наѣздницу, ѣхавши одинъ разъ съ И. Я. П., я видѣлъ верхомъ на лихомъ конѣ мчавшуюся, какъ вихрь, по полямъ. Мнѣ она показалась съ распущенными волосами и вуалью въ родѣ какого-то привидѣнія.

Сказавъ, что мнѣ, по порученію двухъ губернаторовъ, крайне необходимо видѣть смотрителя замка, я едва отдѣлался отъ бѣднаго Энгельгардта. При входѣ къ смотрителю меня поразило то, что окна его квартиры обращены на дворъ, гдѣ кромѣ караульныхъ солдать и арестантовъ въ цѣпяхъ и безъ цѣпей ничего не было видно. Слѣдовательно мои жена и дѣти (послѣднія еще юныя), ничего не могли видѣть хорошаго и назидательнаго для жизни. Первыя и важнѣйшія на всю жизнь впечатлѣнія дѣти должны были почерпать отъ арестантовъ, солдатъ, цѣпей, проклятій и отъ другихъ разныхъ грубыхъ словъ и дѣлъ. Это скверно, подумалъ я. Себя запереть въ тюрьму я могу, но запирать

жену и юныхъ дѣтей я не въ правѣ. Къ тому смотритель отставной штабсъ-капитанъ, съ орденомъ въ петлицѣ, мнѣ объяснилъ: содержанія получалъ 180 руб., а двумъ наемнымъ писцамъ платилъ 300 руб. Изъ чего же, я спросилъ, вы прибавляли плату писцамъ? — Изъ доходовъ. —Изъ какихъ? я опять спросилъ. — Да разныхъ. А какихъ именно, не объяснилъ.

Между тѣмъ онъ зналъ о смѣнѣ его за упускъ арестанта, который, поддѣлавъ фальшивыя предписанія отъ коменданта и печать на конвертѣ, ушелъ изъ тюрмы. Смотритель говорилъ, что онъ радъ своей смѣнѣ и выражался, что лучше будетъ впредъ просить милостыню, протягивая руку, нежели брать на себя обязанность смотрителя тюрьмы, тѣмъ паче, что кромѣ себя нужно еще прикармливать, изъ доходовъ, многихъ голодныхъ собакъ, разумѣя подъ послѣднимъ словомъ чиновниковъ, имѣвшихъ на него вліяніе.

Я вышелъ изъ замка безъ всякой отрады. Помѣщикъ И. Я. П. на дрожкахъ ждалъ меня. Ну что? спроситъ онъ.—Все скверно, отвѣчалъ я. — Именно?—Именно завтра я отправлюсь къ князю Голицыну, откажусь отъ данной мнѣ должности и попрошу, не дастъ ли другаго мѣста, сообразнаго съ моимъ характеромъ и съ моими правилами.

— Что̀ вы, что̀ вы, съума сошли! Вѣдь за ваше мѣсто смотрителя замка другіе дадутъ 500 руб. и болѣе. Передъ этимъ смотрителемъ, что̀ теперь, былъ смотрителемъ Орловъ. Онъ-съ, видѣте ли, служа долго, купилъ въ Смоленскѣ каменный домъ и деревню, съ 40 душами крестьянъ. Смотрите, говоритъ, указывая на огородъ, въ смежности съ острогомъ бывшій, гдѣ арестанты убирали овощи, все это будутъ ваши крестьяне, которые будутъ васъ съ семьею кормить, не стоя вамъ ни гроша. Вы знаете, что я своимъ крестьянамъ покупалъ и раздавалъ скотъ, а въ случаѣ нужды даю имъ и хлѣбъ и даже деньги. Вамъ портные, сапожники, столяры, кузнецы и проч. все даромъ будутъ дѣлать. А подаянія арестантамъ, а одежда ихъ!.. Обсудите это хорошенько и поймите, да поймите!..

Такъ онъ урезонивалъ меня, видимо, отъ чистаго сердца и желанія мнѣ добра. Но у меня сердце сильно билось, голова кружилась, душа страдала. Нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, пользоваться крохами, грошами и услугами этихъ несчастныхъ людей не въ моемъ характерѣ. Не могу и не могу.

Такъ разговаривая, пріѣхали мы къ непремѣнному члену Смоленскаго приказа общественнаго призрѣнія А. Г. тоже П., двоюродному брату Ивана Яковлевича, обѣдать, такъ какъ у него была и наша остановка. Тутъ уже была со мной чистая пытка. А. Г. П., холостой, жилъ вмѣстѣ съ своими четырьмя сестрами-дѣвицами. Были,

кромѣ насъ съ И. Я. П., и другіе гости. За столомъ сидѣло насъ много. Темою разговора служилъ мой отказъ вступить въ должность весьма доходную. Всѣ, какъ будто сговорясь, на меня напали, осуждая сильно меня за то, что я отказываюсь отъ такого мѣста. Тутъ ставили въ примѣръ какого-то Орлова и другихъ, хорошо обезпечившихъ себя на всю жизнь. Кромѣ того полиціймейстеръ полковникъ Глинка и комендантъ генералъ-маіоръ Лепарскій, у коихъ я былъ, сильно настаивали на томъ, чтобы я принялъ предлагаемую мнѣ должность смотрителя, обѣщая свое постоянное покровительство.

Смоленскъ въ то время служилъ пересыльнымъ пунктомъ. Арестантовъ въ замкѣ иногда бывало до 1000 и болѣе человѣкъ. Все содержаніе и услуги ихъ, у хорошаго, смѣтливаго и исправнаго смотрителя, могли приносить ему доходъ. Это вѣроятно. Но я, вѣря этому, не могъ преодолѣть внутренняго, душевнаго моего состоянія и особенно обидѣлся тѣмъ, что дѣвицы молодыя, сестры хозяина, какъ сороки трещали, все обвиняя меня въ излишней разборчивости. Уже когда вышли изъ-за стола и отправились въ другія комнаты курить, подошелъ ко мнѣ какой-то почтенный помѣщикъ, взялъ меня за руку и сказалъ: «Я вполнѣ раздѣляю ваши мысли и чувства. Не всякій человѣкъ способенъ возиться съ арестантами и наживаться отъ нихъ».

На другой день явясь къ князю Голицыну, я сказалъ ему, что, по характеру и по правиламъ своимъ, не смѣю принять должность смотрителя замка и что не изволитъ ли его сіятельство назначить меня въ другую какую-либо должность? Князь сказалъ: Вы разборчивы, другой для васъ должности у меня нѣтъ. Я, поблагодаривъ его за то, что онъ для меня сдѣлалъ, отправился во-свояси. Потомъ я много разъ обсуждалъ свой поступокъ и въ 30 слишкомъ лѣтъ, послѣ того прожитыхъ, не могъ понять, откуда у меня явилась сила воли, заставившая меня отказаться отъ своихъ выгодъ. Нынѣ я самъ дивлюсь своей отвагѣ, тѣмъ болѣе, что вѣрныхъ средствъ къ жизни и особенно къ воспитанію своихъ дѣтей въ виду я не имѣлъ и надежды, кромѣ милосердія Божія, ни на кого не питалъ.

Не судьбы ли Всевышняго Промысла управляли мной?

Я возвратился въ г. Ельню, къ своему семейству, ни съ чѣмъ. Другой надежды на полученіе въ Смоленской губерніи мѣста служенія не было: всѣ отвернулись отъ меня за то, что я не принялъ выгодной должности.

Между тѣмъ умерла у меня маленькая дочь Вѣра, а мать была беременною на второй уже половинѣ. Я въ жизнь мою не испытывалъ такой тяжелой тоски, какъ въ то казавшееся безотраднымъ время. Ельня не представляла никакихъ средствъ къ жизни и особенно къ воспитанію

дѣтей. Пенсія моя составляла только 114 руб.; сбережено нами на черный день съ наградными менѣе 200 рублей. Квартира, отопленіе, освѣщеніе и продовольствіе покрывались пенсіею; за тѣмъ на всѣ остальныя наши потребности источниковъ въ виду не было никакихъ. Чиновничество въ городѣ за нѣсколькими исключеніями до такой степени было грубо, невѣжественно и недобросовѣстно, что отказываюсь описывать факты продѣлокъ ихъ, касавшихся чести и имуществъ другихъ и о которыхъ продѣлкахъ сами виноватые разсказывали съ полною радостію, не скрывая дурныхъ своихъ дѣлъ.

На волю Божію мы рѣшились ѣхать въ Петербургъ. Я надѣялся, что тамъ, въ 11-ть лѣтъ, проведенныхъ мною въ провиціи, репутація моя еще не совсѣмъ заглохла. Но главное при этомъ, меня озабочивалъ зимній возокъ, въ которомъ бы я съ беременной женой и тремя маленькими дочерьми, со всемъ багажемъ, могъ бы, на тройкѣ почтовыхъ, доѣхать до Петербурга. Бывшій у меня Казанскій возокъ, крытый въ видѣ кареты, очень удобный для такой ѣзды, выпросилъ у меня судья В. А. Муромцевъ за 6-ть рублей, когда возокъ стоилъ не менѣе 25 руб. Когда же я, въ моей крайней нуждѣ, обратился къ г. Муромцеву съ просьбою уступить мнѣ обратно возокъ, я получилъ рѣшительный отказъ. Къ счастію я вскорѣ узналъ, что, верстахъ въ трехъ отъ Ельни, помѣщикъ дѣлаетъ для себя крытый возокъ. Я къ нему съ покорнѣйшею просьбою уступить тотъ. Помѣщикъ, фамиліи коего не помню, оказался весьма добрый человѣкъ. Угостивъ меня отлично, онъ выпросилъ за возокъ, который дѣлался его крестьянами въ кузницѣ, 12 рублей. Этотъ возокъ гораздо менѣе Казанскаго другого; но лучшаго въ Ельнѣ нельзя было достать. Возокъ поспѣлъ къ началу Декабря 1846 года. Продавъ все, чего нельзя было помѣстить въ возкѣ, за безцѣнокъ, 3 числа мы пустились въ дорогу, разсчитывая 4 числа, въ день имянинъ Варвары Евгеніевны, жены И. Я. П., попасть къ нимъ на имянины; но дорогою насъ застала страшная вьюга, занесшая снѣгомъ буквально всѣ дороги. Замѣчательно, во время нашей ѣзды была сильная гроза, съ молніею и громомъ. Лошади между тѣмъ въ сугробахъ выбились изъ силъ, и намъ приходилось въ полѣ ночевать. Къ счастію недалеко въ сторонѣ было помѣстье барона Черкасова. Мы туда и свернули на авось. Уже почью едва едва мы добрались до усадьбы Черкасова. Спасибо, управляющій оказался весьма добрымъ человѣкомъ, да и г. Черкасовъ слылъ за добраго, гостепріимнаго человѣка. Насъ управляющій принялъ, отвелъ намъ теплую комнату, подали самоваръ и закуску. Мы съ ранняго утра отправились изъ Ельни и до глубокой ночи блуждали по сугробамъ, всѣ мы сильно проголодались и особенно мучились отъ жажды. Но тутъ, спасибо добрымъ людямъ, въ полѣ не замерзли и утолили жажду и голодъ. 5 числа мы

добрались до имѣнія жены П. Тутъ мы еще болѣе обогрѣлись и оправились. Еще замѣчательный фактъ: у жены моей, при отправленіи въ дорогу сильно болѣли глаза, но дорогою, не смотря на вьюгу, болѣзнь эта сама собой прошла.

6-го Декабря, поблагодаривъ хозяевъ, мы, на тройкѣ лошадей добрѣйшей хозяйки, доѣхали до Смоленска. Хозяинъ тройки, когда рѣчь зашла о дачѣ намъ лошадей, на отрѣзъ отказался дать подъ нашъ возокъ своихъ, купленныхъ при мнѣ въ Ельнѣ, сѣрыхъ въ яблокахъ коней. Спасибо Варварѣ Евгеніевнѣ: она насъ въ этомъ случаѣ выручила. Отъ Смоленска до Петербурга мы доѣхали на почтовыхъ благополучно.

Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ я сдѣлалъ визиты лицамъ, бывшимъ моими начальниками и товарищами. Вездѣ я встрѣчалъ радушный пріемъ. На сердцѣ у меня становилось легче. Былъ у П. Д. Илличевскаго, занимавшаго должность товарища министра юстиціи, и у Д. Н. Замятина, бывшаго въ Сенатѣ герольдмейстеромъ. Оба они, по благородству души и доброму сердцу, принимали во мнѣ живѣйшее участіе, когда я хлопоталъ о допущеніи меня къ испытанію на званіе аудитора. Первый на счетъ желанія моего служить въ Петербургѣ не сказалъ мнѣ ни приказа, ни отказа, хотя и принялъ меня весьма радушно. Второй, т.-е. Димитрій Николаевичъ, принявъ меня просто, распросилъ только объ аудиторской службѣ и, услышавъ желаніе мое поступить на службу, предложилъ мнѣ мѣсто столоначальника въ Герольдіи Правительствующаго Сената съ тѣмъ, чтобы я на другой день (это было предъ самыми праздниками Рождества Христова) явился къ нему въ Герольдію. Такъ я и сдѣлалъ. Дмитрій Николаевичъ ввелъ меня въ общее присутствіе Герольдіи, отрекомендовалъ всѣмъ членамъ и, назначивъ меня въ дворянскую экспедицію, передалъ управляющему оною, А. Г. Евреинову, достойнѣйшему и благороднѣйшему человѣку. Съ того дня началась моя служба въ Герольдіи въ видѣ, впрочемъ, испытанія; поэтому просьбы объ опредѣленіи я не подавалъ, дабы не лишиться своей пенсіи. Вскорѣ въ этомъ высшемъ учрежденіи я познакомился съ дѣлопроизводствомъ настолько, что составлялъ доклады по дѣламъ дворянскимъ и родословныя изъ оныхъ, которыя вмѣстѣ съ докладами, по отпечатаніи, докладывались въ присутствіи Герольдіи. Особенно я много трудился съ корректурою этихъ документовъ; держалъ корректуру всегда у себя на квартирѣ по вечерамъ и ночью со старшею своею дочерью Александрою, 8-ми съ небольшимъ лѣтъ, хорошо читавшею. Корректурою всегда срочною я себя и особенно дочь сильно изнурялъ. Ночью оба, полусонные, усталые донельзя, должны были къ утру кончать дѣло, дабы свѣренные и выправленные листы могли быть переданы въ сенатскую типографію, гдѣ меня по исправности уже всѣ знали.

Товарищъ герольдмейстера добрѣйшій А. Г. Евреиновъ, обративъ на меня особенное вниманіе, сталъ оказывать мнѣ искреннее благорасположеніе отъ того особенно, что по порученнымъ ему важнымъ секретнымъ дѣламъ, не касавшимся дѣлъ Герольдіи, мнѣ удалось оказать ему услугу, въ сущности неважную, но его, по экстренности дѣлъ, весьма интересовавшую [1]). По Герольдіи также были дѣла, кои мною производились и по коимъ начальство оставалось довольнымъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Д. Н. Замятинъ представилъ министру юстиціи, графу Панину, докладную записку объ опредѣленіи меня въ Герольдію столоначальникомъ, а какъ утвержденіе министромъ записки почему-то замедлилось, то я обратился къ знавшему меня хорошо товарищу министра П. Д. Илличевскому; но онъ, сказавъ нѣсколько словъ о новыхъ порядкахъ, принятыхъ графомъ Панинымъ, съ пріятною улыбкою отвѣчалъ, что утвержденіе меня въ должности отъ него не зависитъ и въ пользу мою ничего сдѣлать не можетъ. Это меня огорчило тѣмъ болѣе, что онъ принималъ во мнѣ живѣйшее участіе при представленіи меня къ испытанію и производству въ аудиторы. (Благосклонность его ко мнѣ до того простиралась, что онъ самъ выправилъ мою записку, заготовленную мной къ подачѣ статсъ-секретарю М. А. Балугьянскому, прибавивъ въ ней важный фактъ, именно: *что я, по порученію чиновниковъ, составлялъ для нихъ записки* изъ законовъ, о чемъ онъ и другіе чиновники въ Государевой канцеляріи хорошо знали, но чего я самъ не посмѣлъ включить въ свою записку). Я подумалъ тогда, что въ 11-ть лѣтъ могли и теплыя сердца охладѣть къ добру [2]). Вскорѣ получена и записка объ отказѣ мнѣ въ опредѣленіи въ Герольдію на томъ основаніи, что я не имѣлъ аттестата одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. На то мѣсто, которое мнѣ предназначалось, былъ опредѣленъ министромъ юстиціи молодой человѣкъ, только что выпущенный изъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія.

Итакъ я опять очутился почти въ безотрадномъ положеніи. Но Дмитрій Николаевичъ, по добротѣ своей, успокоилъ меня тѣмъ, что, по утвержденіи предположенія о преобразованіи Герольдіи въ департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената, могутъ открыться такія

---

[1]) Дѣла эти производились въ высочайше учрежденныхъ изъ лицъ разныхъ министерствъ коммиссіяхъ: 1-ое о предсѣдателѣ 1-го департамента С-Петербургской Управы Благочинія д. с. с. Клевенсвомъ, который разстратилъ 600,000 взятыхъ денегъ; и 2-е о подложныхъ документахъ, въ залогъ представленныхъ по откупамъ нѣкіимъ богатѣйшимъ откупщикомъ Грекомъ, съ товарищами его.

[2]) Я долженъ признаться въ этомъ случаѣ, что благородство и доброта Илличевскаго, какъ ниже разъяснится, отъ времени нисколько не измѣнились. Къ сожалѣнію, этотъ полезный для отечества человѣкъ вскорѣ умеръ. Дай Боже ему царствіе небесное!

мѣста, на одно изъ коихъ и я могу быть помѣщенъ, напримѣръ на должность экзекутора и т. п. Между тѣмъ, пока новый штатъ утвердится, онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить, въ качествѣ писца, съ каммергеромъ В. А. Казадаевымъ въ г. Казань, куда послѣдній назначался для обревизованія всѣхъ учрежденій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Плата за мои труды мнѣ назначалась по 50 руб. въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ. Поѣздка эта разсчитывалась не болѣе, какъ на три мѣсяца, въ теченіе коихъ и означенный штатъ, можетъ быть, утвердится. Состоя въ Герольдіи, я получалъ только 20 руб. въ мѣсяцъ (изъ канцелярскихъ суммъ по 10 и отъ секретаря Масалина по 10 руб., за корректуру, доклады и другія мои труды). Сверхъ того, такъ какъ въ Герольдіи тогда накопилось много дѣлъ, въ особенности о Польской шляхтѣ, обязанной доказать свои дворянскія права (иначе они приписывались въ городскія податныя сословія), о баронскомъ достоинствѣ Остзейскихъ дворянъ и княжескомъ достоинствѣ Кавказскихъ горцевъ, а составъ Герольдіи былъ слишкомъ недостаточенъ, и проектировался новый штатъ: то залежавшіяся дѣла, особенно по несоблюденію разныхъ формальностей подлежавшія отказу въ утвержденіи, передавались мнѣ съ тѣмъ, чтобы я объяснялъ просителямъ, за чѣмъ дѣла ихъ подлежатъ отказу и что̀ въ дополненіе ихъ должно сдѣлать, чтобъ дѣла скорѣе могли рѣшиться въ пользу просителей. Это отступленіе отъ формалистики допускалось изъ уваженія къ высшимъ лицамъ. По такимъ дѣламъ я, по объясненію съ просителями, получалъ деньги на гербовую бумагу, для просьбъ, для списанія копій съ документовъ и на переписку. Случалось, деньги у меня оставались и достаточно награждали за сіи частыя, но всегда экстренныя работы. Но съ другой стороны, довольствуясь словесно благодарностію, приходилось трудиться почти даромъ, когда просители давали денегъ, по ихъ дѣламъ, почти въ обрѣзъ. Съ такими доходами, при усиленныхъ моихъ трудахъ, мой мѣсячный бюджетъ не составлялъ постоянно и 50 р.

За тѣмъ предлагаемая мнѣ поѣздка въ г. Казань казалась выгодною и лестною потому, что она открывала мнѣ шире горизонтъ знакомства съ мѣстностями, людьми и дѣлами, которыхъ до того я не зналъ.

Въ началѣ Мая 1847 я явился къ г. Казадаеву и сговорился съ нимъ объ условіяхъ и времени нашей поѣздки. Но тутъ послѣдовала для насъ небольшая остановка. Для жены моей съ четырьмя малолѣтними дѣтьми нужна была покойная и безопасная квартира, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ у меня родился сынъ Василій, котораго мать сама кормила грудью. Кстати г. Казадаевъ поручилъ мнѣ: при наймѣ для моего семейства удобной квартиры, выгодать отдѣльную комнату для его мебели и женщины, его прислуги. Сундукъ же съ его драгоцѣнностями и капиталами, для хранешія, я отвезъ и лично сдалъ извѣстному богачу, золо-

топромышленнику Яковлеву, жившему на Михайловской площади въ собственномъ домѣ. Къ счастію я скоро пріискалъ помѣщеніе и для себя и для вещей съ бабою г. Казадаева, на Вознесенскомъ проспектѣ въ домѣ вдовы сенатора Н. С. Берниковой, добрѣйшей старушки, которую я просилъ лично, чтобы оказала свое покровительство моей семьѣ. Она съ охотою это обѣщала. Тутъ и Невидимый Божій промыслъ мнѣ помогъ. Тогда мнѣ только страннымъ показалось, что сенаторша не взяла моего, посланнаго чрезъ дворника, указа объ отставкѣ, когда я совсѣмъ перетащился въ домъ ея, на квартиру, равно и денегъ впередъ за мѣсяцъ, и просила, чтобъ я лично передалъ ей то и другое. Что за прихоть? подумалъ я. Не все ли ей равно отъ меня или чрезъ дворника получить мой видъ и деньги? Нечего было дѣлать: пришлось исполнить желаніе предоброй, правда, барыни. Когда я вручалъ ей видъ на жительство моей семьи и деньги, хозяйка Надежда Сергѣевна не обратила на нихъ почти никакого вниманія, а стала въ подробностяхъ отъ меня узнавать: какъ я жилъ въ Шкельтофѣ, кто и каковъ былъ мой начальникъ, хорошо ли тамъ жить, какова природа, люди? и т. п. Думая скорѣй отъ нея отдѣлаться, я однако съ подобающею вѣжливостію удовлетворилъ хозяйку и простился съ нею, спѣша къ г. Казадаеву, торопившемуся своимъ отъѣздомъ; мнѣ же для себя и по порученію его нужно было сдѣлать кое-какія покупки на такую дальнюю дорогу. Между тѣмъ, какъ послѣ разъяснилось, по возвращеніи нашемъ уже изъ Казани, любопытство генеральши клонилось къ развязкѣ того узла, который, завязавшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ, къ общему удовольствію, развязаться чрезъ меня...

Наконецъ, уладивъ всѣ дѣла, я съ г. Казадаевымъ отправился, 6-го Мая въ г. Казань чрезъ Москву и Нижній Новгородъ. Въ Москвѣ мы пробыли только нѣсколько дней. Между визитами г. Казадаевъ сдѣлалъ таковой и извѣстному генералу А. П. Ермолову, бывшему въ опалѣ. Ермоловъ пріѣзжалъ въ гостинницу къ г. Казадаеву; но какъ сего послѣдняго не было на лицо, то мнѣ пришлось Ермолову давать о томъ отзывъ. Наружность сего героя тогда уже украшалась серебристою сѣдиною. На взглядъ онъ казался атлетистымъ, сильнымъ, здоровымъ и способнымъ командовать полками и для службы отечеству. Вся его наружность внушала невольное къ нему уваженіе. Читая его подлинныя записки, полныя въ рукописи, невольно жалѣешь, что этотъ даровитый военный человѣкъ вдавался въ рѣзкости и безъ милосердія громилъ Нѣмцевъ и всѣхъ лицъ, кого хотѣлъ выставить съ невыгодной стороны. Перо его не писало, а рѣзало правду-матку, не смотря на лица и обстоятельства, въ коихъ они находились.

Изъ Москвы до Нижняго мы доѣхали въ колескѣ, которую пришлось тутъ оставить для починки. Отъ Нижняго до Казани ѣхали водою. на пароходѣ. Въ Казани я засѣлъ въ нанятой г. Казадаевымъ приличной квартирѣ, близко къ присутственнымъ мѣстамъ, у самаго публичнаго сада, съ окнами и балкономъ въ садъ. За квартиру, столъ и экипажъ г. Казадаевъ платилъ, кажется, 100 руб. въ мѣсяцъ. Но вина, чай, кофе, фрукты и пр. были, сверхъ того, на счетъ Казадаева, и это все покупалось или мной или людьми Казадаева, коихъ онъ взялъ съ собою. старика и мальчика, бывшихъ дурно одѣтыми и неряшливыми. Такова была наша обстановка.

По условіямъ уговора, во время ревизіи дѣлъ, на мнѣ лежала обязанность самой строгой тайны всего того, что касалось ревизіи учрежденій и дѣлъ оныхъ. Сношеній съ служащими въ нихъ лицами я не долженъ былъ имѣть ни подъ какимъ видомъ. Все это я строго соблюдалъ и ни съ кѣмъ въ Казани не знакомился, почти нигдѣ не былъ и города почти не видалъ, кромѣ церкви въ Кремлѣ и моихъ посаженныхъ дѣтей, Прокофьевыхъ, не далеко отъ нашей квартиры жившихъ въ собственномъ домикѣ, о которыхъ мѣсяцъ спустя узналъ я случайно отъ почтальона, приносившаго намъ пи́сьма *).

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ г. Казани, въ 1847 году, былъ военнымъ губернаторомъ Баратынскій, всѣми любимый и уважаемый человѣкъ, вице-губернаторомъ состоялъ статскій совѣтникъ Завилейскій, управлявшій всею губерніею, а полиціймейстеромъ г. Казани полковникъ Крюдинеръ. Четвертое дѣйствовавшее въ губерніи лицо былъ совѣтникъ Губернскаго Правленія. Съ нимъ-то наиболѣе г. Казадаеву приходилось имѣть дѣло, а я сихъ лицъ и въ глаза не видалъ, кромѣ Крюдинера, часто являвшагося по дѣламъ къ г. Казадаеву, но со мной не входившаго въ разговоры. Описаніе всѣхъ дѣйствій ревизіи не входитъ въ планъ моихъ записокъ. Я, поэтому, ограничусь только нѣсколькими эпизодами оной, сохранившимися чрезъ 30 слишкомъ лѣтъ въ моей памяти.

Городничій стараго покроя въ какомъ-то городкѣ прогнѣвался за что-то на жившаго въ ономъ чиновника, кажется, коллежскаго секретаря и молодого человѣка, потребовалъ его къ себѣ въ городническое

*) Въ 1836 году, когда я служилъ въ 13-мъ округѣ, мнѣ, какъ благонадежному чиновнику, поручили подъ надзоръ дѣвицу Нѣмку лѣтъ 18-ти, Анну, только прибывшую въ округъ акушеркою, изъ института, прехорошенькую собою. Случайно былъ у меня аудиторъ 13 округа Прокофьевъ и, увидѣвъ ее, влюбился по уши. По просьбѣ его, эта молоденькая акушерка, согласилась выдти за него замужъ, свадьба состоялась; я на оной былъ и сватомъ, и посаженнымъ отцемъ. Прокофьевъ скоро вышелъ въ отставку и поселился на родинѣ своей въ Казани.

правленіе, тамъ, чрезъ полицейскихъ служителей, наказалъ его розгами 300 ударами и продержалъ его трое сутокъ *въ жарѣ*, а потомъ уже бѣднаго чиновника выпустилъ на бѣлый свѣтъ. Тотъ же городничій, приказавъ схватить мѣщанина, тоже по какому-то личному неудовольствію и приведя къ колодцу, велѣлъ вылить ему на голову 20 бадей холодной воды. Несчастная жертва сумасброднаго городничаго чрезъ нѣсколько дней отправилась на тотъ свѣтъ искать правосудія на своего убійцу. Оба дѣла объ истязаніяхъ чиновника и смерти мѣщанина, какъ ни хлопотали первый самъ за себя, а за послѣдняго родственники, было закрыто Завилейскимъ, пока г. Казадаевъ не выкопалъ дѣлъ изъ-подъ спуда. Просьбы доходили до Сената и министра и въ концѣ концовъ попадали въ Губернское Правленіе, гдѣ клались подъ сукно.

Одинъ купецъ 1-й гильдіи, если память мнѣ не измѣнила, долженъ былъ, по дѣламъ своимъ, изъ уѣзднаго города, гдѣ жилъ, проѣзжать чрезъ г. Казань и тамъ остановиться въ извѣстномъ мѣстѣ. Чиновникъ того же города, откуда предстояла поѣздка купцу, предварительно оной, пишетъ записку квартальному надзирателю Казани, такого приблизительно содержанія: «Любезный другъ NN., на дняхъ будетъ проѣзжать чрезъ вашъ городъ нашъ купецъ (такой-то); сдѣлай одолженіе, задержи его въ Казани на нѣсколько дней. Исполненіемъ сей просьбы ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе» и проч. Такъ и было исполнено Казанскимъ квартальнымъ, который купца, имѣвшаго важныя торговыя дѣла и которому время было весьма дорого, съ недѣлю или около того продержалъ напрасно въ полиціи. По этому дѣлу купецъ тоже не нашелъ никакого правосудія. У Завилейскаго оно также лежало, до ревизіи нашей, подъ спудомъ.

Въ г. Казани, какъ извѣстно, большую часть жителей составляютъ Татары, торговаго, фабричнаго, ремесленнаго и мѣщанскаго сословій. Этотъ остатокъ Золотой Орды не совсѣмъ сочувственно относится къ Русскому элементу. Поэтому въ Казани часто бывали большіе пожары, въ произведеніи которыхъ наиболѣе обвинялись Татары. За нѣсколько лѣтъ предъ ревизіею г. Казадаева, во время большого пожара, были обнаружены грабежи, при коихъ у несчастныхъ погорѣльцевъ, ночью насильно отнималось то, что̀ ими съ большими усиліями было спасено отъ огня. Казанская полиція явилась однакожъ защитницею ограбленныхъ жителей. У грабителей много было розыскано награбленнаго на пожарѣ имущества, поступившаго, до разъясненія и розысканія законныхъ владѣльцевъ, подъ надзоръ полиціи. Но въ полиціи серебряныя и другія цѣнныя вещи улетучились. По этому запутанному дѣлу обиженные пожаромъ и грабежемъ не находили правосудія.

Въ г. Казани или въ окрестности оной есть мѣстность, называемая Швейцаріею. Тамъ богатые жители имѣли на лѣто свои дачи; въ числѣ ихъ и Завилейскій. Сей послѣдній къ своей дачѣ прихватилъ часть земли, принадлежавшей женскому монастырю. До ревизіи никакія хлопоты о возвратѣ монастырю земли не имѣли никакого успѣха.

Всѣ означенныя дѣла, вырванныя изъ множества подобныхъ, г. Казадаевымъ были представлены министру внутреннихъ дѣлъ, на усмотрѣніе и рѣшеніе. Ему-же представлены пространныя записки и обо всѣхъ обозрѣнныхъ ревизоромъ учрежденіяхъ и дѣлахъ. Въ запискахъ сихъ, нами обоими составленныхъ, г. Казадаевъ держался принциповъ благородныхъ и разумныхъ. Такимъ образомъ продолжалась ревизія дѣлъ, смѣю завѣрить, честно и добросовѣстно, какъ вдругъ, въ самые лѣтніе жары, въ Казани появилась сильнѣйшая холера. Работы наши пріостановились, именно остались необревизированными учрежденія въ уѣздныхъ городахъ Казанской губерніи.

Холера, бичъ рода человѣческаго, изъ Азіи къ намъ занесенная, тогда еще медициною малоразгаданная, въ 1847 году, въ Казани дѣйствовала страшнымъ образомъ. Въ началѣ появленія холеры, г. Казадаевъ, какъ лицо въ городѣ видное, хотѣлъ показать и смѣлость и гуманность относительно заболѣвавшихъ холерою и оказанія имъ пособія. Онъ осмотрѣлъ градскія больницы, но въ нихъ не нашелъ не только докторовъ, но даже очень мало и фельдшеровъ. Все въ страхѣ разбѣжалось. О лучшемъ положеніи холерныхъ онъ, однакоже, не отказывался хлопотать, но едва-ли былъ отъ того какой толкъ.

Казадаевымъ, на всякій случай, былъ приглашенъ докторъ профессоръ Казанскаго Университета А. А. Киттеръ. Онъ насъ навѣщалъ по два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Подъ вліяніемъ и по совѣтамъ его шла наша жизнь относительно пищи, питья и вообще содержанія себя. Такъ онъ воспретилъ намъ занятія дѣлами ревизіи, совѣтуя, вмѣсто того, легкое и пріятное развлеченіе книгами, картами хоть въ дурачки, и вообще совершенно покойное препровожденіе времени. Такъ мы провели довольно времени въ совершенной праздности. Г. Казадаеву всякій выходъ изъ комнатъ былъ воспрещенъ, и онъ сидѣлъ все дома; но я вездѣ ходилъ, пилъ и ѣлъ по обыкновенію, такъ какъ на мнѣ лежали невинныя по хозяйству закупки, перемѣна въ библіотекѣ книгъ легкаго чтенія и т. п. и Богъ меня миловалъ. Къ большему нашему страху, намъ подбрасывали анонимныя письма, коими насъ предупреждали, что, *подъ формою холеры, насъ хотятъ выпроводить изъ Казани....* Мы смѣялись, но замѣтно было, что письма эти непріятно вліяли на г. Казадаева. Вдругъ въ немъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Онъ хандрилъ, капризничалъ, казался безъ видимой причины раздражительнымъ

и чаще наединѣ съ докторомъ о чемъ-то совѣтовался. Что за чертовщина, думаю: напугали анонимныя письма? Но дѣло скоро объяснилось. Профессоръ г. Киттеръ однажды мнѣ внушительно объяснилъ, что во время эпидеміи тѣло свое должно держать сколь возможно въ нормальномъ состояніи, не изнуряя себя ни голодомъ, ни холодомъ, ни излишними занятіями дѣлами и т. п. Это я уже знаю. Но что, думаю, дальше? А дальше г. Киттеръ объяснилъ, что по опасному положенію В. А. ему непремѣнно нужна барышня, молодая и приличная, которая могла бы развлекать и успокоивать больного, и чтобы я поэтому озаботился скорѣйшимъ пріисканіемъ такой барышни. Это заявленіе поразило, огорчило и крайне меня удивило... Я, сконфузясь, наотрѣзъ Киттеру объявилъ, что подобныхъ порученій я на себя никогда не бралъ и брать не намѣренъ... По случаю моего отказа порученіе было возложено на хозяйскаго кучера. Нимфы стали часто являться и мѣняться, смотря по вкусу больного субъекта. Этотъ способъ леченія дѣйствительно имѣлъ успокоительныя послѣдствія, и для многихъ, особенно богатыхъ, пресыщенныхъ особъ, онъ считается однимъ изъ радикальныхъ средствъ.

Отказъ мой пріискать барышню имѣлъ однако неотрадныя для меня послѣдствія. Г. Казадаевъ сдѣлался ко мнѣ менѣе прежняго благосклоннымъ; но я выдержалъ и при его рѣзкихъ выходкахъ не позволилъ себѣ нарушить спокойнаго, по наружности, положенія, имѣя постоянно въ виду оправдать рекомендацію добрѣйшаго Дмитрія Николаевича. Между тѣмъ читатель можетъ судить о положеніи моемъ по тяжелому характеру г. Казадаева. Этотъ господинъ держалъ себя вполнѣ какъ Русскій баринъ старыхъ временъ, съ своею хорошею и худою стороною; происходя отъ богатыхъ родителей [1]), съ дѣтства не привыкъ стѣсняться и выросъ на своей волѣ, связанный только внѣшними приличіями знатнаго барства. Хорошая салонная выправка, языки Французскій и Нѣмецкій открывали дорогу въ большой свѣтъ. Онъ, помню, гордился родствомъ съ бывшими шефомъ жандармовъ графомъ Орловымъ [2]) и предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній княземъ Голицынымъ. Не

---

[1]) Отецъ его, въ отставкѣ тайный совѣтникъ, по словамъ В. А. когда-то управлялъ Министерствомъ Финансовъ, былъ богатый, добродушный человѣкъ, имѣлъ въ Петербургѣ въ Шпалерной улицѣ большой каменный домъ. (Онъ и Павловскій временщикъ графъ Кутайсовъ женаты были на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ купца Балкашина, которому императрица Елисавета дала имя Рѣзваго и дворянское достоинство за то, что онъ отлично плясалъ трепака. Слышано отъ самаго В. А. Казадаева). П. Б.

[2]) Графъ А. Ѳ. Орловъ—сынъ купеческой дочери Гусятниковой (жены придворнаго служителя Попова); а князь А. Ѳ. Голицынъ женатъ былъ на графинѣ Н. И. Кутайсовой, двоюродной сестрѣ Владимира Александровича Казадаева. П. Б.

менѣе того ссылался часто на покровительство графа В. Ѳ. Адлерберга 1-го, бывшаго тогда не помню въ какой должности. При такихъ условіяхъ, въ добрый часъ вполнѣ былъ добрый баринъ; въ дурной часъ никто на глаза не показывайся, при чемъ, къ чести его, никогда не дрался, но бранился непрестанно, худо ли хорошо ли люди дѣлали. Отъ этого послѣдніе до того сдѣлались привычными къ барскимъ ворчанью и брани, что часто упускали исполнять его приказанія. Въ большой пожаръ, лѣтомъ 1847 года, бывшій въ Казани (при чемъ болѣе 200 домовъ сгорѣло до тла) г. Казадаевъ, какъ я самъ видѣлъ на другой день пожара, вынувъ изъ шкатулки большую пачку кредитныхъ билетовъ, роздалъ ихъ лично пострадавшимъ отъ огня. Кромѣ того, помогалъ бѣднымъ и изъ благороднаго званія, приходившимъ къ нему съ просьбами о пособіи. Рядомъ съ такою похвальною чертою онъ крайне подозрителенъ и къ людямъ вообще недовѣрчивъ. Я думаю, служба его предъ тѣмъ въ Восточной Сибири почтдиректоромъ, гдѣ онъ по должности многое изъ сокровеннаго могъ узнать и насмотрѣться на тамошніе порядки, сдѣлала его сильно подозрительнымъ. Словомъ сказать, изъ него вышелъ оригиналъ, добрый когда къ тому выпадетъ минута, но болѣе дома у себя претяжелый человѣкъ. Между чужими, особенно въ гостяхъ, свѣтскій, образованный и любезный баринъ; съ близкими дома, хоть бѣги отъ него: непрерывная воркотня и брань. Я говорю все сіе, судя по тому, что̀ видѣлъ и испыталъ лично 30-ть лѣтъ тому назадъ. Время, опытъ, могли и смягчить нравъ и умудрить человѣка. Относительно расчетовъ со мной онъ поступалъ постоянно честно и добросовѣстно.

Вмѣсто 3-хъ, мы прожили въ Казани болѣе 8-ми мѣсяцевъ, и зачѣмъ, во время холеры, тамъ напрасно сидѣли, я не могу объяснить. Кажется, напрасно. По счету Казадаева житье наше тамъ ему стоило 22 т. руб., изъ коихъ болѣе всего вышло *на его оздоровленіе*, какъ сказано выше. Въ Январѣ 1848 года мы рѣшили вернуться въ С.-Петербургъ, не опредѣливъ, по какой дорогѣ. По дорогѣ на Нижній уже свирѣпствовала холера. Частный случай на этомъ пути пугалъ г. Казадаева. Не задолго до нашего отъѣзда, проѣздомъ изъ Сибири въ Петербургъ, обѣдалъ съ нами и пилъ чай нѣкто Пятницкій, бывшій въ Сибири губернаторомъ и тамъ познакомившійся съ г. Казадаевымъ. Этотъ мущина былъ лѣтъ 40, полный, здоровый. За столомъ онъ много говорилъ о холерѣ; изъ словъ его можно было заключать, что онъ этой страшной гости нисколько не боялся и шутилъ на ея счетъ. Между тѣмъ пилъ и ѣлъ, съ апетитомъ, отлично. Когда подавали чай, ему особенно приготовляли самый крѣпкій. Простились съ нимъ, пожелавъ ему хорошаго пути. Отправился онъ по дорогѣ, на Нижній. Недалеко отъѣхавъ отъ Казани, на станціи заболѣлъ холерою и какъ тамъ это былъ

первый холерный случай, то всѣ со станціи разбѣжались, и г. Пятницкій чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, не получивъ ни отъ кого ни малѣйшей помощи. Этотъ несчастный случай заставилъ насъ избрать другой путь, гдѣ холеры еще не было.

Предъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Казадаевъ пригласилъ съ собою ѣхать профессора Киттера, обѣщая сему послѣднему профессорское мѣсто въ Медико-Хирургической Академіи. Итакъ, заручившись на всю дорогу отличнымъ докторомъ, мы выѣхали изъ Казани въ половинѣ Января 1848 года, такъ называемою низовою дорогою, гдѣ холеры еще не было. Изъ этой поѣздки можно отмѣтить два эпизода, меня поразившіе. Когда мы пріѣхали въ село Лысково, на берегу рѣки Волги расположенное и принадлежавшее богатому помѣщику князю Грузинскому, г. Киттеръ отправился къ владѣльцу села просить гостепріимства. Между тѣмъ, оставаясь на дворѣ при 20° морозѣ, мы досадовали, что пріѣхали не впопадъ: ибо у князя всѣ окна были очень свѣтлы отъ внутренняго освѣщенія и въ залахъ гремѣла бальная музыка, изъ чего и заключили, что у него гости и балъ. Но когда Киттеръ вернулся отъ князя, онъ пригласилъ насъ войти въ назначенныя для насъ комнаты, и мы втроемъ размѣстились въ теплой и свѣтлой большой гостиной, каждый по особой стѣнѣ и на особыхъ мягкихъ диванахъ. Мы только успѣли обогрѣться и переодѣться, какъ насъ позвали къ ужину, ибо время было около полуночи. Самъ хозяинъ князь Грузинскій принялъ всѣхъ насъ привѣтливо и весьма радушно. Съ Киттеромъ онъ давно былъ знакомъ, съ Казадаевымъ только познакомился, ко мнѣ отнесся съ благоволительнымъ вниманіемъ. Князь былъ высокаго роста, согбенный уже старостью и украшенный сѣдинами, лѣтъ болѣе 80-ти, но твердый на ногахъ и въ разговорѣ. Онъ тогда въ Лысковѣ доживалъ свой вѣкъ, со всею многочисленною своею дворнею и съ хоромъ наемной музыки, которою услаждалась наиболѣе праздная дворня; а ея, говорили, было свыше 300 человѣкъ, только для услугъ одного барина!...

Столъ для насъ былъ приготовленъ роскошный, бутылокъ съ винами и блюдъ съ кушаньемъ было много. Но меня особенно удивило то, что за каждымъ лицомъ, сидѣвшимъ за столомъ (а сидѣло всѣхъ пятеро: князь, насъ трое и становой приставъ) было по пяти гайдуковъ-лакеевъ. И они ловко исполняли свое дѣло: только руки отъ тарелки примешь, тарелка исчезала. Нѣкоторыхъ кушаньевъ я почти не ѣлъ. Вина столоваго я выпилъ рюмкѣ двѣ. Въ виду холеры, которая въ Лысковѣ еще не появлялась, мы всѣ были за столомъ осторожны. Случай съ Пятницкимъ всѣхъ напугалъ. На другой день мы отобѣдали и, простившись съ гостепріимнымъ княземъ, отправились далѣе въ путь.

Дорогою намъ пришлось остановиться, для чаю и закуски, въ какомъ-то городкѣ Костромской губерніи, въ единственномъ имѣвшемся тамъ трактирѣ, на городской площади. Мы, перезябшіе, вошли въ комнаты, гдѣ было довольно простого народа, заняли особую комнату, изъ которой передъ окнами виденъ былъ эшафотъ, а внутри вся разнородная публика. Пока подавали самоваръ, и я развязывалъ свои закуски, взятыя на дорогу изъ Казани, г. Казадаевъ замѣтилъ, что въ углу, за особымъ столомъ, сидѣли военный офицеръ съ форменною на головѣ фуражкою и съ нимъ здоровый, ражій мужикъ и оба хорошо угощались водкой и закуской. На вопросъ его, кто этотъ офицеръ, половой отвѣчалъ, что смотритель тюрьмы, а мужикъ—палачъ, за нѣсколько предъ нами часовъ отшлепавшій кнутомъ преступника, смертоубійцу. Оба они дѣлали спрыски. Что̀ значитъ спрыски? спросили мы. «Да это, видѣте ль, когда преступника ведутъ къ наказанію, преступникъ даетъ палачу на водку, чтобъ легче билъ его кнутомъ. Ну вотъ съ этого палачъ и дѣлаетъ теперь съ смотрителемъ тюрьмы спрыски».

Это удивило г. Казадаева и, признаюсь, меня. Я въ душѣ тогда поблагодарилъ Бога, что Онъ мнѣ внушилъ отказаться отъ должности смотрителя Смоленскаго тюремнаго замка. Всѣ слабости и пороки имѣютъ свои постепенности. Что̀ мудренаго, въ теченіе времени, дойти и честному человѣку до такого нравственнаго униженія, съ которомъ видѣли мы офицера... Нужда человѣка гнетъ, грязная среда на него вліяетъ, и онъ незамѣтно падаетъ. Казадаевъ дважды приказывалъ половому позвать къ нему офицера; но офицеръ, видно, былъ ужъ порядочно выпивши, не пошелъ къ Казадаеву и отозвался рѣзко, что онъ не того вѣдомства.

Проѣздомъ чрезъ Кострому, гдѣ послѣ пожаровъ, истребившихъ этотъ городъ, былъ для возстановленія порядка военнымъ губернаторомъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, г. Казадаевъ передалъ князю объ офицерѣ, пировавшемъ въ трактирѣ съ палачемъ, и князь сказалъ, что отрѣшитъ офицера отъ должности смотрителя тюрьмы. Послѣ сего безъ приключеній мы прибыли въ Петербургъ.

Возвратясь въ Петербургъ, я остался не при чемъ. Штатъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената оставался еще въ проектѣ. Ждать опять поѣздки, для окончанія ревизіи уѣздныхъ учрежденій Казанской губерніи, мнѣ не было расчету; да и г. Казадаевъ, въ виду холеры, не могъ опредѣлить времени такой поѣздки и мнѣ о томъ ничего не говорилъ. Во всякомъ случаѣ окончаніе ревизіи по уѣздамъ могло быть не ранѣе лѣта, и могли обойтись безъ меня; ибо главное по ревизіи сдѣлано все въ г. Казани. Между тѣмъ, изъ насущнаго хлѣба для семейства, я потерялъ болѣе двухъ лѣтъ на частной службѣ, въ г.

Ельнѣ, въ Герольдіи и въ бытность при ревизорѣ въ г. Казани. Поэтому я рѣшился лучше вновь поступить на коронную службу, думая, что при стараніи, со временемъ, мало-по-малу, а чего нибудь добьюсь!...

По совѣту и рекомендаціи добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ Д. Н. Замятина и А. Г. Евреинова, 28 Марта 1848 года я поступилъ на службу въ бывшій Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства сперва чиновникомъ на усиленіе, съ жалованьемъ около 40 рублей въ мѣсяцъ. Сначала я очень боялся военныхъ порядковъ, въ этомъ учрежденіи существовавшихъ, съ коими я познакомился еще служа во II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи, подъ начальствомъ Сперанскаго, когда я занимался собраніемъ постановленій, вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ. Но лица, съ которыми я былъ знако́мъ по служенію въ Старорускомъ удѣлѣ пахатныхъ солдатъ, перешедшія также на службу въ Петербургъ и занимавшія видныя мѣста, меня успокоивали и сильно поддерживали своею рекомендаціею передъ новымъ моимъ начальствомъ. Я былъ сильно предубѣжденъ противъ всякихъ кривыхъ и безчестныхъ дѣлъ по службѣ; но къ счастію моему, дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, вполнѣ христіанинъ, генералъ-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, нынѣ (въ 1878 году) графъ и занимаетъ высшія мѣста у государственнаго кормила. Правда, по службѣ онъ былъ строгъ до мелочности, но вмѣстѣ добръ и разсудителенъ. Замѣчанія его всегда были кроткія и отеческія. Я его душой и сердцемъ полюбилъ и уважалъ искренно какъ родного отца. Другая личность, постоянно меня поддерживавшая, это былъ правитель канцеляріи Инспекторскаго Департамента, тогда полковникъ, а нынѣ генералъ-лейтенантъ Петръ Львовичъ Соболевскій, занимающій немаловажный постъ въ военной службѣ, тоже добрый, честный и благородный человѣкъ. Въ его рукахъ сосредоточивались дѣла по личному составу чиновъ всего департамента и военной типографіи и о всѣхъ политическихъ преступникахъ, Декабристахъ и другихъ. Я многимъ ему обязанъ признательностію, но благодарность моя еще живѣе мною оцѣнивалась бы, если бъ шутки его, хоть и отъ доброты сердца происходившія, не причиняли мнѣ часто глубокихъ огорченій. Напрасно иные баричи думаютъ, что приниженный бѣдностью человѣкъ долженъ терпѣть и за шутки не огорчаться. У каждаго честнаго и съ душою человѣка есть свое, родовое *я*, которое не должно быть поругано или унижено.

Далѣе моя служба видна изъ формулярнаго моего списка, и право оцѣнивать ее принадлежитъ начальству. Обращусь теперь къ старымъ знакомымъ и вкратцѣ скажу кое-что изъ прошлаго, все еще бросавшаго свои оттѣнки на мою частную жизнь въ Петербургѣ.

Я въ Декабрѣ 1845 года оставилъ въ Шкельтофѣ полковника Кена маленькимъ царькомъ. Ему не доставало только царицы. Но я тутъ явился случайно на помогу. Когда я возвратился изъ Казани къ своей семьѣ, тогда узналъ, что хозяйка сенаторша Берникова, ея двѣ дочери дѣвицы и два сына, служившіе въ гвардіи, оказывали моей женѣ и дѣтямъ всевозможное расположеніе: брали старшихъ дѣтей къ себѣ, забавляли и кормили ихъ лакомствами, коихъ дѣти мои въ провинціи даже не видали. Старшая дочь генеральши добрѣйшая Елисавета Александровна стала учить мою старшую дочь Александру музыкѣ на фортепіано и Французскому языку. Дѣти часто лакомства приносили и домой, для матери и меньшихъ дѣтей. Словомъ, мое семейство такъ берегли, что я кромѣ глубочайшей благодарности ничего не могъ сказать. И о такомъ-то случаѣ встрѣченной моимъ семействомъ доброты я писалъ подробно Кену, помня его хлѣбъ-соль, а главное чтобъ показать, что я съ семействомъ не погибъ и съ Божіею помощію еще существую. Чрезъ нѣкоторое время Кенъ явился у гг. Берниковыхъ и видѣлся со мною. Оказалось, что онъ, еще при жизни сенатора Берникова, будучи при генералѣ Фрикенѣ личнымъ адъютантомъ, искалъ руки старшей дочери Елисаветы; отецъ, гордый своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и слышать не хотѣлъ, чтобъ дочь вышла замужъ за какого-то бѣднаго адъютанта!.. Но время всемогуще. Отецъ померъ, оставивъ послѣ себя только домъ, довольно большой на Вознесенскомъ проспектѣ и много долговъ. Домъ безъ поддержки приходилъ въ разстройство. Дѣти между тѣмъ росли, и старшей дочери было уже лѣтъ около 30-ти. Пора давно идти бы ей замужъ. А тутъ, по письму моему, явился и женихъ, когда его не ожидали.. Случай сей, для меня вовсе непредвидѣнный, повелъ къ тому, что Кенъ женился на Елисаветѣ Александровнѣ. Я былъ и на свадьбѣ ихъ. Итакъ, Кенъ обрѣлъ себѣ царицу и увезъ ее въ свою резиденцію въ Шкельтофъ, гдѣ они, какъ слышно, жили весьма согласно и счастливо, но только недолго. Вслѣдствіе переобразованій мѣсто Кена было упразднено. Его перевели на службу въ Старорусскіе округа, гдѣ онъ умеръ отъ холеры, оставивъ женѣ все нажитое правдою и неправдою. Потомъ, когда сенаторша Берникова со вдовою-дочерью поселилась опять въ Петербургѣ, я и семейство мое постоянно пользовались добрымъ расположеніемъ всей этой доброй семьи, за что сохраняю до сихъ поръ живѣйшую мою благодарность. Много пріятныхъ дней и вечеровъ мы проводили у нихъ. Для полноты нахожу нужнымъ сказать, что вдова Елисавета Александровна потомъ вышла замужъ за вдовца, горнаго генералъ-лейтенанта Бутенева, управлявшаго въ Петрозаводскѣ литейнымъ заводомъ, образованнаго и весьма достойнаго человѣка (и этого мужа пережила). Онъ также, какъ и Кенъ, искалъ ея руки при

жизни ея отца, и ему также отецъ отказалъ наотрѣзъ. Бутеневъ, послѣ неудачнаго сватовства, успѣлъ дослужиться до чиновъ, женился, овдовѣлъ, оставилъ послѣ себя сына и двухъ дочерей, коихъ я видѣлъ при его жизни. Это благороднѣйшей души былъ человѣкъ и для отечества весьма полезный. За его службу вдовѣ и дочери назначены были хорошія пенсіи изъ Государственнаго Казначейства. Старушка Берникова давно умерла. Домъ еще при жизни ея былъ проданъ, и за уплатою долговъ на ея долю и на каждаго сына и на дочь досталось съ чѣмъ-то по 10 т. руб.

Читатель, я думаю, захочетъ узнать: какой результатъ вышелъ изъ ревизіи г. Казадаева? Отвѣчу. Самый странный и для насъ неожиданный. Ревизіею въ высшихъ сферахъ, по словамъ г. Казадаева, остались очень довольны, но вотъ что удивило и особенно поразило его.

Казанскій полиціймейстеръ полковникъ Кридинеръ и вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Завилейскій вслѣдствіе ревизіи были отрѣшены отъ своихъ должностей, и это сдѣлано было правильно. Но оба они вскорѣ явились въ Петербургѣ. Чрезъ разныя махинаціи, Кридинеръ прикомандированъ былъ къ образцовому пѣхотному полку, для узнанія порядка службы, и чрезъ полгода получилъ въ команду полкъ, потомъ былъ бригаднымъ генераломъ и т. д., значитъ: попалъ въ свою колею, съ коей до ревизіи нашей было сбился. Завилейскій получилъ мѣсто исправляющаго должность директора Департамента Внѣшней Торговли, мѣсто весьма приличное и особѣ въ чинѣ 3-го класса.

Сіи два случая страшно огорчили г. Казадаева, особенно послѣдній, тогда какъ дѣлами ревизіи положительно, какъ онъ думалъ, доказано, что Завилейскій всю Казанскую губернію обратилъ чуть не въ свою вотчину. Вся губернія наполнена была его агентами, чрезъ которыхъ онъ распоряжался какъ въ своемъ владѣніи. И что жъ? За это его такъ щедро наградили! Впрочемъ Завилейскій недолго продержался на такомъ высокомъ посту. Его скоро смѣнили съ этой должности.

Самъ г. Казадаевъ поприще службы своей кончилъ тоже неудачно. Мѣсто губернатора онъ получилъ въ Курскѣ, лучшей изъ внутреннихъ губерній. Но тамъ, при его гордомъ, брюзгливомъ и подозрительномъ характерѣ, столкнулся съ предводителемъ дворянства, Нелидовымъ, сестра коего, какъ говорили, была любимою при дворѣ фрейлиною. Поссорясь сильно въ Курскѣ, оба явились въ Петербургъ, гдѣ сойдясь въ Дворянскомъ Собраніи, еще больше козла задрали, вызывая другъ друга на дуэль. Вышелъ въ собраніи некрасивый скандалъ. Дошло, разумѣется, до Государя Императора Николая Павловича, сильно не любившаго подобныхъ дрязгъ. Въ концѣ концовъ г. Казадаевъ лишился мѣста губернатора и камергерскаго ключа и уѣхалъ съ досады во Францію, гдѣ жилъ до Крымской войны. Въ Крымскую войну онъ жилъ въ Москвѣ, по окончаніи войны опять уѣхалъ за границу и тамъ долго проживалъ.

Теперь онъ, кажется, вновь въ Москвѣ обрѣтается. По газетамъ видно, что онъ, отъ скуки, за границею, перевелъ въ стихахъ [1]) съ Французскаго на Русскій языкъ Тысячу и Одну Ночь или Арабскія сказки, которыя, по отпечатаніи, въ 4-хъ томахъ, пустилъ въ продажу весьма дорогою цѣною, по 2 рубля каждый томъ.

Изъ жизни собственно своей скажу, наконецъ, что, святымъ Промысломъ Божіимъ, молитва моя, написанная въ 1844 году, не осталась простымъ звукомъ скорбящаго отца [2]). Въ теченіе службы въ бывшемъ Инспекторскомъ Департаментѣ и въ Главномъ Штабѣ, я всѣмъ четыремъ дочерямъ [3]) успѣлъ дать приличное, по моему общественному положенію, образованіе. Одна воспитывалась въ частномъ хорошемъ пансіонѣ и усвоила языки, кромѣ Русскаго, Французскій Нѣмецкій и Польскій. Остальныя три кончили курсы: Софья въ Павловскомъ Институтѣ, Надежда въ Смольномъ на Александровской половинѣ и Евгенія въ въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ. Сія послѣдняя, изъ 40 слишкомъ ученицъ, вышла второю ученицею, съ наградою золотымъ шифромъ и съ помѣщеніемъ ея имени на мраморной доскѣ [4]). Всѣ онѣ замужемъ и имѣютъ своихъ дѣтей, а нашихъ внуковъ и внучекъ. Судьба всѣмъ выпала различная.

Не имѣя иныхъ средствъ, кромѣ получаемаго мной на службѣ содержанія, я всѣмъ жертвовалъ, чтобъ только дать дѣтямъ приличное образованіе, которое, вмѣсто приданаго, могло бы имъ въ жизни служить поддержкою. И, кажется, я въ этомъ успѣлъ. Но успѣхомъ образованія своихъ дѣтей, при моемъ къ тому упорномъ стремленіи, я наиболѣе обязанъ наиглубочайшею благодарностію добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ моимъ начальникамъ: сначала—графу Павлу Николаевичу *Игнатьеву* и генераламъ *П. І. Соболевскому* и благороднѣйшему *Герстенцвейгу*, бывшему дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его величества и потомъ погибшему въ Варшавѣ; и настоящимъ моимъ начальникамъ: военному министру, добрѣйшему и благороднѣйшему графу Дмитрію Алексѣевичу *Милютину*, также достойнѣйшему по душѣ и сердцу начальнику Главнаго Штаба графу Ѳедору Логиновичу Гейдену, и начальнику общаго Архива главнаго штаба д. с. с. Льву Григорьевичу

---

[1]) Весьма неудачныхъ. Казадаевъ издалъ также свой переводъ Мольерова „Тартюфа“. П. Б.

[2]) См. выше, стр. 538. П. Б.

[3]) Я выше упоминалъ о своемъ сынѣ Васильѣ, родившимся въ 1847 году; онъ умеръ въ 1848 году, имѣя отъ роду 1½ года.

[4]) Евгенія Григорьевна, въ память дружеской связи ея родителя съ пишущимъ эти строки, пожелала, чтобы по ея кончинѣ „Очерки жизни“ были переданы въ „Русскій Архивъ“, что̀ исполнено ея супругомъ А. В. Якубенко.

Иванову. Оба послѣдніе, оцѣнивая мои посильные труды по службѣ, постоянно, около 20-ти лѣтъ, взыскивали меня своими милостями, свыше моихъ заслугъ... Да наградитъ Отецъ Небесный всѣхъ сущихъ и бывшихъ моихъ благодѣтелей и въ потомствѣ ихъ, въ мѣрѣ ихъ добрыхъ дѣлъ, сторицею!....

За время служенія въ бывшемъ Инспекторскомъ Департаментѣ, отмѣчу для памяти два факта, сдѣлавшіеся мнѣ извѣстными.

1-е) Кромѣ III-го Отдѣленія собственной его и. в. канцеляріи по секретной части, во второмъ столѣ канцеляріи Департамента велись самые вѣрные и полные списки всѣмъ Декабристамъ и всѣмъ политическимъ преступникамъ, съ отмѣтками гдѣ находились и всѣхъ бывшихъ съ ними перемѣнъ. Случилось, что бывшій военнымъ министромъ князь Чернышевъ и добрый П. Н. Игнатьевъ, въ секретной (въ домѣ Главнаго Штаба) лично допрашивали привозимыхъ преступниковъ. Одинъ изъ сихъ несчастныхъ, послѣ ихъ допросовъ, ухитрился удавиться, и затѣмъ ночью тѣло его было секретно свезено и гдѣ-то просто зарыто. Кто онъ былъ, неизвѣстно, кромѣ того, что онъ былъ хромой.

2-е) Разъ, 2-го Февраля, въ день праздника фельдъегерскаго корпуса, мнѣ случилось быть на обѣдѣ. Сидѣлъ я за столомъ рядомъ съ старымъ фельдъегеремъ, помнится, капитаномъ. Онъ разсказывалъ о трудной своей поѣздкѣ изъ Лондона съ огромнѣйшею суммою денегъ, именно 350 милліоновъ рублей, болѣе въ золотой монетѣ. Это былъ капиталъ императора Николая Павловича, вытребованный имъ изъ банка предъ начатіемъ войны съ коалиціею Европейскихъ державъ, 1853—1856 годовъ, извѣстной у насъ болѣе подъ названіемъ Турецкой или Севастопольской. Этотъ фактъ меня порадовалъ. Послѣ заговора Декабристовъ, Царю, думаю, благая мысль пришла приберечь капиталы своей фамиліи на черный день или на всякій тяжелый случай: жизнь царей и рабовъ въ рукѣ Божіей!

Оставляя за тѣмъ офиціальную сторону моей службы, позволяю себѣ кое-что сказать изъ частной моей жизни. Не скрывая происхожденія своего изъ бѣднѣйшаго класса (пролетаріевъ, или, какъ говорятъ, для униженія человѣка, изъ Бурбоновъ), безъ гордости и униженія себя, я, какъ только помню, велъ постоянно жизнь ровную, не суясь рѣзко впередъ и не отставая отъ добрыхъ и образованныхъ людей, сколько силы и способности позволяли. Я думаю, вся тайна успѣховъ моей жизни заключается въ Промыслѣ Божіемъ, въ наставленіяхъ бѣдной моей матери—идти по честному пути жизни и, главное, въ примѣрахъ хорошихъ, встрѣчавшихся мнѣ, людей. По внутреннему душев-

ному расположенію, я постоянно старался усвоить хорошую, а не дурную сторону жизни. Хорошіе примѣры во мнѣ возбуждали желаніе также сдѣлаться хорошимъ. Кромѣ страха взысканія человѣческаго за проступки и грѣхи свои, постоянно я боялся кары небесной. При строгомъ наблюденіи за собой, я на опытѣ убѣдился, что всякое дурное дѣло тяжело отзывалось на душѣ моей. Послѣ искренней молитвы, Богу приносимой, и послѣ всякаго добраго дѣла, на сердцѣ и душѣ ложился какой-то отпечатокъ тихаго, внутренняго спокойствія. Безъ фатализма вѣрую, что Богъ существуетъ, вѣрую въ будущую жизнь, вѣрую, что добрыя дѣла награждаются, а дурныя наказуются, вѣрую наконецъ, что православная христіанская религія, при чистотѣ ея ученія, ведетъ каждаго истинно вѣрующаго къ лучшей на землѣ жизни и къ спасенію души въ будущей. Къ сожалѣнію у насъ православныхъ христіанъ, какъ у Католиковъ, Лютеранъ, равно у нашихъ раскольниковъ, не духъ религіи производитъ рознь и несогласіе, но внѣшняя обрядовая сторона и своекорыстныя страсти духовныхъ лицъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои убѣжденія.

При такихъ убѣжденіяхъ долгая моя жизнь текла, поучая меня на каждомъ шагу. Всю жизнь я учился и теперь учиться не перестаю, хоть одною ногою готовлюсь ступить въ могилу. Такое-то непрерывное ученіе повело меня и къ тому, чтобъ попробовать силы свои и на литературномъ поприщѣ.

*

Воспоминанія эти писаны Григоріемъ Николаевичемъ Александровымъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ скончался лѣтомъ 1881 года, состоя прекраснымъ и бодрымъ старцемъ на службѣ въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, начальникомъ хранящаго тамъ военнаго архива. «Русскій Архивъ» обязанъ ему за многія его сообщенія, а издателю онаго служилъ онъ достоподражательнымъ примѣромъ высокой нравственности и неутомимаго труда. П. Б.